

**ВСПОМНИТЬ
С
Е**

**МОЯ НЕВЕРОЯТНО
ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ**

Арнольд Шварценеггер

**Вспомнить все: Моя
невероятно правдивая история**

«ЭКСМО»

2013

Шварценеггер А.

Вспомнить все: Моя невероятно правдивая история /
А. Шварценеггер — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62657-1

История его жизни уникальна. Он родился в голодные годы в маленьком австрийском городке, в семье полицейского, не имея особых перспектив на будущее. А в возрасте двадцати одного года он уже жил в Лос-Анджелесе и носил титул «Мистер Вселенная». За пять лет он выучил английский язык и завоевал статус величайшего бодибилдера мира. За десять лет он получил университетское образование и стал миллионером как бизнесмен и спортсмен. За двадцать лет он вошел в число кинозвезд первой величины и породнился с семьей Кеннеди. А через тридцать шесть лет после приезда в Америку он занял пост губернатора Калифорнии... Этот человек – легендарный Арнольд Шварценеггер. И в этой книге он вспомнит действительно все...

ISBN 978-5-699-62657-1

© Шварценеггер А., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	83
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Арнольд Шварценеггер
Вспомнить все: Моя
невероятно правдивая история

Посвящается моей семье

Америка оказалась такой же большой, какой я всегда представлял ее в мечтах, в детстве, проведенном в сельской Австрии. Поэтому мне не пришлось притворяться, изображая восторг и счастье, когда я играл сцену, в которой мой герой Гераклес попадает на площадь Таймс-сквер, в своем первом фильме «Гераклес в Нью-Йорке», вышедшем на экраны в 1969 году.

Глава 1

Родом из Австрии

Я родился в год большого голода. Это был 1947-й, когда Австрия была оккупирована союзными войсками, разгромившими гитлеровский Третий рейх. В мае, за два месяца до моего рождения, в Вене прошли голодные бунты, и в Штирии, земле на юго-востоке страны, где мы жили, также ощущалась острая нехватка продовольствия. Даже через много лет, когда мать хотела напомнить мне, на какие жертвы им с отцом пришлось пойти, чтобы меня вырастить, она рассказывала, как ходила по округе, стучась в двери ферм, чтобы попросить немного сливочного масла, сахара и муки. Порой ее по несколько дней не бывало дома. Это называлось *hamstern* – «хомячить»: так собирает зернышки и корешки хомяк. Широко было распространено попрошайничество.

Таль – так называлась наша ничем не примечательная деревушка. Все ее население состояло из нескольких сотен человек, дома и фермы были разбросаны маленькими хуторками, соединенными между собой грунтовыми дорогами и тропами. Главная немощеная улица петляла пару километров, взбегая вверх и опускаясь вниз по склонам невысоких альпийских предгорий, покрытых полями и сосновыми рощами.

Наша деревня находилась в британской зоне оккупации, но английских войск мы почти не видели – лишь изредка проезжал грузовик с солдатами в кузове. Но восточнее начиналась русская зона, и мы очень боялись красных. Началась «холодная война», и мы жили в постоянном страхе, ожидая, что вот-вот накатится неуправляемый вал русских танков и нас поглотит советская империя. Священники в церквях пугали прихожан жуткими рассказами про то, как русские расстреливают грудных детей прямо на руках их матерей.

Наш дом стоял на пригорке у дороги, и в детстве я редко видел в день больше одной-двух машин, проезжающих мимо. Прямо напротив, всего в сотне ярдов от наших дверей, возвышались развалины замка, возведенного еще в феодальные времена.

На следующем пригорке стояли мэрия, католический костел, куда по воскресеньям возила всех нас на мессу мать, небольшая *Gasthaus*, или таверна, бывшая своеобразным общественным центром деревни, и начальная школа, куда ходили я и мой брат Мейнхард, на год старше меня.

Самые первые мои детские воспоминания – мать стирает, а отец кидает лопатой уголь. Мне тогда было года три, не больше, но образ отца особенно четко запечатлелся у меня в памяти. Это был крупный мужчина атлетического телосложения, и он многое делал своими руками. Каждую осень мы получали запас угля на зиму, грузовик сваливал кучу перед домом, и в таких случаях отец разрешал нам с Мейнхардом помогать ему переносить уголь в подвал. Мы всегда очень гордились этим.

Мои отец и мать происходили из рабочих семей с севера – занятых в основном в сталелитейной промышленности. Во время хаоса, наступившего после окончания Второй мировой войны, они познакомились в маленьком городке Мюрццухлаг, где мать, Аурелия Ядрни, работала в центре распределения продовольствия при городской ратуше. Ей тогда только исполнилось двадцать лет, ее муж погиб на фронте всего через восемь месяцев после того, как они поженились. Однажды, работая за столом, мать заметила отца, идущего по улице, – он был гораздо старше ее, ему было уже под сорок, но он был статный и красивый, в ладном мундире жандарма, сельского полицейского. Мать была без ума от мужчин в форме, поэтому с того самого дня она стала смотреть на улицу, ожидая снова увидеть отца. Она рассчитывала, когда будет его смена, чтобы сидеть за столом одной. Как-то раз они разговорились через открытое окно. Потом мать стала угощать отца тем, что у нее было из съестного.

Его звали Густав Шварценеггер. Они с матерью поженились в конце 1945 года. Отцу тогда было тридцать восемь лет, а матери – двадцать три. Отец получил назначение в деревню Таль, он был поставлен во главе отряда из четырех человек, которому предстояло поддерживать порядок в деревне и ее окрестностях. Жалованья едва хватало на жизнь, однако работа также дала жилье – в *Foresthau*s, доме лесника. Сам *Forestmeister*, лесник, жил на первом этаже, а *Inspektor* с семьей разместился наверху.

Дом, в котором прошло мое детство, был очень простой, сложенный из кирпича и камня, но в то же время удобный, с толстыми стенами и маленькими окошками, чтобы защититься от холода альпийских зим. У нас было две спальни, которые обогревались печками, топившимся углем, и кухня, где мы ели, делали уроки, мылись и играли. Тепло в этом помещении давала кухонная печь.

Не было ни водопровода, ни душа, ни канализации; вместо туалета мы пользовались ночными горшками. До ближайшего колодца было почти четверть мили, и ходить к нему приходилось даже в проливной дождь и в снегопад. Поэтому мы старались расходовать воду как можно бережнее. Воду нагревали и наливали в корыто; первой мылась мать, в чистой воде, следующим мылся отец, потом Мейнхард, а последним – я. Мы усиленно терлись мочалками, и не важно, что вода была уже не совсем чистой, – никому не хотелось лишний раз ходить к колодцу.

У нас была деревянная мебель, только самое необходимое, и несколько электрических лампочек. Отец любил живопись и антиквариат, однако пока мы с братом еще были маленькими, это оставалось непозволительной роскошью. Наш дом оживляли кошки и музыка. Мать играла на цитре и пела нам колыбельные, однако настоящим музыкантом был отец. Он играл на всех духовых инструментах: трубе, флюгельхорне, саксофоне, кларнете. Отец также сам сочинял музыку и был дирижером оркестра местной жандармерии, – если где-нибудь в стране умирал сотрудник полиции, оркестр играл на похоронах. Летом по воскресеньям мы частенько отправлялись в парк, где отец дирижировал, а иногда играл сам. Большинство родственников с отцовской стороны также обладали музыкальными способностями, однако нам с Мейнхардом эти таланты не передались.

Не могу точно сказать, почему мы держали не собак, а кошек – быть может, потому, что мать их очень любила, и они нам ничего не стоили, так как сами добывали себе пропитание. Но у нас всегда было много кошек, которые постоянно носились туда и сюда, лежали повсюду, свернувшись клубком, и приносили с чердака полудохлых мышей, показывая, какие они замечательные охотники. У каждого в семье была своя кошка, которая по ночам забиралась к нему в постель, – это была наша традиция. В какой-то момент у нас жило сразу семь мурлык. Мы любили кошек, но не очень ухаживали за ними, потому что не могли себе позволить обращаться к ветеринару. Если какая-то кошка уже не могла ходить из-за болезни или из-за старости, нужно было ожидать выстрел во дворе, из служебного пистолета отца. Мать, Мейнхард и я вырывали могилу и ставили на ней маленький крест.

У матери была любимая черная кошка по кличке Муки. Мать не переставала повторять, что Муки – единственная и неповторимая в своем роде, но мы не могли понять, почему она так говорит. Однажды, когда мне было лет десять, я ругался с матерью, отказываясь делать домашнее задание к школе. Муки находилась поблизости, как обычно, лежала на диване, свернувшись клубком. Наверное, я сказал что-то грубое, потому что мать шагнула ко мне, намереваясь отвесить затрещину. Увидев это, я вскинул руку, желая защититься, но вместо этого случайно ударил мать по лицу. Муки мгновенно прыгнула с дивана, бросилась между нами и вцепилась мне когтями в лицо. Оторвав ее от себя, я закричал: «Ой! Что это такое?» Мы с мамой переглянулись и расхохотались, несмотря на то что у меня по щеке текла кровь. Наконец мать получила доказательства того, что Муки единственная и неповторимая.

После военного лихолетья родители мечтали о мире и стабильности. Мать была крупной женщиной крепкого телосложения, физически сильная и выносливая, и при этом она была

прирожденная домохозяйка – в доме у нас всегда царила идеальная чистота. Мать закатывала половики, опускалась на четвереньки, брала щетку и мыло и оттирала половые доски, после чего вытирала их насухо тряпками. Она буквально фанатично требовала от нас аккуратно развешивать верхнюю одежду и тщательно складывать постельное белье и полотенца, наглаживая острые, как бритва, складки. За домом мать сажала свеклу, картошку и клубнику, чтобы кормить семью, а осенью заготавливала на зиму соленья и квашеную капусту в больших стеклянных банках. Когда отец в половине первого приходил домой из полицейского участка, у матери уже обязательно был готов для него обед, и точно так же вечером его ждал ужин, когда он возвращался ровно в шесть часов.

Финансами также занималась мать. Поработав в конторе, она была очень собранной; кроме того, писала без ошибок и хорошо считала. Каждый месяц, когда отец приносил домой жалованье, мать оставляла ему пятьсот шиллингов на карманные расходы, а остальное забирала на хозяйство. Она отвечала на все письма и оплачивала счета. Раз в год, в декабре, мать отправлялась с нами по магазинам покупать одежду. Мы доезжали на автобусе до универсального магазина «Кастнер и Олер» в Граце, расположенном сразу за перевалом. Это старое здание было двух- или трехэтажным, но в нашем представлении оно было огромным, как торговый центр «Америка». В нем были эскалаторы и даже лифт из стекла и стали, и мы катались в нем, глаза по сторонам. Мама покупала нам только самое необходимое – рубашки, нижнее белье, носки и тому подобное, и все это доставлялось на следующий день к нам домой в аккуратных бумажных свертках. В ту пору торговля в рассрочку только набирала силу, и матери очень нравилось выплачивать каждый месяц лишь часть общей суммы. Дать простым людям, таким как моя мать, возможность свободно совершать покупки, – это явилось хорошим стимулом развития экономики.

Мать также взяла на себя и все вопросы со здоровьем, хотя именно отец был обучен действиям в чрезвычайных ситуациях. Мы с братом переболели всеми мыслимыми детскими болезнями, в том числе свинкой, скарлатиной и корью, поэтому мать набралась большого опыта во врачевании. Ее не могли остановить никакие преграды: однажды зимой, когда мы с братом были еще малышами, Мейнхард подхватил воспаление легких, и рядом не оказалось ни врача, ни «Скорой помощи». В разгар ночи, оставив нас с отцом дома, мать взвалила Мейнхарда на спину и прошла с ним пешком по заснеженной дороге больше двух миль до больницы в Граце.

Отец являлся гораздо более сложной личностью. Он бывал щедрым и ласковым, особенно с матерью. Они страстно любили друг друга. Это чувствовалось по тому, как мать по утрам приносила отцу кофе, а он постоянно преподносил ей разные маленькие подарки, обнимал ее, похлопывал по спине. Свои чувства они делили и с нами: мы с братом частенько забирались к ним в постель, особенно в грозу, когда сверкали молнии и громыхал гром.

Но примерно раз в неделю, обычно в пятницу вечером, отец возвращался домой пьяным. Порой он отсутствовал до двух-трех часов ночи, просиживая в *Gasthaus* вместе с жителями деревни, к которым нередко присоединялись священник, директор школы и мэр. Мы просыпались среди ночи, услышав, как отец в бешенстве разгуливает по дому и кричит на мать. Ярость быстро проходила, и на следующий день отец уже был добрым и ласковым и вел нас обедать в таверну или дарил подарки, искупая свою вину. Однако если мы с Мейнхардом вели себя плохо, отец отвечивал нам затрецины и порол ремнем.

Нам с братом это казалось совершенно нормальным: все отцы лупили своих детей и возвращались домой пьяными. Один наш сосед надирал своему сыну уши и хлестал розгами, которые мочил в воде, чтобы было больнее. А пьянство было неотъемлемой частью любого застолья. Иногда мужчины приводили с собой в *Gasthaus* своих жен и детей. Мы с братом считали большой честью сидеть за столом вместе со взрослыми, а потом есть десерт. Или нас пускали в соседнюю комнату, угощали кока-колой и сажали играть в настольные игры, листать

журналы и смотреть телевизор. Мы оставались в таверне до полуночи, думая: «Ого, это просто здорово!»

Мне потребовалось много лет, чтобы понять, что за внешним *Gemütlichkeit*¹ в действительности стоят горечь и страх. Мы росли в окружении тех, кто считал себя сборищем неудачников. Их поколение развязало Вторую мировую войну и потерпело в ней поражение. В годы войны отец ушел из жандармерии и поступил в военную полицию в немецкой армии. Он служил в Бельгии, во Франции и в Северной Африке, где подхватил малярию. В 1942 году его едва не схватили в плен под Сталинградом, в самом кровопролитном сражении войны. Дом, в котором он находился, был взорван русской бомбой. Отец три дня пролежал под завалами. У него был поврежден позвоночник, в обеих ногах были осколки. Ему пришлось несколько месяцев лечиться в госпитале в Польше, прежде чем он поправился и смог вернуться в Австрию, где снова поступил в гражданскую полицию. Но кто знает, сколько времени потребовалось, чтобы залечить раны психики, если учесть все, что довелось пережить отцу? Я слышал разговоры о войне, когда мужчины напивались пьяными, поэтому могу себе представить, как болезненно все было. Они потерпели поражение, и еще они боялись того, что однажды придут русские и угонят их к себе, восстанавливать Москву и Ленинград. Они были обозлены, старались скрыть ярость и унижение, однако разочарование слишком глубоко пустило корни в их сердцах. Только подумать: им ведь обещали, что они станут гражданами новой великой империи и каждая семья будет обладать всеми жизненными благами. А вместо этого они вернулись в разоренную страну, где нет денег, не хватает продовольствия, все надо восстанавливать. Страна занята оккупационными войсками, так что они больше не хозяева своей родины. И хуже всего то, что нет никакого способа забыть то, что им пришлось пережить. Ну как залечивать эту немислимую травму, когда все стараются о ней молчать?

Наследие Третьего рейха официально стиралось. Всем государственным служащим – представителям местной власти, учителям, полицейским, – требовалось пройти так называемую «денацификацию». Их долго допрашивали, их личные дела тщательно изучали, проверяя, причастны ли они к военным преступлениям. Все связанное с нацистской эрой изымалось: книги, фильмы, плакаты, даже личные дневники и фотографии. Нужно было отдать все: война начисто стиралась в сознании.

Мы с Мейнхардом лишь смутно это чувствовали. У нас дома была книга с красивыми картинками, которую мы брали, когда играли в священника, притворяясь, что это Библия, потому что размером она была гораздо больше нашей семейной Библии. Один из нас стоял, держа раскрытую книгу, а другой читал мессу. На самом же деле это был альбом, пропагандирующий великие свершения Третьего рейха. Разделы были посвящены различным темам: коммунальные службы, строительство тоннелей и плотин, речи и выступления Гитлера, новые большие корабли, новые памятники, великие сражения войны в Польше. В каждом разделе имелись чистые страницы, и, покупая военные облигации, можно было получить фотографии с номером, которые следовало наклеить на соответствующую страницу. Как только коллекция оказывалась полностью собранной, вручался специальный приз. Мне больше всего нравились страницы с изображением величественных железнодорожных вокзалов и могучих паровозов, окутанных паром, но больше всего я обожал фотографию двух железнодорожников на открытой дрезине, приводимой в действие рычагом, – для меня это было олицетворением приключений и свободы.

Мы с Мейнхардом даже не догадывались, что это за книга. Но однажды, собравшись играть в священника, мы обнаружили, что она исчезла. Мы тщетно искали повсюду. Наконец я спросил у матери, куда исчезла красивая книга: в конце концов, это же была наша Библия! Но мать только ответила: «Нам пришлось ее отдать». Позднее я просил отца: «Расскажи мне

¹ Добродушием (нем.).

о войне», расспрашивал его о том, что он делал, где бывал. Его ответ был неизменным: «Тут не о чем говорить».

Защитой отца от всех жизненных проблем была дисциплина. У нас дома был строгий распорядок, в котором ничего не менялось: мы вставали в шесть, после чего мне или Мейнхарду предстояло сходить за молоком на соседнюю ферму. Когда мы стали постарше и начали заниматься спортом, в перечень обязательных дел добавились физические упражнения, и мы должны были заработать себе завтрак, выполнив определенное количество приседаний. Вечером, после того как мы делали уроки и заканчивали домашние дела, отец шел с нами играть в футбол, какой бы плохой ни была погода. И если у нас что-то не получалось, отец на нас кричал.

Так же твердо он был убежден в необходимости тренировать мозг. По воскресеньям после мессы отец вел всю нашу семью куда-нибудь – в соседнюю деревню, в кино, или смотреть, как он выступает со своим оркестром. А вечером мы должны были написать сочинение о том, что случилось за день, не меньше десяти страниц. Отец возвращал тетрадки исчерканными красными чернилами, а если один из нас писал какое-то слово с ошибкой, он заставлял переписывать это слово пятьдесят раз.

Я любил своего отца и хотел быть похожим на него. Помню, как-то раз, когда я был маленьким, я надел его мундир и встал на стуле перед зеркалом. Китель доходил до щиколоток, словно платье, а фуражка сползала на нос. Но отец отмахивался от всех наших проблем. Если мы просили у него велосипед, он отвечал, что мы сами должны на него заработать. Отец не переставал повторять, что нет предела совершенству. Его требования могли искалечить кого угодно, однако на меня дисциплина подействовала положительно. Я превратил ее в свой движитель.

Мы с Мейнхардом были очень близки. Мы спали в одной комнате до тех пор, пока я в возрасте восемнадцати лет не ушел в армию, и ничего другого я даже представить себе не мог. И по сей день мне гораздо уютнее, если перед сном можно с кем-нибудь поболтать.

Как это часто бывает с братьями, мы страшно соперничали во всем – всегда стремились одержать верх друг над другом и завоевать благосклонность отца, который, разумеется, в спорте сам был одержим духом борьбы. Он устраивал нам забег и приговаривал: «А теперь посмотрим, кто из вас действительно лучше». Ростом мы были выше большинства сверстников, но поскольку я был на год младше, как правило, в этих упорных соревнованиях верх одерживал Мейнхард.

Я всегда искал, как бы расквитаться с братом. Слабым местом Мейнхарда была боязнь темноты. Когда ему исполнилось десять лет, он окончил начальную школу в нашей деревне и перешел в *Hauptschule*², которая находилась в Граце, за перевалом. Добираться туда нужно было на общественном транспорте, а до автобусной остановки от нашего дома было двадцать минут пешком. На беду Мейнхарда, в короткие зимние дни занятия в школе заканчивались уже после захода солнца, и ему приходилось возвращаться домой в сумерках. Брат очень боялся идти один в темноте, поэтому моей задачей было встречать его на остановке.

На самом деле и мне было страшно в девятилетнем возрасте идти одному по темным улицам. Фонарей в Тале не было, и ночью на деревню опускался кромешный мрак. Дороги и тропинки были окружены сосновыми рощами, словно взятыми из сказок братьев Гримм: деревья росли так часто, что даже при свете дня в рощах царил полумрак. Разумеется, мы были воспитаны на этих жутких сказках, которые сам я ни за что не стану читать своим малышам, но они были частью нашей культуры. В них неизменно присутствовали какие-нибудь ведьма, волк или чудовище, готовые погубить беззащитного ребенка. Подпитывало наши страхи и то, что у нас дома был свой полицейский. Иногда, возвращаясь с дежурства, отец рассказывал, что

² Средняя школа (нем.).

полиция ведет розыск того или иного преступника или убийцы. Мы отправлялись к одинокому сараю с сеном посреди поля, отец оставлял нас ждать, а сам с пистолетом в руке осматривал, что внутри. Или приходило известие, что отец со своими людьми схватил какого-то вора, и тогда мы с братом бежали в участок, чтобы посмотреть на типа в наручниках, сидящего за решеткой.

Задача добраться до автобусной остановки была посложнее, чем просто пройти по дороге. Тропа огибала развалины замка и спускалась вниз вдоль опушки леса. Однажды ночью я шел по этой тропе, пристально всматриваясь в лес в поисках возможной угрозы, и вдруг словно из ниоткуда передо мной возник человек. В лунном свете я различил лишь его силуэт и два блестящих глаза. Застыв на месте, я закричал от страха. Это оказался лишь работник с соседней фермы, шедший навстречу; но если бы это был гоблин, он тогда точно со мной бы расправился.

Я перебарывал страх только потому, что должен был доказать, что сильнее Мейнхарда. Мне было крайне важно продемонстрировать родителям: «Я храбрый, а он трус, хотя он и старше меня на год и четырнадцать дней».

И эта решимость приносила свои плоды. За то, что я ходил встречать Мейнхарда, отец выдавал мне по пять шиллингов в неделю. Мать, воспользовавшись моим бесстрашием, стала каждую неделю посылать меня на рынок за овощами, для чего нужно было пройти через другой темный лес. Эта работа также приносила по пять шиллингов, и я с радостью тратил честно заработанные деньги на мороженое и на коллекцию марок.

Однако обратная сторона заключалась в том, что родители стали больше заботиться о Мейнхарде, уделяя мне все меньше внимания. Во время школьных каникул летом 1956 года они отправили меня работать на ферме у крестной, но брата оставили дома. Мне доставлял удовольствие физический труд, но я почувствовал себя обделенным, когда, вернувшись домой, узнал, что в мое отсутствие родители возили Мейнхарда посмотреть Вену.

Постепенно наши пути разошлись. В то время как я читал в газетах спортивные страницы и запоминал фамилии спортсменов, Мейнхард полюбил журнал «Шпигель», немецкий аналог американского «Тайм», – в нашей семье такое было в диковинку. Брат выучил названия и численность населения столиц всех стран и длины всех значительных рек мира. Он знал наизусть периодическую таблицу Менделеева и химические формулы. Мейнхард стал просто фанатиком различных фактов и постоянно бросал вызов отцу, проверяя, знает ли тот то или иное.

В то же время у брата развилось отвращение к физическому труду. Ему не нравилось пачкать руки. Он повадился каждый день надевать в школу белую рубашку. Мать ему ничего не говорила, но жаловалась мне: «Мало с меня белых рубашек твоего отца, теперь я должна стирать еще и *его* рубашки». Вскоре в семье утвердилось мнение, что Мейнхард станет «белым воротничком», квалифицированным рабочим, может быть, даже инженером, а я буду «синим воротничком», поскольку не имел ничего против того, чтобы пачкать руки. «Ты хочешь стать механиком? – спрашивали меня родители. – Как насчет столяра-краснодеревщика?» А еще они думали, что я стану полицейским, как отец.

У меня же были другие планы. Откуда-то у меня в голове возникла мысль, что мое место в Америке. Ничего определенного. Просто... *Америка*. Не могу точно сказать, что послужило толчком. Быть может, это было лишь стремление бежать от житейских невзгод Таля и железной дисциплины отца, или, возможно, меня захлестнул восторг каждый день ездить в Грац, где осенью 1957 года я следом за Мейнхардом поступил в пятый класс *Hauptschule*. По сравнению с Талем Грац был гигантским мегаполисом, с машинами, магазинами и тротуарами. Американцев там не было, но Америка постепенно просачивалась в нашу культуру. Все мальчишки играли в индейцев и ковбоев. Мы видели американские города и села, автострады и природные достопримечательности на картинках в учебниках и на зернистых черно-белых кадрах документальных фильмов, которые крутили у нас в классе на стареньком скрипучем кинопроекторе.

Что важнее, мы понимали: Америка нужна нам для нашей безопасности. В Австрии «холодная война» чувствовалась повсюду. В случае кризиса отец должен был собрать рюкзак и отправиться на проходящую в пятидесяти пяти милях к востоку венгерскую границу, чтобы организовать отпор. Год назад, в 1956 году, когда советские танки раздавили венгерское восстание, отец принимал участие в размещении сотен беженцев, хлынувших в нашу страну. Он строил для них лагеря и помогал переправиться туда, куда они хотели. Кто-то хотел отправиться в Канаду, кто-то хотел остаться в Австрии, и, разумеется, многие хотели попасть в Америку. Отец со своими людьми работал с беженцами, а мы с братом приходили к нему и помогали раздавать суп, что произвело на меня большое впечатление.

Наше знакомство с окружающим миром продолжалось в кинотеатре рядом с центральной площадью Граца, где непрерывно крутили новостные ролики. Один и тот же часовой сеанс продолжался по кругу весь день. Сначала показывали хронику событий со всего мира, с сопровождением на немецком языке, затем – мультфильм про Микки-Мауса, после чего шли слайды с рекламой магазинов Граца. В конце играла музыка, и все начиналось заново. Билеты были недорогими – всего несколько шиллингов, – и каждый сюжет новостей открывал новые чудеса. Элвис Пресли исполняет песню *Hound Dog*. Президент Дуайт Эйзенхауэр произносит речь. Американские машины и кинозвезды. Эти образы я запомнил навсегда. Конечно, было также много нудного, но это прошло сквозь меня, не оставив следа, подобно Суэцкому кризису 1956 года.

Еще большее впечатление производили американские фильмы. Самым первым, который увидели мы с Мейнхардом, был «Тарзан» с Джонни Вайсмюллером в главной роли. Мне казалось, Джонни спрыгнет с экрана прямо к нам. Меня завораживала мысль, что человек может раскачиваться на лианах и прыгать с дерева на дерево, а также говорить с львами и шимпанзе; и еще я затаив дыхание следил за развитием отношений Тарзана и Джейн. Вот была отличная жизнь! Мы с Мейнхардом просмотрели этот фильм несколько раз.

Два кинотеатра, в которые мы обычно ходили, стояли друг напротив друга на самой популярной торговой улице Граца. В основном в них крутили вестерны, но также комедии и драмы. Единственная беда заключалась в том, что все фильмы были разделены на строгие возрастные категории. У входа стоял полицейский, проверяя возраст посетителей. Попасть на фильм с Элвисом, эквивалент нынешнего «от 13 и старше», было довольно просто, но вот все фильмы, которые я хотел посмотреть – вестерны, фильмы про гладиаторов, про войну, – относились к категории вроде нынешней *Restricted*³, и поэтому попасть на них было гораздо сложнее. Иногда благожелательная кассирша предлагала подождать, затем быстро кивала в сторону прохода, где стоял полицейский. А еще я караулил у выхода и проходил в зрительный зал сзади.

За развлечения я расплачивался деньгами, заработанными благодаря своей первой предпринимательской деятельности: летом 1957 года я торговал мороженым в Талерзее. Талерзее – это парк на берегу одноименного живописного озера, уютно расположившегося между горами к востоку от Таля, примерно в пяти минутах пешком от нашего дома. До озера легко добраться со стороны Граца, и летом тысячи людей приезжают сюда, чтобы отдохнуть, искупаться, поплавать на лодках и поиграть в спортивные игры. К полудню им уже становилось жарко и хотелось пить, и когда я увидел длинную очередь, выстроившуюся к киоску с мороженым, то понял, что передо мной открывается деловая перспектива. Парк достаточно обширный, и от некоторых мест до киоска идти минут десять, так что на обратном пути мороженое успеет растаять. Выяснив, что можно покупать мороженое по шиллингу, я закупал десяток порций и обходил озеро, продавая их по три шиллинга. Хозяин киоска только приветствовал расширение бизнеса и даже одолжил мне ящик, в котором рожки дольше оставались холодными. Торгуя мороже-

³ «Запрещено» (англ.) – фильмы, которые запрещено смотреть детям до 16 лет.

ным, я зарабатывал за день сто пятьдесят шиллингов, почти шесть долларов; к тому же я приобрел красивый загар, расхаживая по парку в одних шортах.

Однако через какое-то время мои сбережения, заработанные на мороженом, иссякли, а сидеть на мели мне совсем не понравилось. И я нашел решение: попрошайничество. Я сбегал из школы и отправлялся бродить по главной улице Граца, высматривая какое-нибудь симпатичное лицо. Иногда это бывали мужчина средних лет или студент, но, как правило, я выбирал крестьянку, приехавшую в город по делам. Я подходил к ней и говорил: «Простите, но я потерял все деньги и проездой на автобус, а мне нужно вернуться домой». Случалось, крестьянка прогоняла меня, но гораздо чаще она говорила что-нибудь вроде: «Du bist so dimm! Как ты мог совершить подобную глупость?» И тогда я понимал, что дело выгорело, потому что крестьянка вздыхала и спрашивала: «Сколько тебе нужно?»

– Пять шиллингов.

– Ну, хорошо. Ja.

Я всегда просил ее записать свой адрес, чтобы я смог вернуть деньги. Обыкновенно крестьянка лишь говорила: «Нет, нет, можешь не присылать деньги. Просто в следующий раз будь более внимателен». Правда, порой бывало, что крестьянка записывала свой адрес. Разумеется, я и не собирался возвращать деньги. В удачные дни я выпрашивал до ста шиллингов – четыре доллара. Этого было достаточно, чтобы покупать игрушки, ходить в кино и вообще жить припеваючи!

Однако в моей схеме была одна дыра. Ребенок школьного возраста, один на улице в будний день, привлекал к себе внимание. В Граце многие знали моего отца. И как-то один знакомый сказал ему: «Сегодня я видел твоего сына на улице, он выпрашивал деньги у какой-то женщины». Это привело к грандиозному скандалу дома, который завершился жестокой поркой, что положило конец моей карьере попрошайки.

Эти первые выезды за пределы Таля распалили мои мечты. Я преисполнился абсолютной уверенности в собственной исключительности, в том, что меня ждут великие свершения. Я решил, что стану лучшим в какой-нибудь области – хотя еще и не знал, в какой именно, – и это сделает меня знаменитым. Америка – самая могущественная страна в мире, поэтому я должен отправиться туда.

Нет ничего необычного в том, что десятилетний ребенок мечтает. Однако мысль отправиться за океан явилась для меня откровением, и я отнесся к ней серьезно. Мне хотелось говорить о ней. Однажды, стоя на автобусной остановке, я сказал девочке, на два года старше меня: «Я собираюсь уехать в Америку», а она лишь смерила меня взглядом и сказала: «Ага, Арнольд, разумеется». Ребята привыкли слушать мои рассказы об Америке и считали, что у меня не все дома, однако это не мешало мне делиться своими планами со всеми: с родителями, с учителями, с соседями.

Средняя школа не ставила задачу вырастить нового мирового лидера. Она лишь готовила детей к взрослой жизни, в которой нужно трудиться. Мальчики и девочки были разведены по разным крыльям здания. Школьники получали основы знаний по математике, естественным наукам, географии, истории, религии, литературе, искусству, музыке и другим дисциплинам, однако все эти предметы преподавались в меньших объемах, чем в академической школе, готовившей подростков к поступлению в университет или технический институт. Выпускники *Hauptschule*, как правило, шли учиться в профессиональные училища или сразу же начинали работать. Тем не менее учителя были очень добросовестными и стремились обогатить нас знаниями. Они показывали нам на уроках фильмы, приглашали в школу оперных певцов, открывали для нас литературу и искусство.

Окружающий мир был мне так интересен, что учеба давалась без особого труда. Я отвечал на уроках, выполнял домашние задания и по успеваемости был средним в классе. Чтение и письмо требовали от меня собранности: с ними у меня было больше проблем, чем у боль-

шинства моих одноклассников. С другой стороны, математика шла легко: я никогда не путал цифры и легко считал в уме.

Дисциплина в школе мало отличалась от того, к чему я привык дома. Учителя лупили нас не хуже родителей. Один мальчик попался на том, что украл у одноклассника ручку; так школьный священник ударил его катехизисом с такой силой, что у бедняги несколько часов стоял звон в ушах. Учитель математики отвесил моему другу такой увесистый подзатыльник, что тот ударился лицом о парту и выбил два передних зуба. Общение учителей и родителей было прямой противоположностью тому, что мы имеем сейчас, когда школа и родители прилагают все усилия, чтобы не травмировать чувства ребенка. А нас, весь класс, все тридцать человек усаживали за парты, и учитель говорил: «Вот вам задание. Даю два часа на его выполнение, а я тем временем буду встречаться с вашими родителями». Родители по одному заходили в класс – крестьянка, рабочий... И каждый раз повторялась одна и та же сцена. Родители с большим уважением здоровались с учителем и подсаживались к нему, а тот показывал им работы их ребенка и вполголоса обсуждал его успехи в учебе. Можно было услышать, как отец строго спрашивает: «Так он иногда безобразничает?» Затем он оборачивался, бросал на сына строгий взгляд, вставал, подходил к нему и отвечивал затрещину, после чего возвращался за стол учителя. Все это происходило у нас на глазах, а учитель ехидно ухмылялся.

Потом я слышал, как по лестнице поднимается мой отец. Я всегда узнавал его шаги, тяжелую поступь полицейских ботинок. Отец появлялся в дверях, одетый в форму, и теперь уже учитель вставал, выказывая свое уважение, потому что мой отец был полицейский инспектор. Они садились и начинали разговаривать, и наступал мой черед: отец оборачивался, сверкал глазами, затем подходил, хватал левой рукой за волосы и «бум!» правой. После чего уходил, не сказав ни слова.

Время было тяжелое. Везде были трудности. Так, например, зубные врачи не использовали заморозку. Но тот, кто вырос в такой суровой обстановке, учится на всю жизнь терпеть физическую боль, и этот навык не проходит и тогда, когда трудности давно остались позади.

Когда Мейнхарду было лет четырнадцать и что-то дома его не устраивало, он повадился убегать прочь. Он говорил мне: «Думаю, я опять уйду. Но ты ничего не говори». После чего он собирал одежду в портфель, чтобы никто ничего не заподозрил, и исчезал.

Мать сходила с ума от беспокойства. Отец обзванивал своих приятелей в соседних участках жандармерии, выясняя, не объявился ли его сын. Брат выбрал очень эффективный способ протеста, если учесть то, что его отец был полицейским начальником.

Через день-два Мейнхард объявлялся, как правило, дома у одного из родственников, а может быть, он прятался у своего друга, до которого рукой подать. Меня всегда поражало то, что для него не было никаких последствий. Возможно, отец просто давал ситуации разрядиться. За свою работу в полиции ему не раз приходилось иметь дело с детьми, сбежавшими из дома, и он понимал, что, наказав Мейнхарда, только усугубит проблему. Однако, готов поспорить, отцу приходилось собирать всю свою выдержку.

Я же мечтал покинуть дом законным путем. Поскольку я еще был несовершеннолетним, я решил, что лучший путь к независимости – не лезть в чужие дела и самому зарабатывать деньги. Я брался за любую работу. Я нисколько не стеснялся взять лопату и копать землю. Как-то летом во время каникул один парень из нашей деревни устроил меня на стекольный завод в Граце, где работал он сам. Моя работа заключалась в том, чтобы насыпать лопатой битое стекло в тележку, везти в цех и высыпать в чан для переплавки. В конце каждого дня мне платили наличными.

На следующее лето я услышал, что есть работа на лесопилке в Граце. Я взял портфель и положил в него маленький бутерброд с маслом, чтобы продержаться до вечера. Затем доехал на автобусе до лесопилки, собрался с духом, вошел внутрь и спросил хозяина.

Меня провели в контору, и там был хозяин, сидел за столом.

- Что тебе нужно? – спросил он.
- Я ищу работу.
- Сколько тебе лет?
- Четырнадцать.
- Какую ты хочешь работу? Ты ведь еще ничего не умеешь!

И все же хозяин взял меня, приставив к рабочим, обслуживающим машину, которая измельчала отходы древесины в опилки.

- Ты будешь работать здесь, – сказал он.

Я сразу же взялся за работу и проработал на лесопилке до конца каникул. Моей задачей было пересыпать лопатой огромную гору опилок в грузовики, которые их увозили. Я заработал за лето 1400 шиллингов, примерно 55 долларов. По тем временам это была большая сумма. Больше всего я гордился тем, что, несмотря на мой возраст, мне платили как взрослому.

У меня не было никаких сомнений относительно того, как распорядиться деньгами. Всю свою жизнь я носил обноски, оставшиеся от Мейнхарда. У меня никогда не было собственных новых вещей. Я только что начал заниматься спортом – меня приняли в школьную футбольную команду, – и как раз в этом году в моду вошли первые спортивные костюмы: черные длинные штаны и черные куртки на «молнии». Мне они ужасно нравились, и я даже пытался показать родителям фотографии из журналов. Но родители отвечали, что это лишь пустая трата денег. Поэтому первым делом я купил спортивный костюм. Затем на оставшиеся деньги купил велосипед. На новый у меня не хватило, но в Тале был один мастер, собиравший велосипеды из деталей старых, и такой велосипед я смог себе позволить. У нас дома велосипеда больше не было ни у кого: отец после войны променял свой на продукты и так и не купил новый. И хотя мой велосипед был далеко не в идеальном состоянии, даже эти два колеса означали свободу.

Глава 2

Построение тела

Из последнего класса средней школы мне больше всего запомнились учения гражданской обороны. В случае начала ядерной войны должны были включиться сирены. Мы закрывали учебники и забирались под парты, пряча головы между колен и зажмуриваясь. Даже ребенок понимал, как нелепо это выглядит.

В июне 1961 года все мы прильнули к экранам телевизоров, следя за Венской встречей на высшем уровне нового президента Соединенных Штатов Джона Ф. Кеннеди с советским премьером Никитой Хрущевым. Телевизоров в домах почти ни у кого не было, но мы знали магазин электротоваров на Лендплатц в Граце, где на витрине были выставлены два телевизора. Мы бегали к нему и стояли на тротуаре, смотря репортажи со встречи. К тому времени Кеннеди пробыл на президентском посту меньше полугода, и многие эксперты считали, что он совершил большую ошибку, сразу же договорившись о встрече с Хрущевым, прямым, резким и хитрым политиком. Мы, подростки, в этом не разбирались, а поскольку телевизоры стояли внутри магазина, мы все равно не слышали звук. Но мы смотрели! Мы чувствовали себя соучастниками происходящего.

Наше положение было страшным. Каждый раз, когда Россия и Америка о чем-то спорили, нам казалось, что мы обречены. Мы боялись, что Хрущев сделает с Австрией что-то ужасное, поскольку мы находились прямо посредине; вот почему встреча проходила как раз в Вене. Она была бурной. В какой-то момент Хрущев, выдвинув одно жесткое требование, добавил: «Теперь Америке решать, что будет – война или мир», а Кеннеди зловеще ответил: «В таком случае, господин председатель, будет война. Это будет долгая холодная зима». Когда осенью того же года Хрущев воздвиг Берлинскую стену, взрослые говорили друг другу: «А вот и оно». В Австрии только жандармерию и можно было считать вооруженными силами. Отцу выдали военную форму и снаряжение и отправили на границу. Он отсутствовал неделю, до тех пор пока кризис не разрешился.

А мы тем временем жили в напряжении. У нас в школе постоянно устраивали учения. Наш класс из тридцати мальчишек-подростков буквально бурлил тестостероном, однако войны не хотел никто. Нас больше интересовали девчонки. Они представляли для нас тайну, особенно для таких парней, как я, у кого не было сестер. Мы встречались с ними только на школьном дворе перед началом занятий, потому что девочки учились в отдельном крыле здания. Это были те самые девчата, с которыми мы росли всю жизнь, но внезапно они стали казаться нам пришельцами с другой планеты. Как с ними разговаривать? Мы как раз достигли той стадии, когда мальчишки начинают чувствовать половое влечение, однако проявлялось это по-странному – например, как-то утром мы устроили засаду в школьном дворе и забросали девочек снежками.

В тот день первым уроком у нас была математика. Учитель, вместо того чтобы раскрыть учебник, сказал: «Ребята, я видел вас во дворе. Давайте лучше поговорим об этом».

Мы испугались, что сейчас нам влетит, – это был тот самый учитель, который выбил моему приятелю зубы. Однако в этот день учитель был настроен миролюбиво. «Вы хотите понравиться этим девчонкам, да?» Мы неуверенно закивали. «Для вас это совершенно естественно, потому что нас влечет к противоположному полу. Затем вам захочется их поцеловать, потискать, заняться с ними любовью. Не этого ли хотят все, сидящие в классе?»

Мы закивали, уже увереннее. «Так что не пытайтесь убедить меня в том, что разумно бросать снежок девочке в лицо! Это так вы выражаете свою любовь? Это так вы говорите: «Я тебя люблю»? Как вам такое взбрело в голову?»

Теперь учитель полностью завладел нашим вниманием. «И я вспоминаю, каким был *мой* первый шаг в отношении девочек, – продолжал он. – Я говорил им ласковые слова, целовал их, обнимал, делал им приятное – вот что я делал».

У многих из нас отцы никогда не говорили о таких вещах. Мы вдруг поняли, что если хочешь завоевать девочку, нужно сначала постараться завязать с ней разговор, а не просто пускать слюнки, словно похотливый кобель. Нужно установить с ней хорошие отношения. Я был одним из тех, кто кидался снежками. И я усвоил эти намеки и запомнил их.

В самую последнюю неделю школьных занятий мне вдруг явилось откровение относительно моего будущего. Подумать только, это произошло во время урока истории, когда мы писали сочинение. Учитель любил выбирать из класса четверых-пятерых учеников и раздавать им газеты, чтобы они писали небольшое сочинение о заинтересовавших их статьях или фотографиях. Так получилось, что на этот раз был выбран я, и учитель протянул мне спортивную страничку. На ней была фотография Мистера Австрия, Курта Марнула, установившего новый рекорд в жиме на скамье лежа: 190 килограммов.

Его достижения вдохновили меня. Однако больше всего меня поразило то, что Марнул был в очках. У них были слегка тонированные стекла, и они сразу же бросались в глаза. В моем представлении очки были неразрывно связаны с людьми умственного труда: учителями и священниками. Однако вот Курт Марнул лежал на скамье, в трико, туго перетянутый поясом, с огромной грудной клеткой, держа над собой громадный вес, – и он был в очках. Я не мог оторвать взгляда от фотографии. Как человек с лицом профессора может выжать сто девяносто кило? Именно об этом я и написал сочинение. Прочитал его вслух и с удовлетворением услышал в классе смех. И меня очаровал этот человек, одновременно умный и сильный.

Параллельно с новым интересом к девушкам во мне креп интерес к собственному телу. Я стал уделять все больше внимания спорту: наблюдал за спортсменами, смотрел, как они занимаются, как управляют своим телом. Год назад для меня это не имело никакого значения; теперь же это было всем.

Сразу же после уроков мы с друзьями спешили в Талерзее. Летом это было наше излюбленное место: там мы купались, боролись в песке, гоняли по полю мяч. Я быстро познакомился с боксерами, борцами и другими спортсменами. В предыдущее лето я познакомился с Вилли Рихтером, спасателем. Ему было лет двадцать с небольшим. Он разрешил мне находиться рядом с ним и помогать ему. Вилли являлся разносторонним спортсменом. Когда он был не на дежурстве, я ходил за ним, наблюдая за тем, как он занимается. Обычно Вилли использовал весь парк в качестве одного большого гимнастического зала: он подтягивался на ветвях деревьев, отжимался и приседал на траве, бегал по аллеям, прыгал на месте. Время от времени Вилли специально для меня принимал позу, демонстрируя упругие мышцы, и это было здорово.

Вилли дружил с двумя братьями, у которых была по-настоящему накачанная мускулатура. Один из них учился в университете, другой был чуть помоложе. Они занимались гиревым спортом и культуризмом. В тот день, когда я с ними познакомился, братья выполняли толкание ядра. Они предложили мне попробовать и стали обучать меня разворотам и шагам. Потом мы подошли к дереву, на котором подтягивался Вилли. И вдруг он спросил: «А ты почему не пробуешь?» Я с трудом ухватился за ветку, потому что она была толстой и нужно было иметь сильные пальцы, чтобы удержаться на ней. Мне удалось с трудом подтянуться два-три раза, после чего я сорвался вниз. Вилли сказал: «Знаешь, если ты будешь заниматься все лето, обещаю, что ты сможешь подтянуться десять раз, и это будет достижением. И я не сомневаюсь, что твои «латы» вырастут по крайней мере на сантиметр с каждой стороны». Под «латами» он подразумевал мышцы спины, расположенные прямо под лопатками, по-латыни *latissimi dorsi*.

Я подумал: «Ого, как интересно, всего от одного только упражнения». Затем мы отправились по парку следом за Вилли, выполняя все его остальные упражнения. С этого дня я занимался вместе с ним ежедневно.

Предыдущим летом Вилли брал меня с собой в Вену на чемпионат мира по тяжелой атлетике. Мы вместе с другими ребятами поехали на машине. Дорога до Вены заняла четыре часа – дольше, чем мы предполагали, – поэтому мы успели только на последнее состязание в супертяжелой весовой категории. Победителем стал русский великан по имени Юрий Власов. Когда он поднял над головой штангу весом 190,5 килограмма (или 420 фунтов), многотысячный зал взорвался восторженными криками. За состязаниями тяжелоатлетов последовало мировое первенство по культуризму, и я впервые увидел ребят, вымазанных маслом, которые принимали различные позы, демонстрируя свою мускулатуру. Затем мы отправились за кулисы и встретились с самим Власовым. Не знаю, как нам это удалось, – возможно, кто-то задействовал свои связи в тяжелоатлетическом клубе Граца.

Эта поездка явилась для меня приключением, полным восторга, я отлично провел время. Однако в свои тринадцать лет я никак не думал, что все это может иметь ко мне какое-то отношение. Но через год все эти воспоминания зарегистрировались у меня в сознании, и я понял, что хочу стать сильным и иметь накачанную мускулатуру. Я как раз посмотрел фильм «Геркулес и пленницы», который мне очень понравился. На меня произвело огромное впечатление тело актера, снявшегося в главной роли. «Ты ведь знаешь, кто этот парень, да? – спросил Вилли. – Это же Мистер Вселенная, Редж Парк». Я рассказал ему про сочинение на уроке истории. Выяснилось, что Вилли присутствовал при том, как Курт Марнул установил рекорд в жиме лежа. «Он мой друг», – сказал Вилли.

Через пару дней он объявил:

– Сегодня вечером Курт Марнул придет на озеро. Ты понял, это тот парень с фотографии.

– Замечательно! – воскликнул я.

Я стал ждать вместе с одним одноклассником. Мы плавали и боролись на песке, и наконец появился Курт Марнул вместе с красивой девушкой.

Он был в обтягивающей футболке и темных брюках и все в тех же тонированных очках. Переодевшись в кабинке спасателя, Марнул вышел в одном купальном костюме. Мы смотрели на него не отрываясь. Как же невероятно он выглядел! Марнул славился своими огромными дельтовидными и трапециевидными мышцами, и действительно, плечи у него были просто гигантские. И при этом у Марнула была узкая талия, «кубики» мышц брюшного пресса, – все что нужно.

Девушка, бывшая с ним, переделась в купальник, в бикини. Она также выглядела бесподобно. Мы поздоровались с ними и остались на берегу, наблюдая за тем, как они купаются.

Вот теперь мне действительно захотелось стать таким, как Марнул. Как оказалось, он регулярно приходит на озеро, частенько в сопровождении самых невероятных девушек. Марнул довольно вежливо обращался со мной и с моим другом Карлом Герстлем, так как понимал, что для нас он кумир. Карл был светловолосым парнем примерно моего роста, года на два старше меня, к которому я однажды подошел, увидев, что он накачал приличные мышцы.

– Ты занимаешься? – спросил я.

– Точно, – подтвердил Карл. – Я начал с подтягиваний и сотни приседаний в день, но теперь я не знаю, что еще делать.

Тогда я пригласил его заниматься вместе со мной и Вилли. Марнул должен был показать нам упражнения.

Вскоре к нам присоединились другие ребята: друзья Вилли и парни из тренажерного зала, где занимался Карл, все старше меня. Старше всех был один коренастый тип лет сорока по имени Муи. В прошлом он был профессиональным борцом; сейчас же просто работал с гириями. Как и Марнул, Муи был холостяком. Он жил на государственную стипендию и учился

в университете. Классный парень, политически грамотный и очень умный, Муи свободно владел английским. Он стал играть важную роль в нашей группе, поскольку переводил нам статьи из английских и американских журналов по культуризму, а также из «Плейбоя».

Рядом с нами всегда были девушки, которые занимались вместе с нами или просто убивали время. Нравы в Европе были не такими пуританскими, как в Соединенных Штатах. Все связанное с человеческим телом было более открытым – чем меньше прячешь, тем в тебе меньше странностей. В уединенных уголках парка частенько можно было увидеть загорающих нудистов. Мои друзья ездили отдыхать в колонии нудистов в Югославии и во Франции. Там они чувствовали себя свободными. И парк Талерзее, с его холмами, густыми кустами и тропинками, был идеальным местом для влюбленных. Когда я в возрасте десяти-одиннадцати лет продавал здесь мороженое, то не мог взять в толк, почему люди лежат в зарослях на больших одеялах, но теперь я уже понимал, что к чему. В то лето наша группа воображала, будто мы гладиаторы. Мы повернули время вспять: пили сырую воду и красное вино, ели мясо, наслаждались женскими ласками, бегали по лесу и выполняли упражнения. Каждую неделю мы разводили большой костер у берега озера и жарили шашлык с помидорами и луком. Мы лежали под звездами и вращали вертела над огнем, до тех пор пока мясо не достигало готовности.

Мясо на эти пиршества приносил отец Карла, Фреди Герстль. Из всех нас он единственный был с мозгами – коренастый мужчина в очках с толстыми стеклами, бывший для нас не столько отцом нашего приятеля, сколько другом. Фреди служил в полиции, и у них с женой были два самых больших табачных и газетных киоска в Граце. Фреди возглавлял ассоциацию торговцев табаком, однако больше всего ему нравилось помогать молодежи. По воскресеньям они с женой выводили на поводке своего боксера и отправлялись гулять вокруг озера, а мы с Карлом шли следом. Никогда нельзя было предугадать, что вытворит Фреди. Вот он рассуждал о политике «холодной войны», а в следующую минуту уже принимался подшучивать над нами по поводу того, что мы еще совсем не разбираемся в девочках. Фреди обучался оперному пению, и порой он останавливался у края воды и голосил какую-нибудь арию. Собака подвывала, аккомпанируя ему, а мы с Карлом смущались и отходили в сторону.

Мысль о гладиаторах пришла в голову Фреди. «Ребята, что вы смыслите в силовых упражнениях? – спросил он как-то. – Почему бы вам не взять пример с римских гладиаторов? Вот *они-то* знали, как заниматься!» Хотя сам он подталкивал Карла идти в медицинское училище, ему было по душе то, что его сын работает над своим телом. Для него мысль гармоничного развития тела и мозга была чем-то вроде религии. «Вы должны построить совершенную физическую машину, но также и совершенный мозг, – говорил он. – Почитайте Платона! Греки придумали Олимпийские игры, но они также дали миру великих философов. Вот и вы не должны забывать ни о первом, ни о втором». Фреди рассказывал нам про греческих богов, про красоту тела и красоту идеала. «Знаю, многое из того, что я вам говорю, влетает в одно ухо и вылетает в другое, – говорил он. – Но я буду настойчив. Вода точит камень, и настанет день, когда вы осознаете, насколько все это важно».

Однако в настоящий момент мы были больше сосредоточены на том, чему мог нас научить Курт Марнул. Курт был само очарование. Нам он казался идеалом, потому что стал Мистером Австрия. У него были прекрасное тело и девочки, ему принадлежал рекорд в жиме лежа, и он ездил на кабриолете «Альфа-Ромео». Познакомившись с ним поближе, я узнал распорядок его дня. Курт работал бригадиром дорожно-строительных рабочих. Работать он начинал рано утром и заканчивал в три часа дня, после чего проводил три часа в напряженных тренировках в тренажерном зале. Курт разрешал нам присутствовать на тренировках, поскольку хотел показать: тот, кто хорошо работает, получает неплохие деньги и может позволить себе такую машину; тот, кто усиленно занимается, побеждает в чемпионатах. И нет никаких легких обходных путей.

Марнул был дока по части красивых девушек. Он умел знакомиться с ними везде: в ресторане, у озера, на спортивной площадке. Иногда он приглашал их на свою работу, где красовался в безрукавке, распоряжаясь рабочими и наблюдая за работой машин. Затем он подходил к девушкам и болтал с ними. Ключевую роль в его ухаживаниях играл парк Талерзее. Обычный парень просто приглашал приглянувшуюся девушку сходить после работы в кафе, но только не Курт. Тот вез ее в своей «Альфа-Ромео» на озеро купаться. Затем они отправлялись ужинать в ресторан, и Курт заказывал красное вино. В машине у него всегда были наготове одеяло и еще одна бутылка вина. Они с девушкой возвращались к озеру и выбирали какое-нибудь романтическое местечко. Курт расстилал одеяло, откупоривал бутылку вина и принимался обхаживать девушку. Он был неотразим. Вид его в деле ускорил во мне процесс, начатый учителем математики. Я запомнил фразы Курта, его движения, а также не забывал про одеяло и вино. Впрочем, так поступали все мы. И девчонки нам отвечали!

Курт и остальные ребята быстро увидели во мне потенциал, потому что уже после первых тренировок я быстро нарастил мышцы и набрал силу. Когда лето закончилось, Курт пригласил меня заниматься в Грац, где имелось необходимое оборудование. Спортивный зал Атлетического союза располагался под трибунами футбольного стадиона – большое помещение с бетонными стенами и лампами под потолком, оснащенное лишь самым необходимым: гантели, штанги, турники для подтягиваний и скамейки для отжиманий. Там всегда было много крепких мужчин, которые пытели и потели, усердно занимаясь. Ребята с озера показали мне несколько простых упражнений с гантелями, и я с радостью проработал три часа, выполняя десятки раз всевозможные толкания, приседания и наклоны.

Обыкновенно тренировка новичка состоит из трех серий под десять повторений каждого упражнения, просто чтобы мышцы набрали тонус. Но мне этого никто не сказал. Старожилы тренажерного зала любили подшучивать над начинающими. Они подбили меня выполнить *десять* серий упражнений. Закончив, я с наслаждением принял душ, – дома водопровода у нас не было, поэтому я всегда с радостью пользовался возможностью принять душ на футбольном стадионе, несмотря на то что вода не подогревалась. Затем оделся и вышел на улицу.

Ноги у меня были ватными и дрожали, но я не придал этому значения. Затем сел на велосипед и сразу же с него упал. Это показалось мне очень странным, и только тут я обратил внимание на то, что руки и ноги словно существуют отдельно от меня. Я снова взобрался на велосипед, но мне никак не удавалось удержать руль, а бедра тряслись так, будто были сделаны из каши. Не справившись с управлением, я вильнул в сторону и свалился в канаву. Падение оказалось очень болезненным. Я отказался от попыток ехать на велосипеде. В конце концов мне пришлось катить его до самого дома – изматывающая дорога пешком длиною четыре мили. И несмотря ни на что, я не мог дождаться, когда же снова приду в тренажерный зал и начну заниматься.

То лето произвело на меня чудодейственный эффект. Вместо того чтобы просто существовать, я начал жить полной жизнью. Меня выбросило из скучного однообразия Таля – где я каждое утро просыпался, ходил к соседу за молоком, возвращался домой и делал отжимания и приседания, пока мать готовила завтрак, а отец собирался на работу, – в этом однообразии у меня ничего не было впереди. Но теперь совершенно внезапно появилась радость, появилась борьба, появилась боль, появилось счастье, появились наслаждения, появились женщины, появился драматизм. Меня не покидало чувство: «Теперь мы живем по-настоящему! Как же это здорово!» И даже хотя я восхищался своим отцом, который благодаря внутренней дисциплине добился многого на работе, в спорте, в музыке, само то обстоятельство, что он мой отец, обесценивало все это в моих глазах. Теперь же совершенно внезапно у меня появилась совершенно новая жизнь, и она была *моею*.

Осенью 1962 года в возрасте пятнадцати лет я начал новую главу своей жизни. Я поступил в техническое училище в Граце и начал работать подмастерьем. Хотя я по-прежнему

жил у себя дома, тренажерный зал во многих отношениях заменил мне мою семью. Ребята постарше помогали тем, кто младше. Они подходили и делали замечания, если кто-то выполнял упражнение неправильно. Моим основным напарником на тренировках стал Карл Герстль, и мы познали радость совместных занятий и дружеского соперничества, когда один вдохновляет другого, подбадривает его. «Обещаю, я выполню это силовое упражнение десять раз», – скажет Карл. Он выполнит какое-то упражнение одиннадцать раз, только чтобы раззадорить меня, и объявит: «Это было просто великолепно!» Тогда я посмотрю на него и скажу: «А теперь я выполню то же самое упражнение двенадцать раз».

Идеи упражнений мы черпали в основном из журналов. Издания на немецком языке, посвященные наращиванию мускулатуры и силовым упражнениям, имелись, однако лучшими считались американские журналы, и наш друг Муи обеспечивал переводы. Эти журналы были нашим Священным Писанием по части упражнений, питания; из них мы узнавали, как готовить богатые белками напитки для наращивания мышц и как заниматься с напарником. Культуризм представлялся в них золотой мечтой. В каждом номере были фотографии чемпионов и подробности о системе их тренировок. На снимках улыбающиеся парни напрягали мышцы, демонстрируя свои тела в клубе «Маскл-Бич» в Венеции, штат Калифорния – разумеется, в окружении потрясающих девушек в сексуальных купальниках. Все мы знали фамилию издателя, Джо Уайдера; он был чем-то вроде Хью Хефнера⁴ в мире мускулатуры – ему принадлежали журналы, в каждом номере были его статьи и фотографии, и почти на каждой снимке присутствовала его жена Бетти, шикарная фотомоделка.

Вскоре жизнь в тренажерном зале полностью поглотила меня. Я мог думать только о занятиях. Как-то раз в воскресенье, обнаружив, что зал заперт, я взломал замок и занимался один в ледящий холод. Мне пришлось обматывать руки полотенцами, чтобы они не прилипали к стальным штангам. Неделю за неделей я следил за тем прогрессом, которого добивался в поднятии веса, в количестве выполненных упражнений, в том, в каком состоянии находится мое тело и мышечная масса. Я стал постоянным членом команды Атлетического союза и очень гордился тем, что я, Арнольд Шварценеггер, состою членом того же клуба, что и Мистер Австрия, великий Курт Марнул.

Я перепробовал множество других видов спорта, но то, как откликалось мое тело на силовую нагрузку, сразу же ясно дало понять, что именно в этом мой потенциал, что именно здесь я могу полностью раскрыться. Я не мог выразить словами, что двигало мной. Но мне казалось, что я рожден для тренировок, и я чувствовал, что это должно стать моим билетом из Таля. «Курт Марнул смог завоевать титул Мистер Австрия, – рассуждал я, – и он уже говорил мне, что я тоже смогу, если буду усиленно заниматься. Значит, я *буду* усиленно заниматься». Эта мысль превращала долгие часы занятий с тоннами чугуна и стали в сплошное наслаждение. Каждое болезненная тренировка, каждое новое упражнение были еще одним шагом к моей цели: завоевать титул Мистер Австрия и получить право участвовать в состязаниях на титул Мистер Европа. Затем в ноябре я увидел в универсальном магазине в Граце последний номер «Наращивания мышц». На обложке было фото Реджа Парка, Мистера Вселенная. Одетый в набедренную повязку, он изображал Геркулеса, и вдруг до меня дошло, что *вот* тот парень, который снялся в главной роли в фильме, понравившемся мне этим летом. Внутри были фотографии Реджа: позирующего, занимающегося, завоевывающего титул Мистер Вселенная второй раз подряд, пожимающего руку Джо Уайдера, болтающему в клубе «Маскл-Бич» с легендарным Стивом Ривзом, предыдущим Мистером Вселенная, который также снимался в фильмах про Геркулеса.

Я не мог дождаться, когда встречу с Муи и выясню, о чем говорится в статье. Как оказалось, в ней приводилась история всей жизни Реджа – от детства, проведенного в нищете

⁴ Хефнер, Хью Морстон (р. 1926) – американский издатель, шеф-редактор журнала «Плейбой».

в английском Лидсе, до того, как он стал Мистером Вселенная, получил приглашение посетить Америку как чемпион по культуризму, отправился в Рим, чтобы исполнить роль Геркулеса, и женился на красавице из Южной Африки, где он теперь постоянно проживал, когда не тренировался в «Маскл-Бич».

Эта статья породила в моем сознании новый образ. Я могу стать новым Реджем Парком. Все мои мечты вдруг объединились и приобрели смысл. Я нашел способ попасть в Америку: культуризм! И я нашел способ попасть в кино. Вот благодаря чему обо мне узнает весь мир. Кино принесет деньги – я не сомневался в том, что Редж Парк миллионер, – и самых красивых девушек, что также было немаловажным аспектом.

В последующие недели я отточил этот образ до совершенства. Я вступлю в состязания за титул Мистер Вселенная, я побью рекорды по поднятию тяжестей, я попаду в Голливуд, я стану таким, как Редж Парк. Этот образ стал настолько отчетливым в моем сознании, что я почувствовал: все мои мечты непременно сбудутся. Альтернативы не было – или это, или ничего. Моя мать сразу же заметила, что со мной что-то случилось. Я стал возвращаться домой, широко улыбаясь. Я ответил, что напряженно занимаюсь, и мать решила, что мне доставляет радость становиться сильнее.

Однако проходили месяцы, и моя одержимость начала беспокоить мать. К весне я завесил всю стену над своей кроватью фотографиями мускулистых ребят. Это были боксеры, профессиональные борцы, тяжелоатлеты. Но в основном это были культуристы в живописных позах, в первую очередь Редж Парк и Стив Ривз. Я гордился своим «иконоostasом». Все это было еще в эпоху до появления копировальных машин, поэтому я выбирал понравившиеся мне снимки в журналах и относил их в фотостудию, где их переснимали и увеличивали до размера восемь на десять дюймов. Я купил мягкую фетровую ткань и аккуратно нарезал ее на куски, которые вешал на стену с приклеенными к ним фотографиями. Смотрелось все очень неплохо, как я и хотел. Однако мать это беспокоило.

Наконец она решила прибегнуть к профессиональному совету. Как-то раз мать остановила деревенского врача, проезжавшего мимо, и пригласила его в дом. «Я хочу, чтобы вы взглянули вот на это», – сказала она и провела его наверх в мою комнату.

Я в тот момент находился в гостиной, делая уроки, но тем не менее смог услышать почти весь разговор. «Доктор, – говорила мать, – у всех остальных мальчишек, приятелей Арнольда, дома на стенах висят девушки. Плакаты, журналы, цветные фотографии девушек. А вы взгляните на это. Одни голые мужики».

– Фрау Шварценеггер, – ответил врач, – в этом нет ничего страшного. Мальчишкам всегда нужно вдохновение. Они смотрят на своих отцов, но нередко этого оказывается недостаточно, поскольку отец – он и есть отец, поэтому они смотрят также и на других мужчин. На самом деле это даже хорошо; беспокоиться не нужно.

Врач ушел, а мать вытерла слезы в глазах и сделала вид, будто ничего не случилось. С тех пор она стала говорить знакомым: «У моего сына фотографии силачей и спортсменов, и он так заводится, глядя на них, что теперь тренируется каждый день. Арнольд, похвались, какой вес ты теперь можешь поднять». Конечно, я начал пользоваться успехом у девушек, однако этим я с матерью не делился.

Однако весной мать выяснила, как все изменилось. Я как раз познакомился с одной девушкой, на два года старше меня, которая очень любила бывать на природе. «Я также обожаю природу! – воскликнул я. – На соседской ферме есть одно чудесное место, это недалеко от моего дома. Захвати палатку». Девушка пришла вечером на следующий день, и мы здорово повеселились, разбивая эту маленькую красивую палатку. Соседские ребята помогали нам вбивать в землю стойки. Палатка была крохотная, как раз на двоих, и закрывалась на «молнию». Как только ребята ушли, мы с девушкой забрались в палатку и начали целоваться. Она уже разделась до пояса, как вдруг я услышал звук открывающейся «молнии», и, обер-

нувшись, увидел, как в палатку засовывает голову моя мать. Мать устроила сцену, обозвала девушку шлюхой и потаскухой и в негодовании удалилась прочь. Бедная девушка была в ужасе; я помог ей собрать палатку, и она убежала.

Вернувшись домой, я крупно поругался с матерью. «Что это такое?! – кричал я. – То ты жалуешься врачу на мои фотографии, а теперь тебе уже не нравится, что у меня девушка. Ничего не понимаю. Так поступают все парни».

– Нет, нет, нет. Только не у меня дома!

Ей требовалось время свыкнуться с мыслью, что теперь у нее совершенно другой сын. Но я был просто взбешен. Я хотел жить своей жизнью! В ту субботу я уехал в город и все-таки наверстал упущенное с той девушкой – ее родителей не было дома.

Практические занятия являлись важной частью обучения в профессионально-техническом училище, куда я поступил осенью 1962 года. Утром мы занимались в классах, а днем расходились по городу на свои рабочие места. Это было гораздо лучше, чем просиживать в классе весь день. Мои родители знали, что я силен в математике и легко считаю в уме, поэтому они устроили меня на отделение бизнеса и торговли, вместо того чтобы готовить меня на водопроводчика или плотника.

Я проходил практику в «Майер-Штехбарт», маленьком магазине строительных материалов на Нейбайштрассе, в котором кроме меня работало еще четыре сотрудника. Владельцем был герр доктор Матшер, отошедший от дел адвокат, который неизменно приходил на работу в костюме. Управлять магазином ему помогала жена Кристина. Вначале мне поручали преимущественно физическую работу, таскать дрова или расчищать от снега тротуар. Но мне больше всего нравилось заниматься доставкой: носить тяжелые листы фанеры и поднимать их по лестнице заказчикам было лишь другой формой развития мускулатуры. Вскоре меня попросили помочь с инвентаризацией, и тут я заинтересовался, как работает магазин. Меня научили составлять заказы. Очень пригодилось то, что я узнал о счетах и накладных в школе, на уроке бухгалтерского дела.

Самым важным мастерством, которым я овладел в магазине, было искусство торговать. Главное правило заключалось в том, что покупатель ни в коем случае не должен был покинуть магазин без покупки. Если такое происходило, это говорило о том, какой ты плохой продавец. Даже если покупатель приходил лишь за одним маленьким винтиком, нужно было продать ему что-нибудь существенное. Для этого приходилось использовать самые разные подходы. Если я не могу продавать линолеум, мне придется работать полотером.

Я сошелся со вторым учеником, Францем Янцем. Наша дружба зиждилась на том, что оба мы были очарованы Америкой. Мы без конца говорили о ней и даже пытались перевести фамилию «Шварценеггер» на английский язык – в конце концов мы остановились на варианте «черный угол», хотя «черный пахарь» было бы ближе по смыслу. Я привел Франца в тренажерный зал и попытался заинтересовать его занятиями, но тщетно. Францу больше нравилось играть на гитаре; он даже выступал в «Модс», первой рок-группе в Граце.

Но Франц понимал мою одержимость спортом. Однажды он увидел, как кто-то выбросил набор гантелей. Франц приволок их домой на санках и уговорил отца очистить их от ржавчины и покрасить. После чего они с отцом принесли гантели мне домой. Я переоборудовал неотапливаемую каморку под лестницей в свой домашний тренажерный зал. Отныне я мог не пропускать тренировки и заниматься дома в те дни, когда не ходил на стадион.

В «Майер-Штехбарт» меня знали как ученика, который хочет уехать в Америку. Супруги Матшеры относились к нам с большим терпением. Они научили нас, как ладить с покупателями и друг с другом и как ставить перед собой цель. Фрау Матшер была решительно настроена исправить то, что считала пробелами в нашем образовании. В частности, она полагала, что мы в недостаточной степени умеем поддерживать беседы на отвлеченные темы, и хотела научить

нас вести себя в приличном обществе. Она усаживала нас и подолгу рассказывала об искусстве, религии, мировой политике. В награду за наши труды она угощала нас хлебом с мармеладом.

Примерно в то же время, когда фрау Матшер занялась моим культурным образованием, я впервые вкусил успех в спорте. Пивной бар может показаться не самым подходящим местом для начала спортивной карьеры, однако моя началась именно там. Это случилось в марте 1963 года в Граце, и я в возрасте пятнадцати с половиной лет впервые появился перед публикой в форме Атлетического союза: черные кроссовки, коричневые носки и черное трико с узкими лямками, спереди украшенное эмблемой союза. Мы встречались с силачами из другого клуба, и это состязание должно было стать частью развлекательной программы для трехсот или четырехсот человек – все они сидели за длинными столами, курили и чокались пивными кружками.

Я впервые выступал на публике, поэтому, выходя на помост, испытывал восторг и в то же время очень волновался. Посыпав ладони мелом, чтобы гири не выскальзывали, я с первого же раза выжал двумя руками 150 фунтов, свой обычный вес. Толпа встретила это шумными аплодисментами. Я даже не думал, какое это окажет на меня действие. Я едва дождался, когда снова наступит моя очередь. На этот раз к своему собственному изумлению я выжал 185 фунтов – на 35 фунтов больше, чем когда-либо выжимал прежде. Одни выступают на публике лучше, другие хуже. Один парень из команды-соперника, сильнее меня, обнаружил, что толпа его отвлекает, и не смог выполнить последний жим. Потом он рассказал, что не смог полностью сосредоточиться, как делал это в тренажерном зале. Для меня же все было наоборот. Публика прибавила мне сил и дала мотивацию, и включилось мое честолюбие. Я обнаружил, что перед зрителями выступаю во много раз лучше.

Глава 3

Исповедь механика-водителя танка

На военной базе неподалеку от Граца находился штаб одной из танковых дивизий австрийской армии. Я узнал это, потому что в Австрии все молодые мужчины должны были пройти военную службу, и я искал способ приспособить армию к своим личным целям. Я понимал, что человека моих габаритов разумнее отправить в пехоту и поручить ему таскать в гору тяжелые пулеметы и боеприпасы. Однако пехота располагалась в Зальцбурге, а это шло вразрез с моими планами. Я хотел остаться в Граце и продолжать занятия. Моей целью было стать чемпионом мира по культуризму, а не воевать. Впрочем, австрийская армия также не собиралась воевать. Армия у нас была только потому, что нам разрешалось ее иметь. Она была атрибутом государственного суверенитета. Но армия была маленькой, и никто не собирался привлекать ее к настоящим боевым действиям.

Я стремился пойти в армию и впервые в жизни покинуть родительский дом. Я как раз окончил училище, и чем скорее отслужил бы в армии, тем быстрее получил бы паспорт.

Меня привлекала мысль стать механиком-водителем танка. Кое-кто из моих друзей, пошедших в армию, служил в Граце, и я задал тысячу вопросов о службе на базе. Новобранцев распределяли в разные места, в том числе в штаб или на кухню, где к танку даже близко не подойдешь. Мои друзья служили в пехоте сопровождения – это специальные подразделения, которые едут в бой на броне танка, потом спрыгивают, ищут противотанковые мины и тому подобное.

Однако меня больше привлекали сами танки. Я люблю большие вещи, и танк «М-47» «Паттон» американского производства, названный в честь генерала, героя Второй мировой войны, как раз и был таким. Он имел в ширину двенадцать футов, весил пятьдесят тонн и был оснащен двигателем мощностью 800 лошадиных сил. Эта мощная машина с легкостью пробивала кирпичную стену, а те, кто находился внутри, почти ничего при этом не замечали. Меня изумляло, что такую могучую и дорогую машину могут доверить восемнадцатилетнему пареньку. Вторым большим плюсом было то, что солдат, прошедший курс подготовки механиков-водителей, также получал водительские права на управление мотоциклом, легковой, грузовой машинами, и даже трактором с прицепом. Обучение обеспечивала армия, а на гражданке это стоило бы многие тысячи шиллингов. Во всей австрийской армии было только девятьсот танков, и я хотел выделиться.

Мой отец, еще не расставшийся с мечтами увидеть меня полицейским или военным, с радостью замолвил словечко начальнику базы, своему фронтовому другу. Тот был большим поклонником спорта и с радостью принял меня под свое крыло. Он обещал, что как только я пройду курс молодого бойца, он проследит за тем, чтобы я получил все необходимое для тренировок на территории базы.

Все должно было бы сложиться идеально, если бы не один маленький просчет. К этому времени я уже начал завоевывать награды в тяжелой атлетике. Я был чемпионом земли по тяжелой атлетике среди юниоров и как раз летом победил в первенстве Австрии по силовому троеборью в тяжелом весе, одержав верх над гораздо более опытными спортсменами. И, несмотря на то что с первого взгляда было видно, что я лишь подросток-переросток, я начал успешно выступать и на соревнованиях по культуризму. Я одержал верх на первенстве земли и стал третьим на чемпионате Австрии – достаточно, чтобы подняться на пьедестал вместе с Куртом Марнулом, который по-прежнему оставался королем. Прямо перед тем, как пойти в армию, я подал заявку на участие в своих первых международных соревнованиях, молодежном аналоге борьбы за титул Мистер Европа, – что являлось следующим решающим шагом в осуществле-

нии моего плана. Но тогда я еще не догадывался о том, что в течение целых шести недель, пока будет продолжаться курс молодого бойца, я не смогу покинуть Грац.

Я ничего не имел против военной подготовки. Меня научили тому, что может быть достигнута цель, казавшаяся недостижимой вначале. Могли ли мы поверить, что сможем с полной боевой выкладкой взобраться на эту скалу? Но когда нам приказали, мы это сделали. И по пути даже набрали карманы грибами, которые вечером отдали повару, чтобы тот сварил суп.

И все же я не мог отказаться от мысли состязаться за титул Юный мистер Европа. Пользуясь каждой свободной минутой, я запирался в туалете и принимал свои тренировочные позы. Я умолял сержанта, командира учебной роты, дать мне увольнение якобы по семейным обстоятельствам, чтобы я смог съездить в немецкий город Штуттгарт и принять участие в соревнованиях. Тщетно. И вот вечером накануне начала соревнований я наконец решил послать все к черту и ушел в самоволку.

Семь часов на поезде – и я уже был в Штуттгарте, вставал в позы перед толпой в несколько сот зрителей и упивался аплодисментами. Я завоевал титул Молодого атлета Европы с лучшим телосложением 1965 года. Я впервые оказался за пределами Австрии, и это была самая многочисленная публика, перед которой я когда-либо выступал. Я чувствовал себя Кинг-Конгом.

К сожалению, когда я вернулся в учебный лагерь, меня ждало наказание. Меня отправили на гауптвахту, и целые сутки я просидел в камере. Затем до начальства дошли известия о моей победе, и меня освободили. До конца курса молодого бойца я больше не смел поднять голову, и как только обучение закончилось, сразу же поспешил в ту танковую часть, которой командовал друг моего отца. После чего армейская служба превратилась в одно непрерывное удовольствие. Я устроил себе тренажерный зал в казарме, где мне разрешали заниматься по четыре часа в день. Постепенно ко мне присоединилось еще несколько солдат и офицеров. Впервые в жизни я каждый день ел мясо – настоящие белки. Я наращивал мышцы так быстро, что каждые три месяца вырастал из формы, и мне выдавали новую, большего размера.

Сразу же начались занятия по вождению мотоцикла, а в следующем месяце к ним добавилось вождение легковой машины. Мы изучали основы механики, потому что водитель должен был сам починить свою машину в случае какой-либо поломки. Затем мы учились водить грузовики, что оказалось трудно, поскольку военные машины были оснащены ручной коробкой передач без синхронизаторов. Для того, чтобы переключить передачу, требовалось перевести рычаг на нейтралку, выжать сцепление и дать газ, разгоняя двигатель до нужного количества оборотов, чтобы ведущая шестеренка вошла в зацепление с ведомой. Это приводило к тому, что коробки передач надрывно скрежетали, поскольку после короткой тренировки на территории базы нас заставляли выезжать на оживленные дороги. До тех пор пока процесс переключения передач не становился чем-то естественным, было очень трудно следить за дорогой. Я отвлекался на рычаг передач и вдруг уже видел, как передо мной остановилась машина, и нужно было нажимать на тормоз, выжимать сцепление, снова переключать передачу, – делать все то, что кричал мне инструктор. К тому времени как мы возвращались на базу, у меня спина была мокрой от пота; это был замечательный способ сгонять лишний жир.

Следующий этап – управление трактором с прицепом – также потребовал много сил, особенно езда задом по зеркалам и разворот в обратную сторону. Мне потребовалось какое-то время, чтобы овладеть этим искусством, причем я неоднократно врезался в различные препятствия и другие машины. Я испытал огромное облегчение, когда, наконец, все это закончилось и я смог перейти к танкам.

Танк «М-47» устроен так, что управление осуществляется одной рукой, с помощью рычага, которым переключаются передачи и регулируется движение гусениц. Механик-водитель сидит в переднем левом углу корпуса, у него под ногами педали тормоза и газа. Стальное сиденье можно поднимать и опускать; в небоевой обстановке механик-водитель ведет танк,

открыв люк и высунув в него голову, чтобы видеть все вокруг. Однако когда танк наглухо задраивается перед боем, сиденье опускается, люк закрывается, и приходится смотреть в перископ. Для движения в ночных условиях имелся примитивный инфракрасный прибор, с помощью которого можно было различить деревья, кустарник и другие танки. Несмотря на свои габариты, я помещался в танке, однако управление с закрытым люком вызывало у меня чувство клаустрофобии. Я очень гордился тем, что мне доверили эту огромную машину, совершенно не похожую на все то, с чем мне приходилось иметь дело до этого.

Ближайший полигон представлял собой большую полосу земли на хребте, разделяющем Таль и Грац. Чтобы туда попасть, мы выезжали с территории базы и полтора часа двигались по петляющей пустынной дороге, вымощенной щебнем, – рота из двадцати танков, с лязгом и грохотом проезжающая мимо полей и ферм. Как правило, мы выдвигались на полигон ночью, когда гражданских машин на дороге почти не было.

Я гордился тем, как управляю танком. Это означало, что я аккуратно выполнял все маневры, плавно преодолевая рвы и ямы, чтобы командира и остальных членов экипажа не трясло в башне. В то же время со мной происходили разные другие неприятности.

Когда мы жили в полевых условиях, у нас был четкий распорядок. Сначала шли физические занятия. Штангу в разобранном виде и скамейку я укладывал в отсеки сверху танка, где обычно хранится инструмент. Трое, четверо или пятеро парней из роты присоединялись ко мне, занимались полтора часа и только после этого отправлялись завтракать. Случалось, что водителям-механикам приходилось оставаться на ночь при своих танках, в то время как остальные ребята спали в палатках. Мы устраивались на ночлег так: вырывали в земле неглубокую яму, клали в нее одеяло, а сверху загоняли танк. Это делалось для того, чтобы защититься от диких кабанов. Нам запрещалось их убивать, поэтому они свободно разгуливали по полигону, так как, подозреваю, это знали. Мы также расставляли часовых, которые забирались на танковую броню, чтобы кабаны до них не добрались.

Однажды мы разбили лагерь у ручья, и ночью я проснулся в страхе, вообразив, что слышу кабанов. И тут вдруг до меня дошло, что сверху надо мною ничего нет. Мой танк пропал! Осмотревшись по сторонам, я обнаружил его в двадцати – тридцати шагах, торчащим задом из воды. Передняя часть ушла под воду, пушка зарылась в ил. Как оказалось, я забыл поставить танк на ручной тормоз, а берег был с уклоном, достаточным, чтобы танк скатился вниз, пока мы спали. Я попытался вывести его из ручья, однако гусеницы прокручивались вхолостую в жидком иле.

Нам пришлось вызывать восьмидесятитонный тягач, и потребовалось несколько часов, чтобы вытащить мой танк из воды. После чего мы отправились в ремонтную мастерскую. Пришлось снимать башню. Пушку прочищали в оружейной мастерской. За этот проступок я просидел сутки на гауптвахте.

Неприятности подкарауливали меня даже в ангаре. Как-то утром я завел двигатель, подрегулировал сиденье и обернулся, чтобы проверить датчики, перед тем как выехать из ангара. Все показания были в норме, однако я чувствовал, что танк немного трясется, словно двигатель работал с перебоями. Я подумал: «Наверное, нужно прибавить газу, чтобы он заработал устойчивее». Поэтому я прибавил газу, следя за датчиками, однако тряска только усилилась. Это было очень странно. Тут я заметил, что в воздухе клубится пыль. Высунувшись из люка, я обнаружил, что вместо того, чтобы просто прогреть двигатель, я включил передачу, и танк наехал на стену ангара. Вот что вызывало тряску. Тут лопнула какая-то трубка, во все стороны брызнула вода, и запахло бензином.

Вокруг закричали: «Глуши! Глуши!» Я заглушил двигатель, выбрался из танка и побежал в противоположный конец ангара, ища офицера, друга своего отца. Я рассудил, что спасти меня может только он. Я встретился с ним не далее как в это утро, и он сказал: «На днях я видел твоего отца и сказал ему, как великолепно у тебя все получается».

Постучав в дверь, я вошел к нему в кабинет и сказал:

– Разрешите доложить. Кажется, по моей вине произошли кое-какие неприятности.

Офицер по-прежнему пребывал в благодушном настроении.

– О, не бери в голову, Арнольд. В чем дело?

– Ну, вам нужно посмотреть самому.

– Пошли, – сказал он.

Выходя из кабинета, он потрепал меня по плечу, словно говоря: «Ты отлично служишь».

И тут он увидел танк, уткнувшийся в стену, суетящихся вокруг него людей и хлещущую во все стороны воду.

Его настроение мгновенно переменялось: он закричал, обозвал меня всеми известными ругательствами, пригрозил, что позвонит моему отцу и скажет ему прямо противоположное тому, что говорил несколько дней назад. На шее у него вздулись жилы. Наконец, немного остыв, офицер рявкнул:

– Когда я вернусь с обеда, все должно быть исправлено. Только так ты можешь загладить свою вину. Собери команду и *сделай все как надо!*

Одним из плюсов армии является ее самодостаточность. В дивизии были свои каменщики и водопроводчики, имелся запас строительных материалов. К счастью, ничего серьезного не произошло, крыша не обвалилась, а танк, разумеется, был сделан из стали, так что с ним все было в порядке. Ребят так развеселила моя опрометчивость, что они сами пришли мне на помощь, и собирать их не пришлось. К полудню трубы были восстановлены, стена – починена, и оставалось только дожидаться, когда встанет раствор, чтобы оштукатурить ее изнутри. Я пребывал в хорошем настроении, поскольку получил возможность узнать, как месить цемент и класть шлакоблоки. Конечно, мне пришлось терпеть издевательства всей базы: «О, я слышал о твоём танке!» И еще я целую неделю провел в наряде на кухню, чистя картошку вместе с другими недотепами, где все видели нас, приходя есть.

К весне 1966 года у меня начали появляться мысли, что армия для меня не так уж и обязательна. Моя победа прошлой осенью в Штуттгарте привлекла много внимания. Альберт Бусек, один из организаторов первенства и главный редактор журнала «Спортревью», в своей статье написал, что культуризм входит в эпоху Шварценеггера. Я получил несколько предложений заняться профессиональной тренерской работой, в том числе от Рольфа Путцигера, владельца журнала «Спортревью», человека, активно продвигавшего культуризм в Германии. Путцигер предложил мне должность главного тренера в принадлежащей ему спортивной секции «Универсум» в Мюнхене. Это было очень соблазнительное предложение: я получал отличную возможность тренироваться и приобретал известность в мире культуризма. В Австрии культуризм все еще оставался младшим братом тяжелой атлетики, но в Германии он уже оформился как самостоятельная дисциплина.

В мире культуризма продолжали обсуждать мою победу в Штуттгарте. Я появился на обложках нескольких журналов, потому что это была сенсация: у этого австрийского паренька, возникшего из ниоткуда, в восемнадцать лет уже девятнадцатидюймовые бицепсы.

Я решил, что имеет смысл просить о досрочном увольнении из армии. К рапорту я приложил копию приглашения на работу Путцигера и журнальные вырезки со статьями обо мне. Мои командиры знали, что я мечтаю стать чемпионом мира по культуризму, и я рассчитывал, что никаких трудностей у меня возникнуть не должно. Однако я поспешил с надеждами. Хотя минимальный срок службы в австрийской армии составлял всего девять месяцев, механики-водители танков должны были служить три года вследствие высокой стоимости их обучения. Мне доводилось слышать о механиках-водителях, которых досрочно увольняли из армии потому, что у них в семье кто-то заболел или их руки требовались на ферме. Но я ни разу не слышал о том, чтобы кого-то уволили, предоставляя возможность осуществить свою мечту.

И нельзя сказать, что в армии мне не нравилось. Наоборот, пожалуй, это была лучшая пора в моей жизни. Армия укрепила мою уверенность в собственных силах. Как только я стал жить отдельно от своей семьи, то обнаружил, что могу полагаться только на себя. Я научился заводить дружбу с незнакомыми людьми и быть другом. Порядок и дисциплина в армии казались чем-то более естественным, чем это было дома. Выполняя приказ, я чувствовал, что чего-то добился.

За девять месяцев службы я научился тысяче разных мелочей: от того, как стирать белье и зашивать гимнастерку, до того, как жарить яичницу на решетке выхлопной трубы танка. Мне пришлось спать под открытым небом, караулить ночью казармы, и я обнаружил, что бессонная ночь еще не означает, что на следующий день ты будешь валиться с ног от усталости, а день без еды еще не означает, что ты будешь умирать с голоду. Обо всем этом я раньше даже не задумывался.

Я намеревался со временем стать лидером, но я также понимал, как важно научиться выполнять приказы. Как сказал Уинстон Черчилль, у немцев отлично получается вцепиться вам в горло или валяться под вашими ногами, и та же самая психология господствовала в австрийской армии. Того, кто давал волю своему характеру, ставили на место. В восемнадцать-девятнадцать лет человек готов усваивать такие уроки; если затянуть до тридцати, будет уже слишком поздно. Чем больше суровых испытаний взваливала на нас армия, тем сильнее крепла во мне мысль: «Ничего страшного, я выдержу, вываливайте, что там у вас еще есть». И больше всего я гордился тем, что мне в возрасте восемнадцати лет доверили пятидесяти-тонную махину, хотя я и не всегда справлялся с этой ответственностью так, как мог бы.

Мой рапорт о досрочном увольнении пролежал без движения несколько месяцев. И прежде чем он был наконец удовлетворен, я посадил еще одно пятно на своей военной карьере. В конце весны у нас состоялись двенадцатичасовые ночные учения, продолжавшиеся с шести часов вечера до шести часов утра. К двум часам ночи рота выдвинулась на позиции на вершине холма, и поступил приказ:

– Отлично, привал, всем поесть. Командирам танков собраться на совещание.

Я болтал по радиации с приятелем, который только что получил танк «Паттон» новой модели – «М-60», оснащенный дизельным двигателем. Приятель опрометчиво похвастался, что его танк гораздо быстрее моего. Не сдержавшись, я предложил ему доказать это, и мы устремились вниз по склону. Я чувствовал, что нужно остановиться, – этого требовал звучащий у меня в голове голос разума, – но я побеждал. Остальные ребята в моем танке испуганно кричали мне остановиться, но я думал, что это механик-водитель второго танка пытается сбить меня с толку, чтобы одержать победу. Спустившись к подножию холма, я стал искать «М-60». И только тут заметил солдата, вцепившегося в башню нашего танка так, словно от этого зависела его жизнь. Как оказалось, он и еще двое пехотинцев сидели на броне, когда я помчался вниз. Остальные двое спрыгнули или свалились, но этому единственному удалось удержаться до самого конца.

Мы зажгли фары и двинулись обратно вверх по склону – медленно, чтобы ни на кого не наехать, подбирая потерявшихся пехотинцев. К счастью, никто серьезно не пострадал. Когда мы поднялись на вершину, там нас уже ждали три офицера в джипе. Я проехал мимо них и как ни в чем не бывало поставил танк на место.

Как только я выбрался из люка, все трое офицеров разом принялись кричать на меня. Я стоял, вытянувшись в струнку, до тех пор, пока они не закончили. Когда крики наконец затихли, один офицер шагнул вперед, сверкнул на меня глазами, после чего разразился хохотом.

– Механик-водитель Шварценеггер, – приказал он, – подгоните ваш танк вот сюда.

– Слушаюсь!

Я поставил танк там, где он указал. Выбравшись из люка, я обнаружил, что стою в глубокой вязкой грязи.

– А теперь, механик-водитель Шварценеггер, я хочу, чтобы вы проползли под днищем своего танка. Когда выберетесь из-под кормы, залезете на танк, спуститесь через башню внутрь и покинете танк через аварийный люк в днище. После чего проделаете все заново.

Офицер приказал мне выполнить этот круг пятьдесят раз.

Когда через четыре часа я закончил, на мне было фунтов двадцать грязи, и я с трудом мог пошевелиться. Еще фунтов сто грязи я оставил внутри танка, пролезая через него. Когда мы вернулись на базу, мне пришлось отчищать свой танк. Тот офицер мог бы посадить меня на гауптвахту на неделю, но, должен признать, это наказание оказалось гораздо более действенным.

Я так и не узнал наверняка, но, по-моему, танковые гонки сыграли в пользу моего досрочного увольнения. Через несколько недель после этого случая меня вызвали к начальству. На столе перед командиром лежали вырезки из журналов по культуризму и письмо с приглашением на работу.

– Объясните мне вот что, – сказал он. – Вы сами вызвались служить три года механиком-водителем танка, но несколько месяцев назад попросили уволить вас летом, потому что вам предложили эту работу в Мюнхене.

Я сказал, что армия мне нравится, однако работа в Мюнхене открывает передо мной огромные перспективы.

– Что ж, – улыбнулся офицер, – так как ваше нахождение здесь, как бы это сказать, представляет определенную опасность для окружающих, мы решили удовлетворить ваш рапорт и отпустить вас досрочно. Нам не нужно, чтобы вы и дальше продолжали крушить танки.

Глава 4

Мистер Вселенная

– Я всегда смогу устроить тебя спасателем в Талерзее, так что просто имей в виду, что даже если что-то пойдет не так, ты можешь ни о чем не беспокоиться.

Так напутствовал меня Фреди Герстль, когда я зашел к нему попрощаться. Фреди всегда с готовностью помогал молодежи, и я понимал, что он говорит от чистого сердца, однако меня несколько не интересовала работа спасателем. Хотя Мюнхен был от Граца меньше чем в двухстах милях, для меня это был первый шаг на пути из Австрии в Америку.

Я слышал рассказы о Мюнхене, о том, как каждую неделю на его железнодорожный вокзал прибывает целая тысяча поездов. Слышал я о ночной жизни, о безумной атмосфере пивных залов и тому подобном. Когда поезд стал подъезжать к городу, я увидел в окно все больше и больше домов, затем появились высокие здания, а впереди показался центр. В подсознании у меня шевелилась мысль: «Как я не заблужусь в этом огромном городе? Как я буду здесь жить?» Но в основном я повторял как заклинание: «Вот мой новый дом». Я навсегда покинул Грац, оставил его позади, и теперь моим домом должен был стать Мюнхен, что бы ни случилось.

Мюнхен переживал бум, даже по меркам западногерманского экономического чуда, к осени 1966 года достигшего апогея. Это был город с многонациональным населением в 1,2 миллиона человек. Мюнхен только что получил право принимать летние Олимпийские игры 1972 года и финал чемпионата мира по футболу 1974 года. Проведение Олимпийских игр в Мюнхене должно было стать символом перерождения Западной Германии и ее возвращения в мировое сообщество как современного демократического государства. Повсюду высились строительные краны. Уже возводился Олимпийский стадион, а также новые гостиницы, административные здания и жилые дома. По всему городу рыли тоннели нового метро, которое должно было стать самым современным и эффективным в мире.

Hauptbahnhof, центральный железнодорожный вокзал, где мне предстояло сойти с поезда, находился в самом центре всего этого. Стройкам требовались рабочие руки, и люди приезжали сюда со всего Средиземноморья и из стран Восточного блока. В залах ожидания и на платформах услышать испанскую, итальянскую, славянскую и турецкую речь можно было гораздо чаще, чем немецкую. Район вокруг вокзала представлял собой пеструю смесь гостиниц, ночных клубов, магазинов, ночлежек и административных зданий. Спортивный зал секции «Универсум», куда я был приглашен на работу, находился на Шиллерштрассе, всего в пяти минутах от станции. По обеим сторонам улицы тянулись ночные бары и стриптиз-клубы, открытые до четырех часов ночи. Затем в пять утра открывались первые закусочные, где можно было съесть сосиску и выпить кружку пива. Всегда была возможность где-нибудь посидеть. Девятнадцатилетний парень из глухой провинции быстро научился здесь жизни.

Альберт Бусек обещал, что на вокзале меня встретят двое его ребят, и я, идя по платформе, увидел улыбающееся лицо одного культуриста по имени Франц Дишингер. Франц считался фаворитом на европейском юниорском первенстве в Штутгарте, на котором я в прошлом году одержал победу. Это был симпатичный немецкий парень, ростом еще выше меня, однако его тело еще не полностью сформировалось, вследствие чего, полагаю, судьи предпочли меня. Франц любил пошутить, и мы с ним провели вместе много веселых минут. Мы договорились, что если я когда-нибудь приеду в Мюнхен, мы будем тренироваться вместе. После того как мы перекусили на вокзале, Франц и его приятель, у которого была машина, отвезли меня в пригород, где жил Рольф Путцигер.

Я впервые встретился со своим новым боссом и был очень признателен, когда он предложил мне остановиться у него, потому что я не мог позволить себе снять комнату. Путци-

гер оказался грузным пожилым мужчиной нездорового вида в костюме. Он был практически полностью лысым, а когда улыбался, обнажал гнилые зубы. Встретив меня радушно, Путцигер показал мне свою квартиру. В ней была маленькая свободная комната, в которой мне предстояло поселиться, как только доставят заказанную кровать. А пока что не возражаю ли я против того, чтобы спать на диване в гостиной? Я ответил, что не имею ничего против.

Я не придавал этому никакого значения до тех пор, пока через несколько дней Путцигер не вернулся домой поздно и вместо того, чтобы идти к себе в спальню, улегся рядом со мной. «Не удобнее ли будет перейти ко мне в спальню?» – предложил он. Я почувствовал, как он прижимается своим бедром к моему. Пулей вскочив с дивана, я сгрел свои вещи и направился к двери. У меня в голове все смешалось: во что я впутался? Среди культуристов встречались гомосексуалисты. В Граце я был знаком с одним парнем, у которого дома был потрясающий тренажерный зал, где иногда занимались мы с друзьями. Этот парень не скрывал свое влечение к мужчинам; он показал нам тот уголок городского парка, где встречались взрослые мужчины и подростки. Однако он был истинным джентльменом и никогда не навязывал нам свои сексуальные предпочтения. Поэтому я полагал, что знаю, на кого похожи гомосексуалисты. Определенно, Путцигер не был похож на гомика, он производил впечатление бизнесмена!

Путцигер догнал меня уже на улице, где я стоял, пытаясь разобраться в том, что со мной произошло, и решить, как быть дальше. Он извинился и пообещал больше не приставать ко мне, если я вернусь к нему домой. «Ты мой гость», – сказал он. Разумеется, когда мы снова оказались у него дома, Путцигер опять стал предлагать мне сделку. «Я понимаю, что ты предпочитаешь женщин, но если ты станешь моим другом, я подарю тебе машину и помогу с карьерой». И так далее в том же духе. Естественно, на данном этапе мне не помешал бы хороший наставник, но только не купленный такой ценой. Я испытал облегчение, когда на следующее утро навсегда покинул дом Путцигера.

Он не выставил меня вон, потому что звезда для секции была нужна ему еще больше, чем любовник. Культуризм оставался таким загадочным видом спорта, что во всем Мюнхене было только два тренажерных зала. Самый большой из них принадлежал Рейнхарду Смоляне, который в 1960 году стал первым Мистером Германия, а в 1963 году завоевал титул Мистер Европа. Смоляна набирал маленькие группы самой разномастной публики – полицейских, строителей, инженеров, ученых, спортсменов, предпринимателей, немцев и иностранцев, молодых и пожилых, гомосексуалистов и нормальной ориентации, – и занимался с ними лично. Я же приглашал к нам солдат с расположенной неподалеку американской базы; «Универсум» стал первым местом, где я встретил чернокожего. Большинство наших клиентов занимались только для того, чтобы поддержать форму, но у нас было небольшое ядро честолюбивых тяжелоатлетов и культуристов, в которых я видел серьезных напарников для тренировок. И я нашел, как раскачивать и заводить таких людей. «Да, ты можешь быть моим напарником, тебе нужна помощь», – шутил я. Мне нравилось вести за собой. И даже несмотря на то, что денег у меня было очень мало, я нередко угощал этих ребят обедом и ужином за свой счет.

Поскольку я уделял нашим клиентам много времени, у меня почти его не оставалось, чтобы заниматься так, как я привык, с ежедневными напряженными четырех– или пятичасовыми тренировками. Поэтому я перешел к тому, чтобы заниматься дважды в день, два часа до работы и еще два часа вечером с семи до девяти часов, когда деловая активность спадала и оставались только самые упорные. Сперва разделенные надвое тренировки меня раздражали, однако вскоре я увидел первые результаты: я лучше сосредоточивался на занятиях и быстрее восстанавливал форму, в то же время выполняя все более длинные и напряженные серии упражнений. Нередко я стал добавлять третью тренировку в обеденный перерыв. Я выделял какую-то часть тела, которую считал слабой, и полностью сосредоточивал на ней внимание на протяжении тридцати – сорока минут, выполняя, скажем, по двадцать серий упражнений для подъема икроножной мышцы или по сто растяжений трицепсов.

Иногда я занимался еще и вечером, после ужина, возвращаясь в зал еще на час в одиннадцать ночи. Засыпая вечером в своей уютной маленькой комнате, я временами чувствовал боль в той или иной мышце, измученной целым днем прыжков и наклонов, – лишь побочный эффект успешно проведенного в тренировках дня, очень приятное ощущение, ибо я знал, что эти мышечные ткани восстановятся и нарастут еще больше.

Я занимался как одержимый, поскольку знал, что меньше чем через два месяца мне предстоит соперничать с лучшими культуристами в мире. Я подал заявку на крупнейшие европейские состязания по культуризму за звание Мистер Вселенная, которые должны были состояться в Лондоне. Это был очень дерзкий шаг. Как правило, такой новичок, как я, не смел и мечтать ни о каком Лондоне. Сначала я должен был бы побороться за титул Мистер Австрия, а затем, в случае успеха, можно уже было нацелиться на титул Мистер Европа. Однако при таких темпах «подготовка» к Лондону заняла бы многие годы. Я был слишком нетерпелив для этого. Я хотел принять участие в самых жестких состязаниях из всех, какие только были, что и толкнуло меня на этот агрессивный шаг. Конечно, я не тешил себя глупыми иллюзиями. Я не собирался побеждать в Лондоне – только не в этот раз. Однако я был полон решимости выяснить, на что гожусь. Альберту эта идея понравилась, и поскольку он знал английский, он помог мне заполнить заявку.

Для таких фанатичных занятий одного напарника мне было мало. К счастью, в Мюнхене было достаточно серьезных культуристов, которых заразила моя мечта побороться за титул Мистер Вселенная, хотя они и считали, что у меня не все дома. Со мной регулярно тренировался Франц Дишингер, а также Фриц Кроэр, такой же деревенский парень, как и я, из небольшого селения в лесах Баварии. Даже Рейнхард Смоляна, владелец конкурирующего тренажерного зала, присоединился к нам. Иногда он приглашал меня потренироваться к себе в зал, а иногда после окончания работы приходил к нам. Всего через несколько недель я почувствовал, что нашел новых друзей, и Мюнхен стал мне домом.

Моим любимым напарником был Франко Колумбу, который быстро стал и моим лучшим другом. Мы с ним познакомились в Штуттгарте в прошлом году; он одержал верх в европейском чемпионате по силовому троеборью в тот же день, как я завоевал юниорский титул Мистер Европа. Франко был итальянец с Сардинии, где он вырос на ферме в крохотной горной деревушке, судя по его рассказам, еще более убогой, чем Таль. В детстве он много пас овец, а в возрасте десяти-одиннадцати лет проводил в одиночку по несколько дней на дикой природе, самостоятельно добывая пропитание и полностью обслуживая себя.

В тринадцать лет Франко пришлось бросить школу, чтобы помогать родителям на ферме, но он был очень трудолюбивым и смысленным. Он начинал как каменщик и боксер-любитель, но затем перебрался на север, в Германию, и стал зарабатывать на жизнь, работая на стройках. В Мюнхене Франко освоил немецкий язык и изучил город настолько хорошо, что получил лицензию водителя такси. В Мюнхене экзамены на право управлять такси были настолько жесткие, что их с трудом сдавали даже коренные немцы, поэтому все поразились, когда их успешно сдал итальянец.

Франко занимался силовым троеборьем, я был культуристом, и мы оба понимали, что наши занятия дополняют друг друга. Я хотел нарастить мышечную массу, что означало работу с тяжелыми гирями и гантелями, и Франко знал, как это делать. В то же время я разбирался в культуризме, и Франко тоже хотел это освоить. Он говорил мне: «Я хочу стать Мистером Вселенная». Другие над ним смеялись – в нем было всего пять футов пять дюймов роста, – однако в культуризме пропорции и симметрия могут одержать верх над одними габаритами. Мне нравились наши совместные тренировки.

Возможно, благодаря тому, что ему пришлось проводить так много времени на открытом воздухе, Франко очень быстро схватывал все новое. Так, например, ему пришлось по душе моя теория «встряски для мышц». Мне всегда казалось, что самым главным препятствием

для успешных тренировок является чересчур быстрая адаптация тела. Если выполнять изо дня в день одно и то же количество упражнений, даже наращивая вес гантелей, рост мышц через какое-то время замедлится и вовсе прекратится, поскольку мышцы уже научились очень эффективно выполнять то, что от них ожидается. И для того чтобы их разбудить, снова заставить расти, необходимо встряхнуть их, дав понять: «Вы никогда не будете знать, чего вам ждать. Всякий раз это будет не то, к чему вы приготовились. Сегодня это одно, завтра совершенно другое. Сегодня это может быть работа со сверхтяжелыми гириями, завтра это уже будет увеличение количества упражнений».

Для встряски мышц мы разработали метод, который назвали «раздеванием». Обычно на тренировке какое-то упражнение выполняется сначала с маленькой нагрузкой, затем нагрузка постепенно увеличивается. Однако при «раздевании» происходит обратное. Например, готовясь к выступлению в Лондоне, я хотел нарастить дельтовидные мышцы. Для этого я выполнял упражнения с гириями: в каждую руку берется по гире, руки разводятся в стороны на уровне плеча, затем поднимаются над головой. В процессе «раздевания» я начинал со своей предельной нагрузки: шесть раз со стофунтовыми гириями. Затем отставить стофунтовые гири, взять девяностофунтовые и снова выполнить упражнение шесть раз. И так далее, до самых легких гирь. К тому времени как я доходил до сорокафунтовых гирь, плечи у меня горели, и, выполняя упражнение с легкими гириями, я испытывал такое ощущение, будто работаю со стофунтовыми гигантами. Но прежде чем я отставлял гири, дельтовидные мышцы испытывали еще более сильную встряску: я поднимал сорокафунтовые гири вдоль тела, от уровня бедер до высоты плеч. После этого плечевые мышцы приходили в безумную ярость, и я уже не знал, куда положить руки: мне доставляло мучительную боль, если они просто свисали вниз, а поднять их было просто невозможно. Я мог только бессильно уронить руки на стол или на тренажер, чтобы хоть как-то унять невыносимую боль. Дельтовидные мышцы вопили благим матом от неожиданной последовательности упражнений. Я продемонстрировал им, кто в доме хозяин. И теперь им оставалось только приходиться в себя и расти.

Усиленно позанимавшись весь день, вечером я хотел отдохнуть. А в Мюнхене в 1966 году это означало пивной зал, а пивной зал означал драки. Мы с приятелями отправлялись в эти заведения, где каждый вечер люди сидели за длинными столами, смеялись, спорили, поднимали кружки. И, разумеется, пили. Постоянно вспыхивали драки, но никогда не было ничего похожего на «я убью эту сволочь!» Когда драка заканчивалась, один из противников говорил: «О, давай выпьем по кружке пива. Я могу тебя угостить?» А второй отвечал: «Да, я проиграл, так что ты по крайней мере можешь угостить меня пивом. К тому же, у меня все равно нет денег». И вот они уже пьют вместе, как ни в чем не бывало.

Собственно пиво меня не интересовало, потому что оно отрицательно сказалось бы на моих тренировках. Я редко выпивал за весь вечер больше одной кружки. Но вот подраться я обожал. Мне казалось, что каждый день я открываю в себе новые силы; я чувствовал себя огромным, могучим и неуправляемым. Особенно я не раздумывал. Если кто-то косо на меня смотрел или чем-либо оскорблял, я тотчас же налетал на него. Я предпочитал шоковую терапию. Я срывал с себя рубашку, оставаясь в одной майке, и одним ударом валил противника с ног. Случалось, что бедняга, увидев мои мышцы, поспешно бормотал: «О, что за черт, почему бы нам просто не выпить пива?»

Если одиночный поединок перерастал в массовую потасовку, мы с друзьями, разумеется, поддерживали друг друга. На следующий день мы рассказывали о случившемся в тренажерном зале и смеялись: «О, ты бы видел Арнольда! Он грохнул тех двоих друг о друга головами, а потом на него набросился их приятель с кружкой, но я огрел этого козла сзади стулом...» Нам везло, поскольку когда подоспела полиция, что случалось несколько раз, нас просто отпустили. Насколько я помню, единственный раз меня забрали в полицейский участок, когда какой-то тип заявил, что потребует с меня кучу денег на вставку новых зубов. Мы так бурно спорили

о том, во что обойдутся его зубы, что полицейские испугались, как бы мы снова не начали драться. Поэтому нас забрали в участок и продержали там до тех пор, пока мы не договорились о сумме.

Еще лучше драк были девушки. Прямо напротив тренажерного зала на Шиллерштрассе находилась гостиница «Дипломат», где останавливались стюардессы. Мы с Франко, вспотевшие, в майках, высывались из окон и заигрывали с ними. «Что вы там делаете?» – кричали нам девушки. «Ну, у нас здесь тренажерный зал. Не хотите позаниматься? Поднимайтесь к нам».

Я также заходил в вестибюль гостиницы и знакомился со стюардессами, которые всегда держались маленькими группками. Чтобы произвести на них впечатление, я сочетал свои лучшие методы из Талерзее, а также из тех лет, когда я работал в магазине. «У нас напротив тренажерный зал», – говорил я, после чего похвально отзывался о внешности девушки и говорил, как ей понравится заниматься. На самом деле я считал, что очень глупо не приглашать в тренажерный зал женщин. Поэтому мы пускали их заниматься бесплатно. И мне было все равно, приходили они к нам тренироваться, или же их просто интересовали мужчины. Девушки приходили в основном по вечерам. К восьми часам наши постоянные клиенты уже расходились, но оборудование можно было использовать до девяти. В это время я вместе с напарником выполнял второй цикл упражнений. Если девушки хотели просто позаниматься, в половине девятого они принимали душ и уходили. В противном случае они оставались, и после тренировки мы отправлялись куда-нибудь вместе. Иногда к нам присоединялся Смоляна со своими девушками, и ночь получалась очень бурной.

Первые месяцы в Мюнхене я полностью отдавался веселой ночной жизни. Однако затем я осознал, что теряю сосредоточенность, и начал сдерживаться. Моей целью было не получить как можно больше наслаждения, а стать победителем мирового первенства по культуризму. Чтобы получить свои семь часов сна, я должен был в одиннадцать быть в постели. Время повеселиться все равно оставалось, и мы, несмотря ни на что, веселились.

Как оказалось, мой босс представлял моим планам стать Мистером Вселенная бóльшую угрозу, чем пьяницы из пивных, размахивающие кастетами. До начала состязаний оставалось всего несколько недель, а у меня до сих пор не было никаких известий о судьбе моей заявки на участие. В конце концов Альберт позвонил в Лондон, и организаторы ответили, что ничего от меня не получали. Тогда Альберт припер к стенке Путцигера, и тот признался, что обнаружил мою заявку в исходящей почте и выбросил ее. Он не хотел, чтобы обо мне узнали и я перебрался в Англию или в Америку, прежде чем он хорошо на мне заработает. Я пропал бы, если бы не Альберт, который владел английским и был готов меня поддержать. Он снова позвонил в Лондон и уговорил организаторов принять мою заявку, хотя конечный срок подачи уже прошел. Те согласились. Бумаги пришли всего за несколько дней до начала первенства, и я был добавлен в список участников.

Остальные мюнхенские культуристы также поддержали меня. Конечно, оплатить мне дорогу в Лондон должен был бы Путцигер, поскольку если бы я добился там успеха, это привлекло бы внимание к его клубу. Однако когда стало известно о его мерзком поступке, именно Смоляна, конкурент Путцигера, пустил шляпу по кругу и собрал три сотни марок на билет. 23 сентября 1966 года я поднялся на борт самолета, вылетающего в Лондон. Мне было девятнадцать лет, и я впервые летел на самолете. Сам я думал, что мне придется ехать на поезде, поэтому мой восторг не знал границ. Я был уверен, что никто из моих одноклассников до сих пор еще ни разу не летал на самолете. Я сидел в салоне авиалайнера вместе с почтенными бизнесменами, и все благодаря культуризму.

Первые состязания за титул Мистер Вселенная состоялись на следующий год после моего рождения, в 1948 году. С тех пор они ежегодно проводились в сентябре в Лондоне. На них доминировали англоязычные участники, как и в культуризме в целом, – в первую очередь аме-

риканцы, одержавшие по восемь побед за каждые десять лет. Все великие культуристы, кумиры моей юности, завоевывали титул Мистер Вселенная: Стив Ривз, Редж Парк, Билл Перл, Джек Делинджер, Томми Сэнсом, Пол Уинтер. Я хорошо помнил, как подростком разглядывал их фотографии с состязаний. Победитель стоял на пьедестале с трофеем в руке, а все остальные стояли внизу на сцене. Я никогда не сомневался в том, что рано или поздно поднимусь на пьедестал. Все было ясно: я наперед знал, как буду выглядеть и что почувствую. Это будет рай, но только на земле; однако на победу в этом году я не рассчитывал. Я раздобыл список тех, с кем мне предстоит состязаться в любительской категории, смотрел на их фотографии и думал: «Господи!» Тела у них были гораздо лучше сформированными, чем у меня. Я намеревался попасть в первую шестерку, потому что не надеялся одержать верх над теми, кто в прошлом году занял второе, третье и четвертое места. Мне казалось, что у них более выраженная мускулатура и на их фоне я выгляжу невзрачно. Я по-прежнему находился в процессе медленного наращивания мышечной массы; задача заключалась в том, чтобы приобрести необходимые размеры, а затем стесать и обрубить все лишнее, достигая совершенства.

Состязания должны были пройти в театре «Виктория-Палас», старинном красивом здании с обилием мрамора и статуй, в нескольких кварталах от вокзала Виктория. Основные этапы неизменно следовали четким правилам. Утром проходили предварительные состязания, так называемые технические раунды. Участники и судьи собирались в зале – журналистов туда пускали, однако зрителям путь был закрыт. Целью было дать судьям возможность оценить развитие мускулатуры участников по отдельным частям тела, последовательно сравнивая каждого культуриста с остальными. Все участники выстраивались в шеренгу в дальнем конце сцены, по своим категориям (моя была «любитель высокого роста»). У каждого на трусах был приколот номер. Судья говорил: «Номер четырнадцать и номер восемь, пожалуйста, выйдите вперед и продемонстрируйте свои четырехглавые мышцы». Двое названных участников выходили на середину сцены и вставали в стандартные позы, демонстрируя четыре мышцы на передней стороне бедра, а судьи делали заметки. Впоследствии результаты технических раундов обрабатывались в общее решение. После чего, разумеется, вечером следовало грандиозное шоу финалов: состязания поз в различных категориях, а затем и противостояние победителей в каждой категории, в котором выявлялись абсолютные чемпионы среди любителей и профессионалов.

По сравнению с другими состязаниями, на которых мне приходилось бывать, первенство за титул Мистер Вселенная было крупным событием. Все билеты в «Виктория-Палас» были распроданы: больше полутора тысяч поклонников культуризма в зале, которые аплодировали и кричали, подбадривая своих любимцев, и еще десятки тех, кто оставался на улице, надеясь протиснуться внутрь. Само первенство представляло собой не столько спортивные состязания, сколько цирковое выступление. Сцена профессионально освещалась прожекторами и софитами, целый оркестр музыкантов помогал создавать нужное настроение. Двухчасовая программа включала в себя развлекательные паузы между различными турами: конкурс бикини, выступления акробатов, гимнастов, и две группы девушек в обтягивающих трико и высоких сапогах, которые расхаживали в проходах с маленькими гантельками и гириями, принимая позы.

К своему изумлению, утром во время технического раунда я обнаружил, что переоценил своих соперников. Лучшие участники в категории «любители высокого роста» действительно обладали лучше сформированной мускулатурой, однако несмотря на это я все равно выделялся среди них. Все дело в том, что далеко не все культуристы обладают физической силой, особенно те, кто в основном занимается на станках. Но несколько лет занятий с настоящими гантелями и штангами дали мне могучие бицепсы, плечи, мышцы спины и бедер. Я просто выглядел гораздо крупнее и сильнее всех остальных.

К вечеру уже распространился слух о том, что это подросток-монстр с непроизносимой фамилией, появившийся из ниоткуда, самый настоящий гигант, черт побери. Поэтому зрители

встретили наш выход восторженными криками. Я не победил, но оказался к победе гораздо ближе, чем кто-либо ожидал, в том числе и я сам. Перед последними позами состязание свелось к противостоянию меня и американца по имени Честер Йортон. Судьи предпочли Йортона, и я должен был признать, что их выбор правильный: хотя Чет и был легче меня на добрых двадцать фунтов, у него было полностью пропорциональное тело, словно высеченное резцом, и его позы были более четкими и отточенными, чем у меня. К тому же, Чет был покрыт восхитительным ровным загаром, рядом с которым я казался вылепленным из теста.

Мой восторг по поводу второго места не знал границ. Я радовался так, будто вышел победителем. Состязания привлекли ко мне повышенное внимание, и многие говорили: «В следующем году он обязательно победит». В английских журналах, посвященные культуризму, появились материалы обо мне, что имело огромное значение, поскольку мне для достижения своей цели требовалось стать известным и в Англии, и в Америке.

Однако упоение успехом продолжалось только до тех пор, пока я не успокоился и не задумался. И тут меня сразило: на пьедестал ведь поднялся Чет Йортон, а не я. Ему досталась заслуженная победа, но мне казалось, что я совершил большую ошибку. А что, если бы я приехал в Лондон с намерением победить? Выступил бы я лучше? Победил бы и стал новым Мистером Вселенная? Однако я недооценил свои шансы. И мне это не понравилось. Я получил хороший урок.

После этого я больше никогда не отправлялся на состязания, чтобы только просто принять в них участие. Я отправлялся побеждать. И хотя побеждал я не всегда, таков был мой настрой. Я превратился в самое настоящее животное. Если бы кому-либо удалось настроиться на мои мысли перед соревнованием, он услышал бы что-нибудь вроде: «Я заслужил этот пьедестал, он мне принадлежит, и море расступится передо мною. Прочь с дороги, мать вашу! У меня есть цель, и я к ней иду. Просто отойдите в сторону и дайте мне трофей!»

Я представлял себя на высоком пьедестале, с трофеем в руке. А все остальные стоят внизу. И я взираю на них сверху вниз.

Через три месяца я уже снова был в Лондоне, со смехом возился с ватагой ребятишек на ковре в гостиной. Это были дети Уага и Дианны Беннетов, которым принадлежали два тренажерных зала, занимавших лидирующие позиции в мире культуризма Великобритании. Уаг был судьей на первенстве за титул Мистер Вселенная, и он пригласил меня потренироваться несколько недель у него, предложив остановиться в своем доме в пригороде Лондона Форест-Гейт. Несмотря на то, что у Уага и Дианны было шестеро своих детей, они взяли меня под свое крыло и стали для меня словно родителями.

Первым делом Уаг дал понять, что, по его мнению, мне нужно много работать. Первое место в его списке занимало то, как я принимал позы. Я понимал, какая огромная разница между тем, чтобы просто успешно вставить в отдельные позы, и тем, чтобы выступление превращалось в одно непрерывное зрелище. Позы – это фотографии, а непрерывное зрелище – это кино. Чтобы загипнотизировать публику, заставить ее забыть обо всем, необходимо, чтобы позы плавно перетекали одна в другую. Что нужно делать между этой позой и следующей? Как движутся руки? Какое выражение на лице? До сих пор я никогда особенно не задумывался над этим. Уаг показал мне, как замедлять движения, превращая их в балет: правильная осанка, распрямленная спина, голова поднята, а не опущена.

Это я еще мог понять, но гораздо труднее было проглотить мысль принимать позы под музыку. Уаг включал по стереопроектору драматическую тему из фильма «Исход» и подавал мне знак начинать выступление. Сперва музыка казалась мне чем-то нелепым и только отвлекала мое внимание. Но через какое-то время я понял, как подстроить свои движения под мелодию и катиться на ней как на волне – спокойный момент для сосредоточенной красивой позы в три четверти спиной, затем плавный переход к боковой позе грудью, когда

музыка нарастает, и наконец под бурные аккорды крещендо лучшая поза, демонстрирующая все мышцы.

Дианна сосредоточилась на том, чтобы кормить меня белками и совершенствовать мои манеры. Наверное, временами ей казалось, что я воспитывался в волчьей стае. Я не знал, как правильно пользоваться ножом и вилок, не знал, что после ужина нужно помогать убирать со стола. Дианна продолжила с того места, на котором остановились мои родители, Фредди Герстль и фрау Матшер. Ругалась она на меня всего лишь несколько раз, в частности, когда однажды увидела, как я после соревнований протискиваюсь сквозь толпу зрителей. У меня в голове была только одна мысль: «Я победил, теперь нужно это отпраздновать». Но Дианна схватила меня за руку и сказала: «Арнольд, нельзя так себя вести! Эти люди пришли посмотреть на *тебя*. Они заплатили свои деньги, кое-кто приехал издалека. Ты можешь потратить несколько минут, чтобы раздать им свои автографы». И этот разнос изменил мою жизнь. До тех пор я никогда не думал о своих поклонниках – только о соперниках. Но отныне у меня всегда стало находиться время для поклонников.

Даже дети подключились к программе «Образование Арнольда». Наверное, нет лучше способа изучать английский язык, чем присоединиться к жизнерадостной счастливой лондонской семье, в которой никто не говорит по-немецки, где спишь на диване, а вокруг резвятся шестеро детишек. Они относились ко мне как к огромному щенку и с радостью учили меня новым словам.

Фотография, сделанная в тот период, показывает мою первую встречу с кумиром моего детства Реджем Парком. Редж в шортах, загорелый и расслабленный, а я в трико, бледный, оглушенный близостью к звезде. Я находился в обществе Геркулеса, трехкратного обладателя титула Мистер Вселенная, звезды, чья фотография висела у меня на стене, человека, с которого я скопировал план своей жизни. Я не мог выдать ни слова. Весь скудный английский, какой я знал, вылетел у меня из головы.

Теперь Редж жил в Йоханнесбурге, где владел сетью спортивных залов, но по несколько раз в год приезжал в Англию по делам. Он был другом семьи Беннетов и любезно согласился показать мне свои секреты. Уаг и Дианна решили, что для борьбы за титул Мистер Вселенная мне нужно получить известность в Великобритании. В те времена культуристы добивались этого, разъезжая по стране с показательными выступлениями. Организаторы устраивали такие выступления по всем Британским островам, и тот, кто соглашался, мог заработать немного денег и в то же время заявить о себе. Оказалось, что Редж Парк как раз собирается отправиться выступать в Белфаст, Северная Ирландия, и он предложил мне поехать с ним. Делать себе имя в культуризме во многом сродни политике. Нужно ездить по большим и маленьким городам, надеясь, что тебя запомнят. Этот действенный подход сработал, что, в конечном счете, помогло мне завоевать титул Мистер Вселенная.

Как-то раз я стоял за кулисами, наблюдая за тем, как Редж выступает перед толпой из нескольких сот восторженных зрителей. Закончив, он подошел к микрофону и пригласил на сцену меня. Я продемонстрировал свою силу, а он комментировал мое выступление. Я поднял 275 фунтов за счет бицепсов, согнув обе руки, и пять раз выполнил становую тягу штанги весом 500 фунтов. В завершение я принял несколько поз, и публика разразилась бурными овациями. Я уже собирался уходить со сцены, но тут Редж сказал: «Арнольд, подойди сюда». Когда я подошел к нему, он показал на микрофон и сказал: «Скажи что-нибудь этим людям».

– Нет, нет, нет! – в ужасе ответил я.

– Почему?

– Я не настолько хорошо говорю по-английски, – сказал я.

– Так! – говорит Редж, поворачиваясь к микрофону. – Отлично. Давайте ему похлопаем.

Человеку, не владеющему английским, требуется большое присутствие духа, чтобы сказать такую фразу.

Он начал хлопать, и толпа подхватила рукоплескания.

И тут вдруг я почувствовал: «Ого, просто поразительно! Этим людям понравилось то, что я сказал!»

Редж продолжал:

– Скажи: «Я люблю Ирландию».

– Я люблю Ирландию.

Снова аплодисменты.

Редж сказал:

– Помню, ты как-то говорил, что еще никогда не был в Белфасте и с нетерпением ждешь возможности сюда приехать. Правильно?

– Да.

– Вот и скажи: «Я с нетерпением...»

– Я с нетерпением...

– «... ждал возможности сюда приехать».

– ...ждал возможности сюда приехать.

Ого, снова аплодисменты. Каждая фраза, которую я повторял следом за Реджем, вызывала бурю оваций.

Если бы он предупредил меня накануне, что пригласит меня на сцену произнести несколько слов зрителям, я перепугался бы до смерти. Но так я смог впервые выступить с обращением к публике, не испытывая психологического давления. Я не переживал всю ночь по поводу того, как меня примут и будет ли кому-нибудь дело до того, что я скажу. Страха не было, потому что я полностью сосредоточился на своем теле. Я совершал упражнения. Я демонстрировал позы. Я видел, что зрители меня принимают. А это было лишь дополнением.

После этого я много раз внимательно следил за Реджем на сцене. Просто невероятно, как он разговаривал с публикой. Он мог веселить. Он был дружелюбным и общительным. Он рассказывал анекдоты. И при этом он был Геркулес! Он был Мистер Вселенная! Редж разбирался в вине и в еде, он говорил по-французски и по-итальянски. Его выступление было единым и цельным. Глядя на то, как Редж держит микрофон, я говорил себе: «Вот что должен делать ты. Нельзя просто выступить на сцене, словно робот, после чего уйти, не сказав ни слова. Тебя должны узнать как личность. Редж Парк говорит со зрителями. Он единственный культурист, который это делает. Вот почему его любят. Вот почему он Редж Парк».

Возвратившись в Мюнхен, я полностью сосредоточился на работе тренажерного зала. Старик Путцигер там больше почти не появлялся, что для нас с Альбертом было только к лучшему. Мы с ним отлично сработались друг с другом. Альберт заведовал всем, выполняя работу нескольких человек: он заказывал журналы, закупал пищевые добавки, доставал оборудование. Моя работа помимо собственно проведения занятий заключалась в вербовке новых клиентов. Разумеется, наша цель заключалась в том, чтобы обойти Смоляну и стать лучшим тренажерным залом в городе. Очевидным первым шагом была реклама, однако мы не очень-то могли ее себе позволить. Мы заказывали в типографии плакаты, а затем поздно вечером выходили в город и расклеивали их, в первую очередь на заборах строительных площадок, в надежде на то, что рабочие заинтересуются культуризмом.

Однако подобная стратегия не приносила ожидаемых результатов. Мы ломали головы, не понимая, в чем дело, до тех пор пока Альберт, проходя мимо одной стройплощадки при свете дня, не увидел на заборе плакат Смоляны, на том самом месте, где мы вешали свой. Как оказалось, Смоляна рассылал своих ребят по городу, чтобы те срывали наши плакаты, пока еще не высох клей, и клеили на их место свои. Тогда мы сменили тактику. Мы стали расклеивать плакаты в полночь, а в четыре ночи совершать второй обход, чтобы рабочие, приходя утром на стройку, обязательно видели сверху наш плакат. Эта война плакатов принесла свои плоды, и постепенно число тех, кто занимался у нас, начало расти.

Основной упор мы делали на то, что хотя Смоляна располагал большей площадью, мы давали своим клиентам больше духа и больше веселья. И еще мы приглашали к себе борцов. В наши дни за состязаниями профессиональных борцов наблюдает огромное количество телезрителей, однако в то время борцы переезжали из города в город, устраивая показательные встречи. В Мюнхене они выступали в «Циркус-Кроне», где была большая арена, служившая им постоянной базой. Когда там выступали борцы, зал был набит битком.

Борцам всегда требовалось место для тренировок, и они, услышав обо мне, выбрали наш зал. Я занимался с таким парнем, как Гарольд Саката с Гавайских островов, который снялся в роли злодея Оджоба в фильме 1964 года «Голдфингер» про Джеймса Бонда. Подобно многим профессиональным борцам, Гарольд начинал в тяжелой атлетике: на летних Олимпийских играх 1956 года в австралийском Мельбурне он выиграл серебро, выступая за команду Соединенных Штатов. У нас также бывали борцы из Венгрии, Франции – ребята со всего мира. Я специально для них отпирал зал во внеурочное время и наблюдал за их поединками. Они очень хотели сделать борца и из меня, но, разумеется, в моих планах это не значилось.

И все же я гордился тем, что наш тренажерный зал начинает чем-то напоминать Организацию объединенных наций, потому что я собирался во всех своих начинаниях добиться глобальных масштабов. К нам заглядывали оказавшиеся проездом в Мюнхене американские и английские культуристы, и среди американских солдат с расположенных неподалеку военных баз крепло убеждение в том, что клуб «Универсум» – лучшее место для силовых занятий.

То, что нашими услугами пользовался широкий круг известных людей, очень способствовал привлечению новых клиентов. Если кто-нибудь мне говорил: «Ну, я тут был в зале у Смоляны, так там больше тренажеров, чем у вас», я отвечал: «Совершенно верно, у них на одно помещение больше, чем у нас, тут вы абсолютно правы. Но вы задумайтесь над тем, почему все приходят именно к нам. Когда в Мюнхен приезжает американский культурист, он тренируется у нас. Когда военным нужен тренажерный зал, они обращаются к нам. Когда в город приезжают профессиональные борцы, они занимаются у нас. К нам просятся даже женщины!» Я отточил эту фразу до совершенства.

Первый успех в Лондоне укрепил мою уверенность в том, что я на правильном пути и что мои цели не являются чем-то сумасшедшим. Каждый раз, одерживая новую победу, я все больше в этом убеждался. После состязания за титул Мистер Вселенная 1966 года я завоевал еще несколько титулов, в том числе Мистер Европа. Что было гораздо важнее для моей репутации в здешних краях, во время мартовского пивного фестиваля я одержал верх на традиционных состязаниях «Лёвенбройкеллер», подняв выше всех камень весом 558 фунтов (речь идет о немецких фунтах; вес камня равен 254 килограммам, или 558 английским фунтам).

Я знал, что уже считаюсь главным фаворитом на предстоящих состязаниях Мистер Вселенная 1967 года. Однако этого мне было недостаточно – я хотел добиться полного господства. Если в предыдущий раз я поразил судей своими размерами и силой; теперь я жаждал показаться просто невероятно сильным и большим, затмив всех остальных участников.

Поэтому я со всей энергией и вниманием приступил к плану тренировок, разработанному совместно с Уагом Беннетом. На протяжении нескольких месяцев почти весь свой заработок я тратил на питание, витамины и белковые таблетки, предназначенные для наращивания мышечной массы. Фирменное блюдо при такой диете – кошмарная противоположность пива: чистые пивные дрожжи, молоко и сырые яйца. Запах и вкус у этого пойла были такими омерзительными, что когда Альберт как-то раз попробовал всего один глоток, его вырвало. Но я был убежден, что от напитка большая польза, и, возможно, это действительно было так.

Я читал все, что только мог достать, о методах тренировок восточно-германских и советских спортсменов. Ходило все больше слухов о том, что они для достижения потрясающих результатов своих тяжелоатлетов, стрелков и пловцов используют специальные препараты. Как только я догадался, что речь идет о стероидах, я отправился за ними к врачу. В те времена

не было правил, запрещающих использование анаболических стероидов, и можно было покупать их по рецепту, однако кое-кто уже обращал внимание на двойной эффект их использования. Культуристы обсуждали стероиды не так охотно, как технику занятий с тяжестями и программу питания, и шли споры относительно того, следует ли журналам по культуризму просвещать читателей об этих препаратах или же лучше полностью игнорировать это направление.

Мне было достаточно того, что все победители крупных международных соревнований принимали стероиды, в чем я убедился, расспрашивая других участников соревнований в Лондоне. Я не собирался снова отправляться на состязания, будучи в невыгодном положении. Моим правилом всегда было проверить все лично. И хотя в то время еще не было никаких свидетельств вреда применения стероидов – исследования побочных эффектов анаболиков только начинались, – даже если бы они были, вряд ли я обратил бы на них внимание. Горнолыжники и гонщики «Формулы-1» знают, что могут погибнуть, но все равно выходят на старт. Потому что если ты не погибнешь, ты победишь. К тому же, мне было всего двадцать лет, и я был уверен в том, что никогда не умру.

Для того чтобы получить препарат, я просто обратился к местному врачу широкого профиля.

– Я слышал, такие препараты помогают нарастить мышцы, – сказал я.

– Да, это так, однако я бы ими не злоупотреблял, – ответил врач. – Препараты предназначены для того, чтобы помогать больным восстанавливаться после сложных операций.

– А вы позволите мне попробовать? – спросил я.

Врач согласился. Он прописал мне инъекции раз в две недели и таблетки в промежутке между ними.

– Будете принимать их в течение трех месяцев и прекратите в тот же день, когда завершатся соревнования, – добавил он.

Стероиды стали вызывать у меня чувство голода и жажды и помогли набрать вес, хотя в основном это стала жидкость, что было плохо, поскольку мешало четкой проработке мускулатуры. Я пришел к выводу, что использовать препарат нужно только в течение последних шести-восьми недель перед крупными соревнованиями. Они могли повысить шансы на победу, однако преимущество, которое они давали, было примерно таким же, как и от хорошего загара.

Позднее, когда я уже перестал заниматься культуризмом, применение допинга стало главной проблемой в спорте. Ребята принимали стероиды в количествах, в двадцать раз превышающих то, что принимали мы, и когда на сцену вышли гормоны роста человеческого организма, ситуация вышла из-под контроля. Участились случаи смерти культуристов. Я напряженно трудился в Международной федерации культуризма и других организациях, занимающихся борьбой с допингом.

Совокупным эффектом всех этих методик и технологий явилось то, что к сентябрю 1967 года, когда я снова поднялся на борт самолета, вылетающего в Лондон, я набрал еще десять фунтов мышц.

Вторые состязания за титул Мистер Вселенная прошли так, как я и ожидал. Моими соперниками были культуристы из Южной Африки, Индии, Великобритании, Ямайки, Тринидада и Тобаго, Мексики, Соединенных Штатов и десятка других стран. Впервые я услышал, как зрители скандируют: «Арнольд! Арнольд!» Мне еще никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным. Стоя на пьедестале с наградой в руках, в точности так же, как я это себе представлял, я смог сказать нужные слова по-английски, показав класс и разделив общую радость. Я сказал в микрофон: «Осуществилась заветная мечта всей моей жизни. Я очень счастлив тем, что стал Мистером Вселенная. Я повторю это еще раз, так это хорошо звучит: я очень счастлив тем, что стал Мистером Вселенная. Я благодарю всех тех, кто помогал мне здесь, в Англии. Я им очень обязан. Спасибо вам всем!»

Когда я стал Мистером Вселенная, моя жизнь круто изменилась – об этом и не смел мечтать молодой парень из австрийской глубинки. В теплую погоду культуристы набивались в наши старенькие машины и выезжали на природу, где развлекались по-гладиаторски – жарили на огне мясо, пили вино и веселились с девочками. Ночи я проводил в обществе пестрой многонациональной толпы музыкантов, владельцев баров, девушек, – одна моя подружка работала стриптизершей, другая была цыганкой. Но я отрывался по полной только когда отрывался по полной. Когда приходило время заниматься, я не пропускал ни одной тренировки. Редж Парк обещал, что если я завоюю титул Мистер Вселенная, он пригласит меня в Южную Африку на показательные выступления. Поэтому на следующий день после состязаний я отправил ему телеграмму: «Я победил. Когда мне приезжать?» Редж сдержал свое слово. Он прислал билет на самолет, и в конце 1967 года я провел три недели в Йоганнесбурге вместе с ним, его женой Мареем и их малышами Жон-Жоном и Женесс. Мы с Реджем объездили с выступлениями всю Южную Африку, побывав в том числе в Претории и Кейптауне.

До тех пор я лишь смутно представлял, что на самом деле означает успех в культуризме, кино и бизнесе. Вид счастливой семьи Реджа и его процветающего дела произвел на меня такое же впечатление, как и вид самого Реджа в роли Геркулеса. Редж вырос в рабочей семье в Лидсе; в конце пятидесятых, когда они с Мареем полюбили друг друга, он уже был звездой культуризма в Америке. Поженившись, они вернулись в Англию, однако Лидс произвел угнетающее впечатление на Мареем, поэтому они переехали в Южную Африку, где Редж основал свою сеть спортивных клубов. Его бизнес приносил хороший доход. Из дома, который Редж называл «Горой Олимп», открывался панорамный вид на город; здесь были также бассейн и сад. Дом был просторный, красивый, уютный, полный произведений искусства. Как ни любил я свою жизнь в Мюнхене, с напряженными тренировками, бурным весельем и девочками, проживание в гостях у Парков напомнило мне о том, что нужно ставить перед собой более высокие цели.

Каждый день Редж будил меня в пять утра; в половине шестого мы уже были в его тренажерном зале по адресу Керк-стрит, 42, и приступали к занятиям. Я еще никогда не вставал в такой ранний час, но теперь я ощутил преимущества тренировки рано утром, до начала дня, когда у тебя еще нет никакой ответственности и никто тебя ни о чем не просит. Редж также преподавал мне ключевой урок относительно психологических пределов. Я постепенно дошел в упражнениях с поднятием лодыжек до нагрузки в триста фунтов – больше, чем у кого-либо из известных мне культуристов. Я полагал, что уже приблизился к пределу человеческих возможностей. Поэтому я был поражен, когда увидел, как Редж выполняет поднятие лодыжек с нагрузкой в *тысячу фунтов*.

– Предел существует только у тебя в сознании, – объяснил он. – Ты рассуждай вот как: триста фунтов – это меньше, чем нагрузка при ходьбе. Твой вес двести пятьдесят фунтов, то есть, ты поднимаешь двести пятьдесят фунтов одной ногой при каждом шаге. Для того чтобы заниматься по-настоящему, необходимо преодолеть этот предел». И он оказался прав. Предел, в существовании которого я был уверен, оказался чисто психологическим. И теперь, увидев, как кто-то выполняет упражнение с нагрузкой тысяча фунтов, я сам двинулся вперед огромными скачками.

Редж продемонстрировал мне верховенство разума над телом. В тяжелой атлетике на протяжении многих лет существовал пятисотфунтовый барьер в толчке, – это было что-то вроде четырехминутного барьера в беге на милю, который пал только в 1964 году под натиском Роджера Баннистера. Однако как только великий русский штангист Василий Алексеев в 1970 году установил новый мировой рекорд, покориw штангу весом 500 фунтов, в течение года еще трое спортсменов взяли этот же вес.

То же самое я наблюдал и со своим напарником Франко Колумбу. Как-то раз много лет спустя мы по очереди приседали со штангой в клубе Голда в Калифорнии. Я выполнил шесть

приседаний с весом 500 фунтов. Хотя Франко в приседаниях со штангой был сильнее меня, он присел только четыре раза и отложил штангу. «Я очень устал», – пожаловался он. И тут я увидел двух знакомых девушек с пляжа, которые заглянули в тренажерный зал, и пошел поздороваться с ними. Вернувшись к Франко, я сказал: «Они не верят, что ты можешь присесть с пятисотфунтовой штангой». Я знал, как он любит покрутиться, особенно перед девушками. Как и следовало ожидать, Франко встрепенулся. «Я им сейчас покажу! Смотрите!» Схватив штангу весом 500 фунтов, он выполнил десять приседаний. Это было то же самое тело, которое всего десять минут назад умирало от усталости. Вероятно, бедра Франко вопили: «Это еще что за хренотень?!» Так что же изменилось? Сознание. Спорт так сильно связан с физическим состоянием человека, что легко не заметить силу рассудка, однако мне снова и снова приходилось воочию лицезреть ее.

По возвращении в Мюнхен моей первостепенной задачей стало то, как использовать свой титул Мистер Вселенная для привлечения новых клиентов в нашу секцию. Культуризм все еще оставался таким туманным видом спорта, который все считали чем-то странным, так что даже моя победа на мировом первенстве не произвела никакого эффекта за пределами узкого круга тренажерных залов. Гораздо большую известность я снискал, подняв тяжелый камень в пивной.

Но Альберту пришла в голову замечательная мысль. Если бы мы просто обратились в газеты и предложили написать материал о том, что я завоевал титул Мистер Вселенная, нас сочли бы за чудачков. Вместо этого Альберт заставил меня в ледящий холод разгуливать по городу в одних плавках. Тогда он позвонил одному своему знакомому журналисту и сказал: «Помнишь Шварценеггера, который победил на состязаниях по поднятию камня? Так вот, теперь он стал Мистером Вселенная, а сейчас стоит на площади Штаус в одном исподнем». Редакторы двух газет сочли сюжет достаточно забавным и послали фотографов. Я провел их по всему городу, от рынка до железнодорожного вокзала, где подчеркнуто вежливо побеседовал с какими-то пожилыми дамами, показывая, что я милый и дружелюбный, а вовсе не чудовище. Политики поступают так сплошь и рядом, однако для культуриста в те времена это было нечто из ряда вон выходящее. Несмотря на холод, я веселился от души. На следующий день одна из газет опубликовала фотографию, на которой я в одних плавках проходил мимо строительной площадки, откуда на меня с изумлением взирал укутавшийся в теплую куртку рабочий.

В результате целого года напряженных усилий и вот таких трюков нам удалось увеличить число клиентов нашей секции вдвое, доведя его больше чем до трехсот, – однако речь шла о городе с миллионным населением. Альберт называл культуризм «субкультурой внутри субкультуры». Мы подолгу беседовали, выясняя, почему наш вид спорта плохо известен. В конце концов, мы решили, что ответ кроется в образе мышления большинства культуристов: это отшельники, жаждущие скрыться за доспехами своих мышц. Поэтому они все делают тайком, тренируются в подвалах и выходят на свет только тогда, когда их мышцы начинают придавать им уверенности. В истории оставили свой след знаменитые силачи, такие как уроженец Пруссии Эйген Сандов, которого часто называют отцом современного культуризма, и Алоис Свобода, однако они жили еще в начале двадцатого века, и с тех пор никого похожего на них больше не было. Среди современных культуристов не было ни одной харизматической личности, чтобы заразить любовью к этому виду спорта.

И удручающим подтверждением тому были состязания в Мюнхене. В отличие от выступлений прежних силачей, они проводились не в пивных. Их устраивали в тренажерных залах, среди голых стен, с несколькими десятками стульев на голом полу, или в аудиториях на голой сцене. И это был Мюнхен, многолюдный город, полный жизни и развлечений! Единственным исключением стали состязания за титул Мистер Германия, которые проводились ежегодно в «Бюргербройкеллер», просторной пивной, где собирались в основном рабочие.

Нам с Альбертом пришла в голову мысль провести состязания по культуризму на широкую ногу. Собрав небольшую сумму, мы выкупили право на проведение первенства за титул Мистер Европа 1968 года. Затем мы отправились к владельцам «Швабингерброй», изящного пивного зала в престижном районе, и спросили: «Как насчет того, чтобы провести здесь состязание культуристов?»

Необычный выбор места помог нам привлечь внимание к событию, и мы собрали больше тысячи зрителей, по сравнению с несколькими сотнями в прошлом году. Разумеется, мы пригласили прессу и позаботились о том, чтобы журналисты понимали, что видят, чтобы у них получились хорошие материалы.

Наше предприятие могло бы завершиться провалом. Возможно, нам не удалось бы продать достаточно билетов, или кто-нибудь устроил бы дебош, выскочив на сцену и треснув Мистера Европа по голове пивной кружкой. Но вместо этого мы наполнили зал восторженными, кричащими зрителями, которые выглядели особенно живыми на фоне обычных посетителей, которые просто сидели за столами, чокаясь кружками. Энергия этого состязания установила новый стандарт в германском культуризме.

Состоявшиеся в тот год состязания за титул Мистер Европа оказали особенно сильное воздействие на культуристов из Восточной Европы, поскольку совпали с советским вторжением в Чехословакию. 21 августа, меньше чем за месяц до начала соревнований, русские танки сокрушили демократические реформы, зародившиеся в начале 1968 года в ходе так называемой «Пражской весны». Узнав об этом, мы связались со знакомыми чехословацкими культуристами, после чего забирали их на границе на своих машинах. В том году чехи были необычайно широко представлены на первенстве Мистер Европа, поскольку использовали его как возможность бежать из страны. Из Мюнхена они, как правило, отправлялись в Канаду или Соединенные Штаты.

Я гадал, когда наступит мой черед отправиться в Америку. Этот вопрос постоянно крутился у меня в подсознании. Например, во время службы в австрийской армии, узнав, что механиков-водителей танков посылают в Америку для более углубленной подготовки, я подумывал о том, что ради этого можно еще пару лет поносить военную форму. Разумеется, проблема заключалась в том, что после окончания обучения мне пришлось бы покинуть Америку и возвратиться в Австрию, причем я еще должен был бы продолжать службу в армии.

Поэтому я остановился на своей первоначальной мечте: я получаю письмо или телеграмму с приглашением в Америку. От *меня* зависело, буду ли я выступать хорошо и добьюсь ли чего-либо сверхординарного, потому что раз Редж Парк отправился в Америку, добившись чего-то сверхординарного, то же самое произойдет и со мной. Оценивая свой прогресс, я ориентировался на Реджа и Стива Ривза. Как и Редж, я стартовал очень рано – даже раньше него, потому что он начал заниматься в семнадцать лет, за год до военной службы, а я начал в пятнадцать. Завоевав титул Мистер Вселенная в возрасте двадцати лет, я получил известность в мире культуризма, побив державшийся аж с 1954 года рекорд Реджа – он впервые победил в двадцать три года.

Когда я еще только начинал заниматься культуризмом, я мечтал, что победа на всемирном первенстве в Лондоне обеспечит мне славу и бессмертие. Однако в действительности ситуация в мировом культуризме к тому времени стала гораздо более запутанной. Как это обстоит сейчас в профессиональном боксе, культуризм разделился на множество федераций, которые находились в непрерывном соперничестве за главенство в этом виде спорта. Они проводили первенства, собиравшие элиту культуризма: состязания за титул Мистер Вселенная в Великобритании, состязания за титул Мистер Мир, проводившиеся по очереди в разных странах, первенство за титул Мистер Вселенная в Соединенных Штатах, и теперь к ним добавились еще состязания за титул Мистер Олимпия, призванные определить лучшего профессионального культуриста в мире. Поклонникам культуризма приходилось вести записи, чтобы быть в курсе

всех этих соревнований; а для меня главным было то, что далеко не все сильнейшие культуристы принимали участие в том или ином первенстве. Так, например, многие ведущие американские культуристы пропускали состязания за титул Мистер Вселенная в Лондоне, участвуя только в американском первенстве. Поэтому для культуриста единственный способ стать абсолютным чемпионом мира заключался в том, чтобы собрать в свою копилку награды всех федераций. Только вызвав на поединок и победив всех соперников, он получил бы признание лучшего в мире. В свое время в мировом культуризме доминировал Редж Парк, в течение четырнадцати лет трижды побеждавший в Лондоне. Билл Перл, выдающийся калифорнийский культурист, к тому времени трижды завоевывал титул Мистер Вселенная, а также получал титулы Мистер Америка и Мистер США. Стив Ривз также завоевывал титулы Мистер Америка, Мистер Вселенная и Мистер Мир. Мне не терпелось не просто побить их рекорд. Я мечтал оставить их далеко позади. Если кто-то смог стать Мистером Вселенная трижды, я завоюю этот титул шесть раз. Я был еще достаточно молод и чувствовал в себе силы для этого.

Таковы были мои мечты, когда я готовился к следующему первенству за титул Мистер Вселенная, которое должно было состояться в 1968 году в Лондоне. Для того, чтобы попасть в Америку, мне сначала нужно было завоевать абсолютное господство в европейском культуризме. Победа на прошлогоднем первенстве Мистер Вселенная в категории любителей была для этого отличным началом. Однако она автоматически переводила меня в категорию профессионалов, открывая новые горизонты соперничества. Это означало, что мне нужно было снова приехать в Лондон и завоевать профессиональный титул еще более убедительно, чем это было в любительской категории. Тогда я стану двукратным Мистером Вселенная, что станет еще одним шагом на пути к моей цели.

Я позаботился о том, чтобы мне не мешало абсолютно ничего: ни отдых, ни работа, ни путешествия, ни девочки, ни подготовка первенства Мистер Европа. Разумеется, я уделял время и всему этому, однако главным моим приоритетом оставались напряженные занятия по четыре – пять часов в день, шесть дней в неделю.

Воспользовавшись советами Уага Беннета и Реджа Парка, я сосредоточил свое внимание на том же, что и прежде. Я продолжал расти в физическом плане и хотел максимально полно использовать то преимущество, которое было мне дано от природы: свое тело, каркас, способный удержать больше мышечной массы, чем у всех тех, кто мне противостоял. Моя цель заключалась в том, чтобы показать себя в «Виктория-Палас» еще более сильным и большим, чем в прошлом году, и просто смести всех своих соперников. При росте шесть футов два дюйма и весе двести пятьдесят фунтов я выглядел еще более впечатляющим, чем прежде.

День накануне состязаний начался для меня плохо. По пути в аэропорт я заглянул в тренажерный зал, чтобы получить свое обычное жалование у Рольфа Путцигера, – на эти деньги я рассчитывал жить в Лондоне. Вместо этого Путцигер протянул мне лист бумаги и ручку. «Подпиши вот это, и ты получишь свои деньги», – сказал он. Это был контракт, согласно которому Путцигер становился моим агентом и получал долю от всех моих будущих заработков! Оправившись от шока, я ответил категорическим отказом и покинул зал, кипя от бешенства. У меня были только те деньги, что лежали у меня в кармане, и я не знал, осталась ли у меня работа. Альберт одолжил мне пятьсот марок, чтобы я смог добраться до Лондона. Разумеется, поездка завершилась гораздо лучше, чем началась: на следующий день я второй раз подряд убедительно завоевал титул Мистер Вселенная. В журналах, посвященных культуризму, появились мои фотографии: левой рукой я поднимаю девушку в бикини, а правой демонстрирую бицепсы. Однако еще больше меня обрадовала телеграмма, которая ждала меня, когда я вернулся в гостиницу. От Джо Уайдера.

«Поздравляю с победой, – гласила она. – Ты новая молодая звезда. Ты станешь величайшим культуристом всех времен».

Далее Уайдер приглашал меня приехать в следующие выходные в Америку, чтобы принять участие в состязаниях за титул Мистер Вселенная, которые его федерация проводила в Майами. «Все расходы берем на себя, – говорилось в телеграмме. – Все подробности у полковника Шустера».

Я был в восторге: подумать только, телеграмма от признанного короля мира культуризма. Являясь крупнейшим импресарио в американском культуризме, Джо Уайдер автоматически становился крупнейшим импресарио во всем мире. Он создал целую глобальную империю выступлений, специализированных журналов, снаряжения и питательных добавок. Я приблизился к своей мечте, не просто став чемпионом, но и получив приглашение в Америку. Я поспешил позвонить своим родителям и поделиться с ними известием о том, что отправляюсь в Соединенные Штаты. Этого я не ожидал, но, быть может, мне удастся завоевать третий титул Мистер Вселенная! В возрасте двадцати одного года это было бы нечто невероятное. Однако я в идеальной форме, я на пике своих сил, и я разгромлю наголову своих соперников в Майами!

Полковник Шустер заглянул ко мне в номер ближе к вечеру. Это оказался мужчина среднего роста в костюме. Он действительно имел звание полковник Национальной гвардии Соединенных Штатов, но теперь зарабатывал на жизнь, работая рекламным агентом компании Уайдера на европейском рынке. Шустер вручил мне билет на самолет, однако когда зашел разговор о моем перелете через океан, он вдруг спохватился, что у меня нет американской визы.

Я остался ждать дома у Шустера, не находя себе места от волнения, а сам полковник отправился в американское посольство и подержал за нужные ниточки. Бумажная волокита заняла целую неделю. Я убивал время как мог, хотя у меня и не было возможности соблюдать необходимую диету и заниматься по пять часов в день. Я нашел выход, отправляясь ежедневно к Уайдеру на склад, где хранились гири и гантели, и занимаясь там. Однако мысли мои были заняты другим, и я не мог полностью сосредоточиться на тренировках.

Но как только я поднялся на борт самолета, от отчаяния не осталось и следа. Мне предстояло сделать пересадку в Нью-Йорке, и когда самолет делал круг над городом, я впервые увидел фантастическое зрелище небоскребов, нью-йоркского порта и статуи Свободы. Что же касалось Майами, я понятия не имел, что там ожидать, и когда я туда прилетел, там шел дождь. Но Майами также произвел на меня впечатление – не только зданиями и пальмами, но и непривычным для октября теплом и тем, какими счастливыми здесь себя все чувствовали. Меня привели в восторг туристические места и звучащая в них латиноамериканская музыка. Смесь латиноамериканцев, чернокожих и белых была просто поразительная. Мне доводилось видеть такое в кругах культуристов, но только не Австрии, где я родился и вырос.

Джо Уайдер начал проводить американский вариант первенства за титул Мистер Вселенная десять лет назад, чтобы повысить популярность культуризма в Соединенных Штатах, однако состязания впервые проходили во Флориде. Для этой цели был арендован «Майами-Бич аудиториум», большой современный зал на две тысячи семьсот мест, где обычно проводилось популярное телевизионное шоу «В гостях у Джеки Глитсон». Я пропустил предварительную часть – интервью, коктейль-вечеринки, теле- и фотосъемки, рекламные акции, – но даже так мне показалось, что дело поставлено с американским размахом. Я увидел таких легенд культуризма, как Дейва Дрейпера и Чака Сайпса, каждый из которых в свое время завоевывал титулы Мистер Америка и Мистер Вселенная.

Впервые я увидел своими глазами чемпиона мира по культуризму Серхио Оливу. Серхио эмигрировал в Америку с Кубы и стал первым представителем национальных меньшинств, завоевавшим титулы Мистер Америка, Мистер Мир, Мистер Интернэшл, Мистер Вселенная и Мистер Олимпия. Не далее как на прошлой неделе он во второй раз подряд завоевал титул Мистер Олимпия. Несмотря на то, что мне еще рано было тягаться с Оливой, он понимал, что вскоре нам предстоит стать соперниками. «Этот парень очень хорош, – сказал Олива журналистам обо мне. – В следующем году он будет серьезным противником. Но я ничего не имею

против. Мне не нравится состязаться с детьми». Узнав это, я подумал: «Так, психологическая война уже началась».

В состязаниях принимало участие двадцать с лишним человек, разбитых на две группы, высокого роста и маленьких. На дневных предварительных раундах я без труда одолел всех остальных высокорослых участников. Однако лучшим в категории низкорослых был нынешний обладатель титула Мистер Америка Фрэнк Зейн, находившийся на пике своей формы. Не далее как на прошлой неделе он одержал верх в состязаниях за титул Мистер Америка, которые проводились в Нью-Йорке. Я был такой же большой и могучий, как и в Лондоне, с такой же проработанной мускулатурой и той же впечатляющей мышечной массой. Однако неделя безделья в ожидании визы сделала меня чуть тяжелее моего идеала, вследствие чего, когда я принимал позы, мое тело выглядело гладким и не таким четко прорисованным. Что хуже, Зейн, пропорционально сложенный, с точеными мышцами, обладал впечатляющим загаром, в то время как мое тело было белым, словно футбольный мяч. Перед вечерними финалами он опережал меня на несколько очков.

Вечером, выступая перед толпой зрителей, я чувствовал, что выгляжу на сто процентов лучше, поскольку целый день, проведенный на сцене под жаркими софитами, растопил лишние фунты. Благодаря этому наша борьба с Фрэнком Зейном получилась настолько острой, что к окончательному голосованию мы с ним подошли с равным количеством очков. Однако большее количество очков, набранных Фрэнком во время предварительных раундов, сделало победителем именно его, а не меня. Я стоял на сцене, стараясь скрыть свое изумление, в то время как награду получал парень на добрых пять дюймов ниже меня ростом и на пятьдесят фунтов легче весом.

Это был страшный удар. Я наконец добрался до Америки, как и рисовал в своих мыслях. Но затем в Майами потерпел поражение в состязаниях за титул Мистер Вселенная. Причем более легкому и низкорослому сопернику. Мне казалось, что исход состязаний был предрешен заранее, поскольку Зейн просто был слишком маленьким, чтобы одержать надо мною верх. Даже несмотря на то, что мне доставало его четкой проработки, он по сравнению со мной был тощим коротышкой.

Вечером меня захлестнуло отчаяние. Оптимизм практически никогда не покидает, однако в тот день случилось именно это. Я был в чужой стране, вдали от родных, вдали от друзей, в окружении незнакомых людей, говоривших на чужом языке. Зачем я только сюда приехал? Я чувствовал себя рыбой, извлеченной из воды. Все мои пожитки уместились в одной маленькой спортивной сумке; все остальное я оставил позади. Скорее всего, меня выгнали с работы. У меня не было денег. Я не знал, как вернуться домой.

И что самое страшное, я потерпел поражение. Великий Джо Уайдер привез меня из-за океана, чтобы предоставить эту возможность, но вместо того чтобы ею воспользоваться, я опозорился и выступил плохо. Я остановился в одном номере с Роем Чаллендером, чернокожим культуристом из Великобритании, который также принимал участие в лондонском первенстве. Он был очень любезен, пытался меня утешить. Рой был гораздо взрослее меня и говорил о вещах, которые я не до конца понимал. Он говорил о чувствах.

– Да, трудно проиграть после такой большой победы в Лондоне, – говорил он. – Но ты думай о том, что в следующем году победишь снова, и все забудут об этом поражении.

Впервые меня учил жизни другой мужчина. Я считал, что это – удел женщин. Меня учила жизни моя мать, другие женщины. Но я был потрясен, увидев искреннее сочувствие со стороны другого мужчины. До того момента я полагал, что плачут только девочки, но все кончилось тем, что я несколько часов тихо проплакал в темноте. И это принесло огромное облегчение.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что чувствую себя намного лучше. Номер был залит солнечным светом, и звонил телефон на ночном столике.

– Арнольд? – произнес хриплый голос. – Говорит Джо Уайдер. Я внизу у бассейна. Не хочешь спуститься ко мне и позавтракать вместе? Мне бы хотелось, чтобы ты дал интервью для журнала. Мы хотим поместить большой материал о тебе, в первую очередь, о том, как ты тренируешься...

Я тотчас же спустился к бассейну, и там за столиком с печатной машинкой ждал меня Джо. Я не мог поверить своим глазам. Я вырос на его журналах, в которых Джо Уайдер неизменно представлял себя «тренером чемпионов», человеком, который изобрел все методики тренировок, который создал с нуля культуризм как вид спорта, который сотворил всех великих культуристов. Я его боготворил, и вот мы с ним сидели за столиком у бассейна в гостинице в Майами. Внезапно все страхи прошлой ночи смыло волной. Я снова почувствовал себя чем-то стбщим.

Джо было лет сорок с небольшим; гладко выбритый, темноволосый, с бакенбардами. Нельзя сказать, что он был крупным – скорее, среднего роста, но он был крепким. Из журналов я знал, что он занимается ежедневно. Его голос нельзя было спутать ни с чем: сильный, проникновенный, с раскатистыми гласными, звучащими не так, как у всех остальных англоязычных людей, с кем мне приходилось встречаться. Впоследствии я узнал, что Джо – уроженец Канады.

Он подробно расспросил меня про тренировки. Мы проговорили несколько часов. Даже несмотря на мой нетвердый ломаный английский, Джо быстро почувствовал, что мне есть что рассказать. Я поведал ему о занятиях в парке во «времена гладиаторов». Джо с удовольствием слушал меня. Он много расспрашивал меня про мои методы занятий: про «технику разделения», заключающуюся в том, чтобы тренироваться два или даже три раза в день, о тех способах, которые придумали мы с Франко, чтобы «встряхивать» мышцы. А мне приходилось постоянно мысленно себя щипать. Я думал: «Как бы я хотел, чтобы это увидели мои друзья из Мюнхена и Граца: вот я, сижу вместе с самим Джо Уайдером, а он расспрашивает меня о том, как я тренируюсь».

К полудню Джо, похоже, принял решение. «Не возвращайся в Европу, – сказал он наконец. – Тебе нужно остаться здесь». Уайдер предложил оплатить мне дорогу до Калифорнии, снять для меня квартиру, купить машину и выдавать мне деньги на текущие расходы, чтобы я мог в течение целого года полностью сосредоточиться на тренировках. И следующей осенью у меня будет еще одна попытка. А тем временем в своих журналах Джо будет освещать мои занятия, а также предоставит переводчиков, чтобы те помогли мне рассказать о своих методиках и выразить свои соображения о культуризме.

У Джо было множество мыслей насчет того, что мне нужно сделать, чтобы подняться на вершину. Он сказал мне, что я сосредоточил свое внимание не на том, на чем нужно: даже для крупного спортсмена силы и мышечной массы еще недостаточно. Помимо всего прочего, мне требовалось усиленно работать над большей проработкой мышц. И хотя некоторые части моего тела были фантастическими, слабыми местами оставались спина, мышцы брюшного пресса и ноги. Да и над принятием поз еще нужно было поработать. Конечно, методики тренировок были коньком Уайдера, и ему не терпелось побыстрее начать со мной заниматься. «Ты будешь величайшим, – объявил он. – Подожди, и ты сам в этом убедишься».

Вечером, занимаясь в тренажерном зале, я снова думал о своем поражении Фрэнку Зейну. Теперь, перестав жалеть себя, я пришел к более жестким заключениям, чем предыдущей ночью. Мне по-прежнему казалось, что судейство было несправедливым, однако я обнаружил, что не в этом кроется истинная причина моей боли. Все дело было в том, что я потерпел неудачу – не мое тело, но мое представление о том, как нужно тренироваться, мой поступательный порыв. Проигрыш Чету Йоргону в Лондоне в 1966 году прошел безболезненно, потому что я сделал для подготовки к состязаниям все возможное: просто еще не настал мой час. Однако здесь произошло нечто другое. Я был не в такой отличной форме, в какой мог бы быть.

Я мог бы всю предыдущую неделю соблюдать строгую диету и не есть в таком количестве рыбу и картошку. Я мог бы найти способ заниматься более усиленно, даже не имея доступа к снаряжению: например, я мог бы по тысяче раз качать брюшной пресс или выполнять еще какое-нибудь упражнение, которое помогло бы мне чувствовать себя в полной готовности. Я мог бы работать над позами – тут уж ничто мне не мешало. И судейство ни при чем. Я не сделал все возможное для подготовки. Вместо этого я понадеялся на то, что взлечу на пьедестал на волне успеха в Лондоне. Я говорил себе, что только что завоевал титул Мистер Вселенная, и мне можно расслабиться. Это была полная чушь.

Подобные мысли привели меня в бешенство. «Хоть ты на состязаниях в Лондоне и победил в профессиональной категории, ты по-прежнему остаешься дилетантом, твою мать! – твердил я себе. – Того, что произошло здесь, не должно было случиться никогда. Такое происходит только с дилетантами. Ты дилетант, Арнольд».

Я решил, что, оставшись в Америке, я больше никогда не буду поступать как дилетант. Теперь началась настоящая игра. Впереди ждала большая работа. И я должен был приступить к ней как профессионал. У меня не было ни малейшего желания впредь покидать соревнования по культуризму так, как это случилось в Майами. Чтобы я смог победить таких ребят, как Серхио Олива, такого больше не должно произойти никогда. Отныне, если я потерплю поражение, я смогу покинуть сцену с широкой улыбкой на лице, так как буду знать, что сделал для победы все возможное.

Глава 5

Приветствие из Лос-Анджелеса

Есть одна фотография, на которой я снят по приезду в Лос-Анджелес в 1968 году. Мне двадцать один год, я в мятых коричневых брюках, неуклюжих ботинках и дешевой рубашке с длинным рукавом. Я держу в руке выдавший виды пластиковый пакет с ручной кладью и жду на выдаче багажа свою спортивную сумку со всеми остальными вещами. Я похож на беженца. По-английски я могу сказать всего несколько фраз, у меня нет денег, – но на моем лице широкая улыбка.

Мое прибытие запечатлели вольнонаемные журналист и фотограф, работавшие на журнал «Маскл энд фитнес». Джо Уайдер поручил им встретить меня, показать, что к чему, и написать о том, что я сказал и сделал. Уайдер продвигал меня как восходящую звезду. Он предложил мне пожить год в Америке, тренируясь вместе с чемпионами. При этом он должен был обеспечивать меня жильем и деньгами на текущие расходы. Мне же нужно было только работать вместе с переводчиком, рассказывая для его журналов о своих методах занятий, и тренироваться ради достижения своей цели.

Эта новая восхитительная жизнь, о которой я столько мечтал, запросто могла закончиться всего через неделю после того, как началась. Один из моих новых друзей по тренировкам, австралийский силач, в рукопашной борьбе одолевающий крокодилов, одолжил мне свою машину, «Понтиак джи-ти-оу» с трехсотпятидесяти сильным двигателем. Мне еще никогда не приходилось водить такую невероятную машину, и вскоре я уже несся по бульвару Вентура в долине Сан-Фернандо на скорости, разрешенной только на немецких автобанах. Это было утро прохладного пасмурного октябрьского дня, и мне предстояло узнать, что в моросящий дождь дороги в Калифорнии становятся очень скользкими.

Я приготовился включить пониженную передачу, замедляясь перед входом в поворот. С переключением передач у меня никогда не возникало никаких проблем, поскольку у всех европейских машин коробка передач механическая, в том числе на грузовиках, на которых я ездил в армии, и на моей старенькой развалюхе в Мюнхене. Однако при переключении передачи на пониженную задние колеса «Понтиака» заблокировались, теряя сцепление с мокрым асфальтом.

Машина два или три раза развернулась, полностью лишившись управления. Мне удалось сбросить скорость миль до тридцати в час, когда момент инерции выбросил меня на встречную полосу, – к несчастью, движение по ней в этот утренний час было очень оживленным. Словно замороженный, я смотрел, как «Фольксваген-Жук» въезжает мне в правый бок, бессильный чем-либо этому помешать. После чего в меня врезалась здоровенная американская машина, затем к куче-мале присоединились еще четыре или пять машин, и только тогда движение наконец остановилось.

Мы с «Понтиаком» закончили свой путь всего ярдах в тридцати от цели назначения – спортивного клуба Винса, где мне предстояло тренироваться. Левая передняя дверь открылась, и я выбрался из машины, но моя правая нога горела, – от удара треснула консоль между двумя передними сиденьями, и, опустив взгляд, я увидел, что из бедра у меня торчит большой осколок пластмассы. Я выдернул его, и тотчас же по ноге потекла кровь.

Я был перепуган до смерти, и единственной моей мыслью было бежать в тренажерный зал за помощью. Хромая, я зашел в зал и сказал: «Я только что попал в серьезную аварию». Кое-кто из культуристов узнал меня, однако делами занялся совершенно незнакомый мужчина, который, как оказалось, был адвокатом. «Тебе нужно вернуться к своей машине, – сказал он. – Ни в коем случае нельзя покидать место аварии. В нашей стране это считается преступлением.

У тебя могут быть большие неприятности. Так что возвращайся к машине, оставайся там и жди полицию».

Он понимал, что я совсем недавно приехал в Соединенные Штаты и плохо говорю по-английски.

– Но я же здесь! – возразил я. – И мне отсюда все видно!

Я имел в виду, что увижу, когда подъедет полиция, и выйду к ней.

– Поверь мне, тебе лучше вернуться к своей машине.

Тогда я показал ему свою ногу.

– Вы не знаете врача, который помог бы мне с этим?

Увидев кровь, адвокат пробормотал: «О, господи!» Задумался на мгновение. «Я сейчас позвоню своим друзьям. У тебя ведь нет медицинской страховки!» Я не понял, что имел в виду адвокат, но он мне объяснил, что такое медицинская страховка. Кто-то принес полотенце, и я зажал им рану на ноге.

Я вернулся к «Понтиаку». Все водители были потрясены. Они ворчали, что опоздают на работу, что машины у них разбиты, что им придется обращаться в страховые компании. Но никто ни в чем меня не обвинял, не лез на меня с кулаками. Как только полицейский убедился в том, что женщина, ехавшая в «Фольксвагене», не пострадала, он отпустил меня без дальнейших разбирательств, просто сказав: «Я вижу у вас кровь, вам нужно обратиться к врачу». Знакомый культурист по имени Билл Дрейк отвез меня в клинику, где мне наложили швы на рану, и любезно оплатил счет.

Я чувствовал себя полным идиотом из-за того, что устроил аварию, и жалел о том, что не записал фамилии всех участников, чтобы можно было сегодня же извиниться перед ними.

Я понимал, что мне необычайно повезло: в подобной ситуации европейская полиция отнеслась бы ко мне гораздо строже. Мало того, что меня обязательно задержали бы; поскольку я был иностранец, все могло бы закончиться тюремным заключением или депортацией. Естественно, инцидент обошелся бы мне дорого в смысле штрафов. Однако американские полицейские приняли во внимание то, что дорога была скользкой, что я не нарушил правил, что никто серьезно не пострадал, и главным было побыстрее восстановить нормальное движение. Полицейский, допросивший меня, был очень учтив. Взглянув на мое водительское удостоверение международного образца, он спросил: «Вам точно не нужна «Скорая помощь»?» Двое ребят из тренажерного зала объяснили ему, что я приехал в Америку всего несколько дней назад. Всем было очевидно, что я с трудом говорю по-английски, хотя я очень старался.

В тот вечер я засыпал, полный оптимизма. Мне еще предстояло объясняться с победителем крокодилов, но Америка была замечательным местом.

Увидев впервые Лос-Анджелес, я испытал потрясение. Для меня Америка в первую очередь означала одно: масштабы. Огромные небоскребы, огромные мосты, огромные неоновые вывески, огромные автострады, огромные машины. И Нью-Йорк, и Майами оправдали мои ожидания, и почему-то я вообразил, что и Лос-Анджелес окажется таким же впечатляющим. Но теперь я увидел, что высокие здания есть только в центре, и в целом город выглядел неказистым. Пляж был большой, но где огромные волны и толпы серфингистов, катающихся по ним на досках?

То же самое разочарование я испытал, впервые увидев клуб Голда, мекку американского культуризма. Я многие годы штудировал журналы Уайдера, не подозревая, что главной их целью было представить все более грандиозным, чем на самом деле. Я смотрел на фотографии знаменитых культуристов, занимающихся в клубе Голда, и представлял себе огромный спортивный клуб с баскетбольными площадками, бассейнами, залами для гимнастических упражнений, тяжелой атлетики, силового троеборья и единоборств, подобный тем гигантским клубам, которые можно увидеть в наши дни. Но, войдя в зал, я увидел голый бетонный пол, и в целом все было очень просто и примитивно: зал высотой в два этажа, размером в поло-

вину баскетбольной площадки, стены из шлакоблоков и окна в потолке. Однако оборудование было действительно интересным; я увидел выдающихся тяжелоатлетов и культуристов, которые занимались с тяжелыми штангами, – так что вдохновение здесь было. К тому же, клуб находился всего в двух кварталах от пляжа.

А район Венис, в котором располагался клуб Голда, оказался еще менее впечатляющим, чем сам тренажерный зал. Дома, тянувшиеся рядами вдоль улиц и аллей, были похожи на казармы американской армии. Кому могло прийти в голову возводить такие дешевые деревянные бараки в этом восхитительном месте? Некоторые дома были обветшалыми и заброшенными. Асфальт на тротуарах провалился и растрескался, вдоль дорог бурно разрослись сорняки, а кое-где улицы даже не были вымощены.

«И это Америка? – недоумевал я. – Почему никто не замостил эту улицу? Почему никто не снес этот заброшенный дом и не построил на его месте новый?» Я твердо знал, что у меня на родине, в Граце, не найдешь даже тротуара, который не только был бы не вымощен, но просто не был бы тщательно подметен и не содержался в идеальном состоянии. Здесь же все это было просто непостижимо.

Очень нелегко приехать в страну, где все выглядит по-другому, где говорят на другом языке, где другая культура, где люди иначе мыслят и иначе ведут дела. Я не переставал поражаться, насколько же здесь все отличается от того, к чему я привык. Однако по сравнению с большинством тех, кто недавно приехал в Америку, у меня было одно большое преимущество: когда являешься частицей международного спорта, тебя никогда не бросят одного.

Мир культуризма славится своим радушием. Куда бы ты ни приехал, тебе даже необязательно кого-нибудь знать. Ты всегда ощущаешь себя частью единой семьи. Местные культуристы встречают тебя в аэропорту. Отвозят к себе домой. Кормят. Показывают город. В Америке было все это, но также и нечто большее.

У одного из лос-анджелесских культуристов в доме была свободная спальня, где я остановился на первое время. Когда я впервые пришел в зал, чтобы приступить к занятиям, все подошли ко мне, чтобы сказать пару слов, обнять, похлопать по плечу, тем самым показывая, что они рады видеть меня здесь. Ребята подыскали мне маленькую квартиру, и как только я перебрался туда, их радушие перешло в «мы должны ему помогать». Они собрали деньги и как-то утром заявили ко мне домой с коробками и свертками. Попробуйте представить себе толпу здоровенных мускулистых парней: огромные медведи, которых и близко нельзя подпускать ни к чему стеклянному; каждый день в тренажерном зале от них можно услышать что-нибудь вроде «вы только взгляните на его грудь – вот это да!» или «сегодня я выполню приседание со штангой весом пятьсот фунтов, твою мать». И вдруг эти ребята появляются на пороге моего дома, с коробками и свертками в руках. Один из них говорит: «Смотри, что я тебе принес», открывает коробку и достает серебряные столовые приборы. «Тебе это пригодится, чтобы ты смог здесь есть». Другой распаковывает сверток и говорит: «Моя жена сказала, что я могу взять эти тарелки. Это наши старые тарелки, так что теперь у тебя есть пять штук». Ребята очень старательно называли каждую вещь и объясняли, для чего она нужна. Кто-то принес маленький черно-белый телевизор с торчащей сверху комнатной антенной и помог мне его настроить. Ребята также принесли еду, так что мы уселись за стол и позавтракали вместе.

Я сказал себе: «В Германии и Австрии я никогда не видел ничего подобного. Никому такое даже в голову не приходило». Я точно знал, что если бы я сам у себя дома увидел, как кто-то заселяется в соседнюю квартиру, мне бы и в голову не пришло ему помочь. Я чувствовал себя полным идиотом. Этот случай показал, что мне еще многому нужно учиться.

Ребята повезли меня смотреть Голливуд. Я хотел сфотографироваться там и отправить снимки своим родителям, чтобы показать им: «Вот я и в Голливуде. А дальше будут фильмы». Мы долго ехали, и наконец один из ребят сказал: «Отлично, это бульвар Сансет».

– Когда же мы приедем в Голливуд? – спросил я.

– А это и есть Голливуд.

Должно быть, в своем воображении я перепутал Голливуд с Лас-Вегасом, потому что искал взглядом огромные неоновые вывески. Я также ожидал увидеть кинооборудование и перегороженные улицы, на которых происходили натурные съемки. Однако ничего этого не было. «А куда подевались огни и все остальное?» – спросил я.

Ребята переглянулись. «По-моему, он разочарован, – сказал один из них. – Наверное, нам нужно было привезти его сюда вечером».

«Точно, точно, – подхватил второй. – Потому что днем здесь и вправду смотреть не на что».

Ближе к концу недели мы приехали в Голливуд вечером. Огней было больше, но в целом зрелище оставалось таким же скучным. Со временем я свыкся с этим и узнал, где можно весело провести время.

Я проводил много времени, знакомясь с городом и разбираясь в том, как все делается в Америке. По вечерам я частенько встречался с Арти Зеллером, фотографом, который встречал меня в аэропорту. Арти меня просто очаровал. Он был очень-очень умен, однако при том начисто лишен честолюбия. Арти не любил стрессы, не любил рисковать. Он работал за стекляннным окошком в почтовом отделении. Арти был родом из Бруклина, где его отец, человек в высшей степени эрудированный, был кантором в еврейской общине. Однако его сын пошел своим путем, стал заниматься туризмом на острове Кони-Айленд. Работая вольнонаемным фотографом на Уайдера, Арти стал лучшим специалистом по съемкам туризма. Меня он привлекал в первую очередь тем, что всего добивался сам, бесконечно читая и впитывая в себя всю информацию. От природы обладающий талантом к иностранным языкам, Арти был ходячей энциклопедией и прекрасно играл в шахматы. Он был стойким демократом, либералом и полным атеистом. К черту религию! Для Арти она была пустой сказкой. Никакого бога нет, и больше говорить не о чем.

Жена Арти Жози была уроженкой Швейцарии, и хотя я стремился полностью погрузиться в англоязычную среду, было очень неплохо иметь рядом тех, кто говорил по-немецки. Особенно это касалось просмотра телепередач. Я приехал в Америку в последние три-четыре недели президентской кампании 1968 года, поэтому, когда мы включали телевизор, обязательно что-нибудь говорили про выборы. Арти и Жози переводили мне выступления Ричарда Никсона и тогдашнего вице-президента Хьюберта Хамфри, соперничавших между собой. Хамфри, демократ, постоянно говорил о благосостоянии населения и правительственных программах, и мне казалось, что это звучит чересчур по-австрийски. Однако слова Никсона о деловых возможностях и предпринимательстве звучали для меня по-настоящему американскими.

– Повтори еще раз, как называется его партия? – спросил я у Арти.

– Республиканская.

– В таком случае я республиканец, – сказал я.

Арти презрительно фыркнул, что он делал часто, поскольку у него были плохие носовые пазухи и поскольку он находил в жизни много того, что заслуживало фырканья.

Как и обещал Джо Уайдер, я получил машину: подержанный белый «Фольксваген-Жук», с которым я сразу же почувствовал себя в своей тарелке. Чтобы лучше узнать город, я объездил все окрестные тренажерные залы. Я познакомился с человеком, который заведовал залом в центре Лос-Анджелеса, расположенным в здании, которое тогда называлось «Оксидентал-Лайф». Я ездил в глубь страны, а также в Сан-Диего, чтобы познакомиться с тамошними тренажерными залами. И знакомые возили меня в разные места; вот так я побывал в мексиканской Тихуане и в Санта-Барбаре. Как-то раз мы вместе с четырьмя другими культуристами отправились в Лас-Вегас в стареньком микроавтобусе «Фольксваген». Нагруженный таким обилием мышц, микроавтобус не выжимал и шестидесяти миль в час. Сам Лас-Вегас с его

огромными казино, неоновыми огнями и бесконечными игорными залами полностью оправдал мои ожидания.

В клубе Винса занимались многие чемпионы, в том числе Ларри Скотт, прозванный «Легендой», который завоевывал титул Мистер Олимпия в 1965 и 1966 годах. Пол в клубе Винса был застелен ковром, и там имелись очень неплохие тренажеры, однако силовое троеборье было здесь не в почете: тут считалось, что классические силовые упражнения, такие как приседания со штангой, жим штанги лежа и качание прессы, безнадежно устарели, годятся только для развития силы и не могут отточить до совершенства пропорции тела.

Обстановка в клубе Голда была совершенно другой. Здесь тренировались настоящие монстры: олимпийские чемпионы по толканию ядра, профессиональные борцы, чемпионы по культуризму, силачи с улицы. Тут редко можно было увидеть трико: все занимались в джинсах и клетчатых рубашках, майках, безрукавках, тельняшках. В клубе было четыре зала и тяжелоатлетический помост, где можно было уронить штангу весом четыреста фунтов, и никто не говорил ни слова. Эта атмосфера была ближе к тому, к чему я привык.

Главным волшебником здесь был Джо Голд. Еще подростком он был среди тех, кто в тридцатые годы основал в Санта-Монике клуб «Маскл-Бич», и, отслужив во Вторую мировую войну мотористом в торговом флоте, он вернулся и занялся разработкой снаряжения для силовых упражнений. Практически все до одного тренажеры в зале были разработаны Джо.

Здесь не было никакого изящества: все, что создавал Джо, было большим и тяжелым, и все работало. Его гребной тренажер был разработан так, что опоры для ступней находились именно там, где нужно, и можно было разрабатывать нижние латеральные мышцы, не опасаясь свалиться с сиденья. Когда Джо разрабатывал какой-нибудь тренажер, он приглашал к обсуждению будущей конструкции всех, а не полагался исключительно на свое собственное мнение. Поэтому все углы работы подвижных частей были выставлены идеально, и ничто не застревало. И Джо приходил в зал каждый день, то есть все оборудование постоянно поддерживалось в исправном состоянии.

Время от времени Джо просто изобретал новые тренажеры. Один он разработал для выполнения «ослиных шагов». Это упражнение для икроножных мышц имело для меня огромное значение, потому что по сравнению с остальным моим телом мои икры были относительно маленькими и никак не желали расти. Обыкновенно для выполнения этого упражнения пятки устанавливаются на брус или бревно так, чтобы остальная часть ступни свисала в воздухе. Затем нужно согнуться в поясе на 90 градусов, взяться руками за брус, а один или двое напарников забираются тебе на спину, словно на осла, и начинают разрабатывать икры, поднимая их вверх и вниз. Однако с тренажером Джо надобность в «наездниках» отпадала. Установив желаемую нагрузку, спортсмен вставал под тренажер в позе осла и освобождал блокировку. И теперь он мог выполнять «ослиные шаги», имея у себя на спине груз, скажем, в семьсот фунтов.

Клуб Голда быстро стал мне родным домом, где я чувствовал себя в своей стихии. В вестибюле постоянно толпились посетители, и у всех завсегдатаев были свои прозвища, вроде Чарли Толстая Рука, Загорелый или Улитка. Забо Кошевски занимался здесь уже много лет и был ближайшим другом Джо Голда. Его называли «Вождь». У него были потрясающие мышцы брюшного пресса – он качал их по тысяче раз каждый день, и они действительно были просто идеальными. Мой пресс был гораздо хуже, и первым же делом Забо посоветовал мне сесть на диету. «Знаешь что? – заметил он. – А ты ведь пухленький». Джо Голд тотчас же окрестил меня «Круглым животом», и с тех пор меня звали или «Круглым брюхом», или «Пухлым».

У Забо, выходца из Нью-Джерси, чье настоящее имя было Ирвин, была целая коллекция трубок для гашиша. Время от времени мы навевывались к нему домой, чтобы «побалдеть». Забо день и ночь читал научную фантастику. У него все было «ого, дружище!», «клево!» или «ни хрена себе!». Однако в Венис это считалось нормальным. Сигарета с марихуаной считалась

чем-то таким же естественным, как и кружка пива. Ты приходил в гости, неважно к кому, хозяин предлагал тебе «косячок» и говорил: «Затянись!» Или же это была трубка гашиша, в зависимости от того, насколько искушенным был хозяин.

Я быстро усвоил, что имели в виду люди, говоря «это клево» или «это балдеж». Пытаясь раскрутить одну сногшибательную девчонку, я выяснил, какую важную роль играет астрология. «Кажется, мы с тобой созданы друг для друга, – сказал я. – Нам определенно нужно поужинать вместе».

Но она ответила:

– Какой у тебя знак по гороскопу?

– Лев, – ответил я.

– Это не для меня. Это точно не для меня. Спасибо за приглашение, но это не для меня.

Прощай.

И девчонка ушла. На следующий день я пришел в тренажерный зал и спросил: «Ребята, у меня одна маленькая проблема. Я все еще учусь». И я поведал им о том, что случилось со мною вчера.

Зебо сразу же подсказал, как я должен был поступить. Он сказал: «Приятель, тебе нужно было сказать: «У меня *лучший* знак». Попробуй в следующий раз».

Прошло несколько недель, прежде чем мне представилась возможность проверить его совет в действии. Я обедал вместе с одной девушкой, и она спросила:

– Какой у тебя знак по гороскопу?

– Ну а ты как думаешь? – ответил вопросом на вопрос я.

– И все же, какой?

– Лучший!

– Ты хочешь сказать... ты Козерог?

– Точно! – воскликнул я. – Как ты догадалась?

– Говорю тебе, это просто поразительно, потому что мы с тобой так подходим друг другу.

Я хочу сказать, это просто... ого!

Девушка была в восторге. Тогда я начал читать про знаки Зодиака, про связанные с ними характеристики, про то, как разные знаки ладят между собой.

Обосновавшись в клубе Голда, я без труда завел новых друзей. Здесь был настоящий котел, в котором переплавлялись выходцы со всего света: австралийцы, африканцы, европейцы. Занимаясь утром, я предлагал каким-нибудь двум парням: «Эй, как насчет того, чтобы пообедать вместе?» Мы шли на обед, ребята рассказывали мне про себя, я рассказывал им про себя, и мы становились приятелями. Вечером я снова приходил в зал, встречал там уже других ребят, мы отправлялись вместе ужинать и тоже знакомились друг с другом.

Я был поражен тем, с какой легкостью мои новые знакомые приглашают меня к себе домой и как американцы любят что-то праздновать. Я не отмечал свой день рождения ни разу до тех пор, пока не приехал в Америку. Я даже ни разу не видел торт со свечами. Но одна девушка пригласила меня к себе на день рождения, а когда следующим летом наступил мой день рождения, ребята в зале приготовили торт и свечи. Бывало, кто-нибудь говорил: «Мне нужно уходить домой, потому что сестра сегодня первый раз пошла в школу, и мы это отпразднуем». Или: «Сегодня у моих родителей годовщина свадьбы». Я не мог припомнить, чтобы мои собственные родители хоть раз хотя бы *заговорили* о годовщине своей свадьбы.

Когда наступил День благодарения, у меня не было никаких планов, потому что я не понимал традиции этого американского праздника. Но Билл Дрейк пригласил меня к себе домой. Я познакомился с его матерью, приготовившей потрясающий праздничный ужин, и отцом, профессиональным комиком, который смешил всех за столом. В Австрии есть выражение: «Ты такая сладкая, что я готов тебя съесть!» Однако когда я попытался так похвалить

миссис Дрейк, из-за проблем с переводом у меня получилось нечто весьма скабрзное. Все расхохотались.

Еще больше меня поразило, когда девушка, с которой я встречался, на Рождество пригласила меня домой к своим родителям. Я сказал себе: «Господи, я не хочу нарушать семейный праздник!» Однако ко мне не просто отнеслись как к родному сыну; у каждого члена семьи было приготовлено для меня по подарку.

Все это радушие и гостеприимство было очень приятно, однако меня беспокоило то, что я не знал, чем на него ответить. Я никогда не слышал о записках со словами благодарности, а американцы, казалось, непрерывно посылали их друг другу. «Странно, – думал я. – Почему бы просто не сказать спасибо по телефону или при личной встрече?» Именно так мы поступали в Европе. Однако здесь Джо Уайдер приглашал меня с моей девушкой на ужин, а затем она говорила: «Дай мне его адрес, потому что я хочу послать ему записку со словами благодарности».

А я отвечал:

– Да не нужно, мы ведь уже поблагодарили его, когда уходили.

– Нет, нет, нет, меня приучили быть вежливой.

И я понял, что мне нужно как можно быстрее учиться американским правилам хорошего тона. Или, возможно, это были европейские правила, на которые я просто раньше не обращал внимания. Я справился у своих друзей в Европе на тот случай, если я что-то упустил. Нет, все правильно: Америка действительно была другой.

В качестве первого шага я взял за правило встречаться только с американскими девушками. Я не хотел проводить время с теми, кто знал немецкий язык. И я сразу же записался на курсы английского языка в колледже округа Санта-Моника. Я хотел овладеть английским так, чтобы можно было читать газеты и учебники и посещать занятия по другим предметам. Мне не терпелось ускорить этот процесс: научиться думать, читать и писать, как американец. Я не собирался ждать, пока это придет само собой.

Однажды две девушки пригласили меня на выходные в Сан-Франциско, и мы переночевали в парке Золотые ворота. Я сказал себе: «Невероятно, какие в Америке свободные люди. Подумать только! Мы ночуем в парке, и все относятся к нам так дружелюбно». Лишь гораздо позднее я понял, что приехал в Калифорнию в совершенно безумный момент. Был конец шестидесятых: движение хиппи, свободная любовь, все эти немислимые перемены... Война во Вьетнаме была в самом разгаре. Ричарда Никсона должны были избрать президентом. В такие моменты американцам казалось, что весь мир перевернулся вверх тормашками. Однако я понятия не имел, что так было не всегда. «Так вот, значит, какая она, Америка», – думал я.

Я почти не слышал разговоров о Вьетнаме. Но лично мне была по душе мысль поприжать коммунизм, так что если бы спросили мое мнение, я бы высказался в поддержку войны. Я бы сказал: «Долбаные коммунисты, я их презираю!» Я вырос по соседству с Венгрией, и мы всегда жили под угрозой коммунизма. А что, если Советы просто растопчут Австрию, как они растоптали Венгрию в 56-м? А что, если мы попадем под перекрестный огонь атомными бомбами? Опасность была так близко. И мы видели, какое воздействие коммунизм оказал на чехов, поляков, венгров, болгар, югославов, восточных немцев – повсюду вокруг нас был коммунизм. Я помнил, как ездил на выступление культуристов в Западный Берлин. Я заглядывал через Берлинскую стену, через границу, и видел на той стороне убогую, беспросветную жизнь. Казалось, даже погода там другая. Я словно стоял в лучах солнца и смотрел через стену на Восточный Берлин, где шел дождь. Это было ужасно. Ужасно. Поэтому мне было по душе, что Америка в полную силу воюет с коммунизмом.

Мне никогда не казалось странным, что девушки, с которыми я встречался, никогда не пользовались косметикой, не красили губы и ногти. Я считал, что волосы на ногах и под

мышками – это нормально, поскольку в Европе женщины не брили ноги и не пользовались депиляторами. Больше того, я оказался застигнут врасплох, когда как-то утром на следующий год мылся в душе со своей подругой – мы как раз вчера вечером смотрели по моему маленькому черно-белому телевизору первую прогулку американских астронавтов по Луне, – и девушка спросила:

– У тебя есть бритва?

– Зачем тебе бритва?

– Терпеть не могу щетину на ногах.

Я не знал, что означает слово «щетина», и девушка мне объяснила.

– Что? – удивился я. – Ты бреешь ноги?

– Да, брею. Волосы на ногах – это так пошло.

Это выражение я также еще никогда не слышал. Но я дал девушке свою бритву и проследил, как она намылила свои ноги, икры, голени, колени, а затем побрила их так, словно занималась этим вот уже пять тысяч лет. Вечером я сказал ребятам в тренажерном зале: «Сегодня одна телка брилась у меня в душе, твою мать. Вам приходилось видеть подобное?»

Ребята переглянулись, кивнули с серьезным видом и сказали: «Ага». После чего взорвались хохотом. Я попытался объяснить: «О, понимаете, в Европе у всех девушек баварский вид, волосы повсюду». Ребята рассмеялись еще громче.

Постепенно я сложил все в цельную картину. Кое-кто из моих знакомых девушек не брил ноги: это был их протест против устоявшихся правил. Они считали, что рынок косметики безжалостно эксплуатирует женщин, втолковывая им, что делать, поэтому они отвергали его, стараясь оставаться более естественными. Все это было частью эпохи хиппи. Пестрые одежды, кудряшки на голове, пицца, которую они употребляли... И все носили бусы, обилие бус. Девушки приносили ко мне домой благовония, так что вся квартира провоняла насквозь. Это было ужасно, но я считал, что они на правильном пути, в том, что касалось свободы выкурить «косячок» или естественной наготы. Все это было прекрасно. Я сам в каком-то смысле вырос на этом, на распущенных сценах в Талерзее.

Все эти развлечения были замечательными, но моя миссия в Америке была четкой: я шел по пути и не собирался с него сворачивать. Мне нужно было тренироваться как проклятому, соблюдать диету как проклятому, усиленно питаться, и следующей осенью завоевать побольше громких титулов. Уайдер дал мне год, и я понимал, что если выполню все это, то буду в его команде.

Две победы на состязаниях за титул Мистер Вселенная в Лондоне даже близко не сделали меня лучшим культуристом в мире. Конкурирующих титулов было слишком много, и далеко не все лучшие спортсмены соревновались в одном месте. На самом деле все сводилось к тому, чтобы в очной борьбе победить всех тех чемпионов, чьими фотографиями были увешаны стены моей спальни: Редж Парк, Дейв Дрейпер, Фрэнк Зейн, Билл Перл, Ларри Скотт, Чак Сайпс, Серж Нюбре. Они вдохновляли меня, и я говорил себе: «Вот те, через кого мне придется когда-нибудь переступить». Мои победы поставили меня в один ряд с ними, однако я по-прежнему оставался новичком, которому еще многое требовалось доказать.

На самой верхней ступени пьедестала стоял Серхио Олива, двадцатисемилетний кубинский эмигрант, весящий 230 фунтов. К этому времени журналы, посвященные мышцам, называли его просто «Легендой». Свой последний титул Мистер Олимпия он завоевал в Нью-Йорке прошлой осенью *без борьбы*: остальные четверо чемпионов-культуристов, приглашенных на состязания, отказались выходить на сцену.

Прошлое Оливы было еще более бурным, чем мое собственное. Его отец в докастровской Кубе трудился на плантациях сахарного тростника; в беспокойные пятидесятые годы Серхио вслед за отцом пошел служить в армию генерала Фульхенсио Батисты. После того как Фидель Кастро и его повстанцы одержали верх, Серхио сделал себе имя как спортсмен. Он занимался

тяжелой атлетикой и достиг в ней больших высот. В 1962 году его включили в кубинскую команду, которой предстояло выступить на играх стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Олива должен был бы возглавить сборную на Олимпийских играх 1964 года, однако он так сильно ненавидел режим Кастро, что сбежал в Соединенные Штаты вместе со многими товарищами по команде. Также он потрясающе играл в бейсбол. Вот что помогло ему отточить до совершенства талию: десятки тысяч упражнений разворота корпуса для отработки удара битой.

Впервые я встретил Серхио на первенстве за титул Мистер Вселенная в Майами в 1968 году, где он устраивал показательные выступления, сводившие зрителей с ума. Как выразился один из журналов по культуризму: «От его поз лопался бетон». Не было никаких сомнений в том, что до Серхио мне еще очень далеко. Он был действительно крепче и плотнее меня; о такой мышечной массе я пока что не мог и мечтать. У него была редкая для культуристов способность выглядеть потрясающе, даже стоя в расслабленном состоянии. Серхио обладал лучшим силуэтом из всех, какие мне только приходилось видеть: идеальная V-образная форма, сужающаяся от широких плеч к тонкой от природы округлой талии и бедрам. Фирменная «поза победы» Серхио представляла собой движение, на которое могли решиться лишь немногие из культуристов, участвующих в состязаниях. Она заключалась в том, что он просто стоял, держа ноги вместе, и вытягивал руки прямо над головой. Эта поза полностью раскрывала его тело: огромные мощные бедра, разработанные занятиями по тяжелой атлетике, крошечная талия и практически безукоризненные мышцы брюшного пресса, трицепсы и нижние зубчатые мышцы (мышцы по бокам грудной клетки).

Я был полон решимости со временем одержать верх над этим человеком, но мне еще было далеко до того тела, которое требовалось для победы. Я приехал в Америку, похожий на алмаз весом сто карат, при виде которого все восторженно восклицали: «Матерь божья!» Однако алмаз этот был еще очень грубо обработан. Он еще не был готов к тому, чтобы его выставляли напоказ – по крайней мере, по американским стандартам. На создание тела мирового класса обычно требуется по меньшей мере десять лет, а я к этому времени тренировался всего шесть. Но у меня была физическая сила, и обо мне говорили: «Взгляните на размеры этого паренька. Что за черт? На мой взгляд, у него громадный потенциал». Свои победы в Европе я одерживал не только за счет своих физических данных, но также благодаря напористости и порыву. Однако впереди меня еще ждала огромная работа.

Идеалом культуризма является совершенный зрительный образ, что-то вроде ожившей древнегреческой статуи. Спортсмен оттачивает свое тело так, как скульптор режет камень. Скажем, нужно добавить массы и четкости дельтовидной мышце спины. Для этого из общего набора выбираются соответствующие упражнения. Резцом становятся гири, скамья, тренажеры, и процесс формирования может занять целый год.

Это означает, что спортсмен должен обладать способностью беспристрастно смотреть на собственное тело и видеть все его изъяны. На крупных соревнованиях судьи придирчиво изучают любые мелочи: размеры мышц, четкость их прорисовки, пропорциональность и симметрию. Они даже смотрят на вены, указывающие на отсутствие подкожного жира.

Глядя на себя в зеркало, я видел много сильных моментов и много недостатков. Мне удалось заложить фундамент силы и массы. Сочетая тяжелую атлетику, силовое троеборье и культуризм, я разработал очень широкую и плотную спину, близкую к совершенству. Мои бицепсы обладали необычайными размерами, высотой и мышечным тонусом. У меня были отличные грудные мышцы и лучшие боковые мышцы груди из всех, какие я только видел. Телосложение у меня было идеальным для культуриста: широкие плечи и узкие бедра, что помогло мне достигнуть совершенной V-образной формы, обязательной составляющей успеха.

Вместе с тем у меня были и недостатки. В сравнении с торсом мои конечности были чересчур длинными. Поэтому мне постоянно приходилось разрабатывать руки и ноги, чтобы

пропорции казались правильными. Даже несмотря на массивные бедра окружностью двадцать девять дюймов, ноги мои по-прежнему выглядели слишком тонкими. Икры безнадежно тушевались на фоне бедер, а трицепсы по сравнению с бицепсами были слишком короткими.

Моя задача заключалась в том, чтобы исправить все эти слабые места. Человеческой природе свойственно заниматься тем, что у нас хорошо получается. Если у тебя большие бицепсы, хочется бесконечно сгибать и разгибать руки, поскольку вид напрягающихся мышц приносит необычайное удовлетворение. Однако для успеха необходимо обойтись с самим собой жестоко и сосредоточиться на изъянах. Вот когда в дело вступают глаза, а также способность объективно оценивать себя и выслушивать мнение других. Те из культуристов, кто слеп к собственным недостаткам и глух к мнению других, как правило, остаются в проигрыше.

Еще большей проблемой является тот биологический факт, что у каждого отдельного человека одни части тела развиваются охотнее других. Поэтому человек начинает заниматься, а через пару лет удивленно говорит себе: «Вот это да, как любопытно, почему нижняя часть рук у меня не такая накачанная, как предплечья», или: «Интересно, почему мои икры упрямо отказываются расти». В частности, моим проклятием были именно икры. Я начинал работать с ними по десять упражнений три раза в неделю, точно так же, как и с остальными частями тела, однако они откликались на занятия крайне неохотно. Остальные группы мышц ушли далеко вперед.

Тут мне помог своим примером Редж Парк. У него самого были идеальные икры окружностью двадцать один дюйм, настолько совершенно разработанные, что они казались перевернутыми сердечками с открыток в честь дня Святого Валентина, упрятыми под кожу. Тренируясь с Реджем в Южной Африке, я видел, что он делает для этого. Редж занимался икрами ежедневно, а не просто трижды в неделю, и с умопомрачительной нагрузкой. Я гордился тем, что поднимал икры с нагрузкой триста фунтов, но у Реджа был тренажер с тросом, позволявший ему нагружать икры целой тысячей фунтов. И я сказал себе: «Вот что я должен делать. Мне нужно подойти к своим икрам принципиально иначе и просто не оставить им шанс не расти». Приехав в Калифорнию, я умышленно обрезал все спортивные штаны по колено. Пусть мои сильные места будут прикрыты: бицепсы, грудь, спина, бедра, – но я позаботился о том, чтобы мои икры постоянно оставались у всех на виду. Я был беспощаден к себе и выполнял каждый божий день по пятнадцать, а то и по двадцать циклов упражнений для икр.

Я понимал, что нужно систематически сосредоточивать внимание на всех группах мышц. В целом, у меня были более развиты те мышцы, которые работали на сгибание (бицепсы, латеральные мышцы, мышцы спины), в отличие от тех, которые работали на распрямление (передние дельтовидные мышцы и трицепсы). Это было обусловлено наследственностью, из чего следовало, что мне приходилось работать с этими мышцами более напряженно, с большей нагрузкой. Я накачал себе мощную спину, но теперь пришла пора подумать о том, чтобы обеспечить четкое разделение между латеральными мышцами, мышцами груди и нижними зубчатыми мышцами. Я должен был выполнять упражнения для развития этих мышц, а это означало многократные подтягивания со сдвинутыми руками. Мне нужно было чуть опустить латеральные мышцы, для чего я должен был больше поднимать гирю одной рукой. Я должен был развить задние дельтовидные мышцы, а это означало продольные подъемы: для этого нужно встать с гирями в руках и разводить их в стороны.

У меня был целый список мышц, которым следовало уделить особое внимание: задние дельтовидные мышцы и нижние спинные мышцы, межреберные мышцы, мышцы брюшного пресса и икроножные мышцы, и еще многое и многое! Все это нужно было нарастить, отточить и разделить, и еще привести в нужные пропорции друг с другом. Каждое утро я завтракал с двумя-тремя приятелями, как правило, в кафе Зуки на углу Пятой улицы и бульвара Уилшир. Там предлагали тунца, там предлагали яйца, там предлагали лосося – все то, что мне нравилось. Или мы отправлялись в одно из небольших семейных заведений вроде «У Дэнни».

Затем, если только у меня не было занятий по английскому языку, я направлялся напрямую в клуб Голда и приступал к тренировкам. Потом мы иногда шли на пляж, где снова следовали занятия с гириями на открытом воздухе, а также купание, бег и лежание на песке под солнцем для идеального загара. Или же я отправлялся в контору Джо Уайдера и работал вместе с теми, кто с моих слов сочинял материалы для журналов.

Я всегда разделял свой день на две тренировки. По утрам в понедельник, среду и пятницу я концентрировался на, скажем, груди и спине. По вечерам снова приходил в тренажерный зал и разрабатывал бедра и икры, а также отработывал позы и выполнял другие упражнения. По вторникам, четвергам и субботам это были плечи, предплечья и руки. Разумеется, икры и брюшной пресс – каждый день, за исключением воскресенья. Воскресенье было днем отдыха.

Обедать или ужинать мы частенько отправлялись в один из местных ресторанов, где предлагался «шведский стол». Выросший в Европе, я до приезда в Америку даже не слышал о таком понятии, как «шведский стол». Я не мог представить себе ресторан, где можно есть все, что только пожелаешь. Культуристы обычно начинали с пяти, шести или даже семи яиц, после чего переходили к следующей стойке и расправлялись с помидорами и другими овощами. Затем мы брали мясо, а потом рыбу. В те дни журналы по культуризму постоянно предупреждали о том, что нужно обязательно потреблять аминокислоты, что следует соблюдать осторожность, потому что в некоторых продуктах аминокислоты не являются полными. «Так, – говорили мы, – давайте не будем даже заморачиваться. Будем просто есть белки. У нас есть яйца, рыба, говядина, индейка, сыр – так съедим же все это!» Можно было предположить, что владельцы таких ресторанов будут по крайней мере брать с нас больше. Однако к нам относились в точности так же, как и ко всем остальным посетителям. Казалось, сам господь бог сотворил «шведский стол» для культуристов.

Первые месяцы моего пребывания в Лос-Анджелесе все шло так замечательно, что трудно было в это поверить. Автомобильная авария, виновником которой я стал, на удивление завершилась для меня без каких-либо последствий, если не считать пореза на бедре. Борец с крокодилами, которому принадлежал разбитый «Понтиак», даже не моргнул глазом, увидев, что осталось от его машины. Он работал в фирме, которая занималась обменом старых машин на новые, и имел возможность выбрать себе подержанную машину. Единственными его словами было: «Не бери в голову». Больше того, он даже устроил меня на работу. Его фирма занималась экспортом подержанных машин, и всю осень я зарабатывал деньги на карманные расходы, перегоняя машины в Лонг-Бич, где их загружали на грузовые суда, перевозившие их в Австралию.

Из нескольких страховых компаний звонили в тренажерный зал, чтобы обсудить стоимость ремонта других машин, однако поскольку разговор получался слишком сложным для меня, я передавал трубку кому-нибудь из тех, с кем занимался. Тот человек объяснял, что я только недавно приехал в Америку и у меня нет денег, и страховые компании в конце концов оставили меня в покое. Единственным последствием этого происшествия стало то, что я поспешил обзавестись медицинской страховкой. Разумеется, в Европе каждый человек находится под защитой медицинского страхования: студенты попадают в одну категорию, расходы на лечение ребенка покрываются из страховки родителей, страховую премию за работающего человека платит работодатель, и даже у бездомных есть страховка. Я в ужасе твердил себе: «Если я заболею, что мне делать?» Я понятия не имел, что можно обратиться в службу неотложной помощи и получить бесплатное медицинское обслуживание. Но даже если бы я это знал, подачки мне были не нужны. Хотя мне потребовалось на это полгода, я вернул Биллу Дрейку деньги, которые он заплатил за мое лечение после аварии.

Как оказалось, Ларри Скотт, бывший обладатель титула Мистер Олимпия, который ушел из профессионального культуризма, но по-прежнему занимался каждый день, теперь работал управляющим регионального отдела крупной страховой компании.

– Я слышал, тебе нужна страховка, – сказал он. – Я тебе помогу.

Он принес полис, который обходился мне в 23 доллара 60 центов в месяц, плюс еще 5 долларов на случай потери трудоспособности, что для меня было дорого, поскольку я получал от Уайдера всего 65 долларов в неделю. Но я все равно купил этот полис, благодаря чему стал, вероятно, одним из немногих иммигрантов в Лос-Анджелесе, у кого была медицинская страховка.

В 1969 году где-то под День благодарения я получил приглашение в декабре принять участие в соревнованиях и показательных выступлениях культуристов на Гавайских островах. Борец с крокодилами собирался на праздники съездить домой, и он сказал: «Я люблю Гавайи. А что, если мне отправиться туда вместе с тобой, мы там потусуемся несколько дней, потренируемся, а затем я полечу дальше в Австралию?» Его предложение мне понравилось. Помимо очевидной привлекательности в лице пляжей и девушек, Гавайские острова предоставляли возможность познакомиться с доктором Ричардом Ю, врачом олимпийской сборной Соединенных Штатов, работавшим там, и навестить таких легенд тяжелой атлетики, как Томми Коно, Тимоти Леон и Гарольд Саката по прозвищу Оджоб (с которым я уже был знаком по Мюнхену). Поэтому мы обратились к Джо Уайдеру и спросили, знаком ли он с организаторами этих состязаний и как он относится к тому, чтобы я принял в них участие. Джо поддержал меня обеими руками. Он сказал, что опыт мне пригодится, и подготовка к состязаниям заставит меня заниматься еще более упорно.

Глава 6

Ленивые бездельники

Джо Уайдер называл истовых культуристов «ленивыми бездельниками». Насколько я могу судить, в этой оценке он был по большей части прав. Основную массу клиентов клуба Голда составляли те, кто имел постоянную работу: строительные рабочие, полицейские, профессиональные спортсмены, бизнесмены, продавцы, а со временем к ним присоединились и киноактеры. Однако культуристы за редким исключением *действительно* были бездельниками. У многих из них не было постоянной работы. Им хотелось, чтобы они валялись на пляже, а при этом кто-нибудь их спонсировал. Поэтому то и дело можно было услышать что-нибудь вроде: «Эй, Джо, ты не купишь мне билет на самолет до Нью-Йорка и обратно, чтобы я смотался туда на соревнования?», «Эй, Джо, ты не мог бы назначить мне жалованье, чтобы я имел возможность тренироваться в клубе?», «Эй, Джо, а можно мне брать пищевые добавки бесплатно?» или «Эй, Джо, а ты не достанешь для меня машину?» Не получив подаяния, на которое они рассчитывали, культуристы обижались. «Будь с Джо поосторожнее, – говорили они мне. – Сукин сын не держит свое слово». Однако я видел все совершенно в ином свете. Действительно, Джо расставался с деньгами неохотно. Он родился и вырос в бедной семье, и ему приходилось буквально драться за каждый пятак. Но я не видел никаких причин, почему он должен раздавать деньги направо и налево всем, кто только попросит.

Джо мастерски владел искусством воздействовать на чувства молодых и не уверенных в себе особой мужского пола. Когда я в возрасте пятнадцати лет только начинал листать его журналы, я гадал, как мне стать сильным, чтобы я мог постоять за себя. Как мне обеспечить успех у девушек? Как мне добиться успеха в жизни? Джо втянул меня в мир, где я сразу же ощутил себя особенным. Все произошло так, как в старом высказывании Чарльза Атласа: «Следуй моим курсом, и никто не будет швырять песок тебе в лицо». Совсем скоро ты станешь великим, у тебя не будет отбоя от девочек, ты будешь гулять по Венис-Бич!

В своих журналах Джо давал всем культуристам прозвища, превращая их в супергероев. Дейв Дрейпер, занимавшийся в клубе Голда, был «Светловолосым бомбардировщиком». Я видел его в фильме 1967 года с участием Тони Кертиса «Не поднимайте волны». Это только еще больше распалило мое воображение: вот еще один культурист, попавший в кино! Журналы Уайдера опубликовали фотографию Дейва, идущего по берегу с доской для серфинга. Смотрелось здорово. На заднем плане стоял «Фольксваген» для пустынных сафари, с открытыми колесами, который также смотрелся здорово. Вокруг Дейва толпились красивые девушки, которые таранились на него в благоговейном почтении.

На других снимках были ученые и фармацевты в белых халатах, разрабатывающие новые питательные добавки в исследовательской клинике Уайдера. «Исследовательская клиника Уайдера! – говорил я себе. – Уму непостижимо!» И еще были фотографии самолетов с надписью «Уайдер» на борту, нанесенной большими буквами. Я представлял себе корпорацию размерами с «Дженерал моторс», располагавшую целым флотом воздушных лайнеров, которые развозили по всему земному шару пищевые добавки и снаряжение Уайдера. И статьи, которые переводили мне мои друзья, тоже звучали потрясающе. В них рассказывалось про «взрывные мускулы», «дельтовидные мышцы размером с пушечные ядра» и «грудь, похожую на крепостную стену».

И вот, шесть лет спустя, я был на пляже Венис-Бич! Совсем как Дейв Дрейпер, но теперь это я фотографировался на фоне джипа для пустынного сафари, с доской для серфинга и в окружении длинноногих красавиц. Разумеется, к этому времени я уже понял, что Уайдер создал целый фантастический мир с реальным фундаментом и воздушными небоскребами. Да,

доски для серфинга были, однако культуристы серфингом не занимались. Да, девушки были, но это были фотомодели, получавшие деньги за съемки. (На самом деле одной из них была Бетти, жена Джо, красивая модель, которой он мог не платить.) Да, были пищевые добавки Уайдера, и исследования действительно проводились, однако в Лос-Анджелесе не было огромного здания под названием «Исследовательская клиника Уайдера». Да, продукция Джо развозилась по всему миру, однако самолетов Уайдера не было. И все же меня несколько не смутило то, что небоскребы оказались воздушными. Правды также было достаточно.

Оказавшись в гуще всего этого, я с нетерпением ждал, что же будет дальше. «Мне нужно себя ущипнуть», – думал я. Я говорил друзьям, что самым страшным кошмаром будет, если вдруг я почувствую, как кто-то трясет меня за плечо, и услышу голос матери: «Арнольд, ты проспал! Вставай скорее! Ты на два часа опаздываешь на работу! Поторопись! Тебе нужно на завод!», а я отвечаю: «Не-е-ет! Ну зачем ты меня разбудила? Мне снился такой невероятный сон! Я хочу узнать, чем все закончится».

Сам Джо в общении был непростым человеком. Вместе со своим младшим братом Беном они начинали в годы Великой депрессии, выбираясь из трущоб и строя свое дело на пустом месте. Журналы, оборудование и пищевые добавки Уайдера были крупнейшим в мире предприятием в области культуризма, приносившим около 20 миллионов долларов в год, что сделало Джо и Бена известными в этой области спорта, продолжавшей испытывать финансовый голод. Помимо них, за счет культуризма жили лишь немногие импресарио и владельцы тренажерных залов; такое нельзя было сказать ни об одном из спортсменов, и я, насколько мне известно, был единственным, кому платили только за то, что он тренировался.

Джо и Бен постоянно стремились расширить свой бизнес и не имели ничего против того, чтобы вторгаться в чужие владения. В 1946 году они создали свою собственную ассоциацию, Международную федерацию культуризма, бросив вызов как Американскому атлетическому союзу, который контролировал тяжелую атлетику и культуризм в Северной Америке, так и Национальной ассоциации культуристов-любителей, заправлявшей культуризмом в Великобритании. Братья развязали междоусобную войну, продвигая свои собственные варианты соревнований за титулы Мистер Америка, принадлежавший ААС, и Мистер Вселенная, принадлежавший НАКЛ. Как и в профессиональном боксе, многообразие титулов порождало путаницу, однако это только способствовало пропаганде культуризма.

Джо был также первым, кто назначил денежную награду за победу в состязаниях по культуризму. Когда он учредил в 1965 году титул Мистер Олимпия, наградой были чек на тысячу долларов и серебряное блюдо с гравировкой. Во всех остальных первенствах, таких как Мистер Вселенная, победитель получал лишь приз. К тому же, на своих состязаниях Джо предлагал лучшие условия для участников. Он оплачивал размещение в гостинице и авиаперелет. Однако обратный билет он отдавал только после того, как спортсмен позировал на фотосессиях. На самом деле Джо предпочел бы фотографировать культуристов до начала состязаний, однако большинство спортсменов отказывались, и мы с Франко Колумбу были единственными, кто согласился. Нам нравилось фотографироваться, потому что это заставляло нас поддерживать хорошую форму и давало возможность отработать позы.

Учреждение состязаний за титул Мистер Олимпия явилось гениальным рекламным ходом. Заявленной целью этих состязаний было выявить «победителя среди победителей». Спортсмены участвовали в них только по специальным приглашениям, которые рассылались исключительно действующему и бывшим обладателям титула Мистер Вселенная. Таким образом, Джо стриг купоны с обилия титулов, учрежденных им же самим! Неудивительно, что многие были не в восторге от деловой хватки братьев Уайдеров. Как раз в то время те вели громкую кампанию, стремясь заставить Международный олимпийский комитет признать культуризм как международный вид спорта.

Однако мне кипучая деятельность Джо была по душе. У него были журналы. У него была федерация. У него были знания, он прилагал все силы к тому, чтобы превратить культуризм в нечто действительно большое. Джо мог предложить мне многое из того, в чем я нуждался, и ему казалось, что и я могу предложить ему кое-что из того, в чем нуждался он.

К тому же, я не был ленивым бездельником. Приехав в Калифорнию, я первым делом сказал Джо: «Я не хочу болтаться без дела. Я не собираюсь получать ваши деньги ни за что. Дайте мне какое-нибудь занятие, чтобы я смог учиться». У Джо был розничный магазин в Санта-Монике на Пятой улице, где продавались пищевые добавки и снаряжение для тяжелой атлетики. Поэтому я спросил, можно ли мне там поработать. «Я хочу помогать покупателям, – объяснил я. – Мне будет очень кстати ознакомиться с делом поближе и отточить свой разговорный английский, к тому же я люблю общаться с людьми».

Мое предложение пришлось Джо по сердцу. «Вот видишь, Арнольд, – сказал он, и я до сих пор явственно слышу его голос с канадским акцентом, – ты хочешь работать, ты хочешь построить свое тело, ты настоящая машина, ты невероятный человек. *Ты совсем не такой, как эти ленивые бездельники!*»

Мне нравился подход Джо к делу. Он уже соткал обо мне целый миф: я был немецкой машиной, совершенно надежной и безотказной, которая всегда работает и никогда не ломается. И Джо собирался применить свои знания и силы, чтобы, подобно Франкенштейну, оживить эту машину. Все это казалось мне очень смешным. Я не возражал против того, чтобы Джо Уайдер считал меня своим творением, так как понимал, что в этом случае он будет меня по-настоящему любить. А это только способствовало достижению моей цели: стать чемпионом мира, и чем лучше относился ко мне Джо, тем более щедрым он становился.

С самого начала у меня было такое ощущение, что он смотрит на меня как на своего сына, которого у него никогда не было. Мой отец научил меня быть дисциплинированным, твердым и храбрым, но он не мог научить меня, как добиться успеха в бизнесе. Я всегда искал наставников, которые смогли бы продолжить мое обучение с той точки, где остановился отец. И тут Джо занял место отца, поддерживая меня во всех моих начинаниях.

Руководство компании все еще оставалось на востоке в Юнион-Сити, штат Нью-Джерси, однако Уайдеры уже возводили новое здание в долине Сан-Фернандо. Джо навещался туда каждые две-три недели, проверяя, как продвигаются работы. Он брал меня с собой на совещания и вообще позволял находиться при нем, чтобы набираться опыта ведения дел. Что касается издательского бизнеса, Джо постоянно искал типографии, которые за меньшие деньги обеспечили бы лучшее качество журнала, и меня он также привлекал к обсуждению этих вопросов. Вместе с ним я отправлялся в Нью-Йорк и сидел на совещаниях. Когда я уже довольно сносно овладел английским, Джо взял меня с собой в деловую поездку в Японию, чтобы показать, как он ведет переговоры в других странах и какое огромное значение имеет вопрос сбыта, – причем не только в отношении журналов, но и для успеха любого предприятия.

Джо делал упор на глобальном расширении бизнеса в противовес тому, чтобы оставаться в рамках какой-либо одной страны. Он понимал, что именно за таким подходом будущее. При этом он параллельно решал самый широкий круг задач. Так, например, в Японии мы также встретились с руководством Национальной федерации культуризма, и Джо дал ценные советы насчет того, как усовершенствовать внутреннее первенство. Долгие перелеты вместе с Джо были для меня очень плодотворными: он говорил о делах, об искусстве, антиквариате, спорте. Джо изучал мировую историю и еврейскую культуру. И еще он увлекался психологией. Наверное, из него получился бы отличный психолог.

Я был на седьмом небе, поскольку я всегда чувствовал, что мое будущее связано с бизнесом. Чем бы я ни занимался, где-то в подсознании у меня всегда теплился вопрос: «Для этого ли я создан? Какие здесь у меня перспективы?» Я знал, что мне уготовлено нечто особенное, но что именно? Конечной целью для меня было добиться успеха в бизнесе. И вот этот

преуспевающий лидер брал меня с собой в деловые поездки, и я учился именно тому, что было мне нужно. Быть может, со временем я буду продвигать на рынок пищевые добавки, домашние тренажеры и спортивное снаряжение, стану владельцем сети тренажерных залов, возглавлю деловую империю, – стану тем же, чем стал Редж Парк, но только в глобальных масштабах. Вот это будет здорово! Я понимал, что смотрю на предпринимательскую деятельность не так, как другие культуристы. Если бы Уайдер предложил сопровождать его в Японию кому-нибудь из этих ребят, тот бы ответил: «Нет, Япония – это слишком скучно. Разве у них там есть хорошие тренажерные залы? Я лучше останусь заниматься здесь» – или что-нибудь в таком же духе. Так что, возможно, судьба действительно уготовила мне стать следующим поколением Уайдеров. Определенно, Джо получал наслаждение, обучая меня всем тонкостям своего ремесла. Он говорил: «А у тебя есть хватка!»

Но я учился у него не только бизнесу. Джо коллекционировал старинную мебель и произведения искусства, и он заразил меня своим увлечением. Бывая у него в квартире в Нью-Йорке, я подолгу разглядывал антиквариат и мебель. Джо рассказывал про аукционы, добавляя: «Вот эту вещь я приобрел за столько-то. Сейчас она стоит столько-то».

Вот когда я впервые понял, что старинная мебель только растет в цене. До тех пор я смотрел на нее лишь как на ненужный хлам, подобный тому, что было у нас дома в Австрии. Но теперь Джо объяснял: «Взгляни вот на это кресло периода французского ампира. Оно сделано из красного дерева. Видишь лебедей, вырезанных на подлокотниках? Они с герба императрицы Жозефины, супруги Наполеона. И еще посмотри вот на этого бронзового сфинкса, инкрустированного в спинку. В ту эпоху французы очень увлекались египетскими мотивами». Джо стал водить меня на аукционы «Сотбис» и «Кристис» в Нью-Йорке.

Наполеоновское кресло было главной гордостью коллекции Джо. Он держал его в комнате для гостей. Когда я впервые остановился у него дома, Джо прочитал мне целую лекцию: «Это кресло очень хрупкое и очень-очень дорогое. Ни в коем случае не садись в него и даже не прикасайся к нему, понятно?» Я старался держаться от кресла подальше, но в первую же ночь, когда я раздевался, перед тем как лечь в постель, моя нога запуталась в штанине, я потерял равновесие и свалился прямо на кресло. Оно сломалось под моим весом – с таким оглушительным треском, будто взорвалось. Я тотчас же поспешил к Джо и сказал: «Вы должны посмотреть. Я сломал ваше кресло».

Джо бросился в комнату. Увидев разбросанные по ковру обломки, он едва не свалился в обморок и начал кричать: «О! Негодяй! Это же баснословно дорогое кресло!» Но затем Джо спохватился и взял себя в руки, так как понял, какими же дешевыми звучат его жалобы. Каким бы ни было кресло, если оно ломается, его всегда можно починить. Оно не гибнет безвозвратно, поскольку только отлетают детали, склеенные между собой. Когда я упал на кресло, оно просто развалилось в местах соединений.

Конечно, я чувствовал себя виноватым, но все же не удержался от замечания: «Не могу поверить. Я ударился коленом, ударился бедром, а вы даже не спросили: «У тебя все в порядке?» и не сказали: «Не бери в голову, меня больше беспокоит ты». Здесь, в Америке, вы мне вместо отца! Неужели вас волнует только это старое кресло?»

Тут Джо стало по-настоящему стыдно. «О, господи, – пробормотал он, – ты прав. Только взгляни сюда. Как халтурно они все склеили!» После чего он обозвал негодяями уже «их», наполеоновских столяров, изготовивших кресло.

После этого приезда в Нью-Йорк я улетел в Чикаго, где посмотрел первенство за титул Мистер Америка, устроенное Американским атлетическим союзом, и целую неделю тренировался вместе с Серхио Оливой. Осенью нам предстояло сойтись друг с другом в противоборстве, однако это никак не сказалось на том гостеприимстве, с каким меня принял Серхио. Они с женой настояли на том, чтобы я ужинал у них дома, и я впервые прикоснулся к культуре чернокожих кубинцев. Серхио говорил и одевался ярко, и его отношения с женой были

не похожи на все то, что мне приходилось видеть до того, с обилием темперамента и криками друг на друга. Однако, несмотря ни на что, Серхио был истинным джентльменом.

Я выполнял секретное разведывательное задание: я считал, что нужно скрытно пробраться в лагерь врага и прочувствовать, как он смотрит на мир! Что в нем такого, что сделало его чемпионом? Что он ест, как живет, чему можно научиться на его тренировках? Как он отработывает позы? Как относится к соревнованиям? Разумеется, вся эта информация не могла мне дать такое же тело, как у Серхио, однако я надеялся увидеть то, что потребуется мне для победы. Удастся ли мне найти какую-нибудь слабость, на которой можно будет сыграть психологически? Я был убежден в том, что в спорте борьба ведется не только на физическом фронте, но и на психологическом.

В первую очередь я обнаружил, что Серхио занимается еще более напряженно, чем даже я. Он работал в сталелитейном цеху и, после целого дня, проведенного у горнила печи, отправлялся в клуб «Дункан», где тренировался несколько часов. Его трудоспособности и выносливости можно было позавидовать. Каждый день Серхио начинал занятия с того, что выполнял десять циклов по двадцать подтягиваний. Но не для того, чтобы натренировать спину. А только чтобы *просто разогреться*. Каждый день. У Серхио было несколько необычных методик, которые я перенял. Пресс на скамье он качал, не сцепляя локти. Это обеспечивало постоянное напряжение грудных мышц, и у Серхио грудь была красивая, полностью проработанная. Также я почерпнул для себя кое-что полезное в том, как Олива оттачивал свои позы.

Однако к тому времени я уже понимал, что далеко не все, что приносило пользу Серхио, должно было принести пользу и мне. Во многом мы были зеркальными противоположностями друг друга. У меня были отличные бицепсы и мышцы спины, однако у Серхио дельтовидные мышцы, трицепсы и мышцы груди были лучше, чем мои. Чтобы одержать над ним верх, я должен был усиленно разрабатывать эти мышцы, выполняя больше циклов упражнений с большей нагрузкой. Вторым преимуществом Серхио был многолетний опыт участия в состязаниях и большой природный потенциал – он был воистину настоящим зверем. Но в первую очередь меня вдохновлял огонь, пылающий у него в сердце. Я дал себе слово сравняться с ним.

Я знал, кто мне в этом поможет. В Калифорнии у меня были партнеры по тренировкам мирового класса, но как только я сошел с самолета, попросил Джо пригласить моего друга Франко. Мне недоставало многих мюнхенских друзей, и, вероятно, они в свою очередь считали странным то, что я бесследно исчез в Калифорнии. И все же в первую очередь мне не хватало Франко, потому что мы с ним сблизилась как братья и он был моим лучшим напарником. В Мюнхене Франко был иностранцем, как и я, и нас обоих сближал менталитет иммигрантов и какой-то голод. Мы могли рассчитывать только на напряженный труд. Я надеялся, что Америка откроет перед Франко те же возможности, какие она открыла передо мной.

Сознавая, что сентиментальные аргументы не произведут на Джо никакого действия, я подошел чисто с практической стороны. «Пригласите Франко, – сказал я, – и все награды в профессиональном культуризме будут у вас в кармане. На многие годы вперед! У вас будет лучший спортсмен в категории высоких тяжеловесов – то есть я, – и лучший спортсмен в категории маленьких легковесов». Я описал, как Франко, увеличивая нагрузку фунт за фунтом, стал самым могучим в силовом троеборье в мире (и действительно, он выжимал штангу весом вчетверо больше веса его собственного тела) и как он перестроил свое тело для культуризма.

Во-вторых, продолжал я, мы с Франко – идеальные партнеры по тренировкам, и если мы будем работать вместе, я стану еще более успешной звездой. А в-третьих, заверил я Джо, Франко – трудяга, который не станет тратить свое пребывание в Калифорнии на праздное ничегонеделанье на пляже. Он поработал пастухом, каменщиком, водителем такси. «Он не ленивый бездельник, – закончил я. – Сами увидите».

Джо тянул время. Всякий раз, когда я заводил разговор о Франко, он делал вид, будто впервые слышит это имя, и мне приходилось заново приводить все аргументы. Но в конце концов в середине 1969 года Джо сломался и сказал, что пригласит Франко и будет выплачивать ему те же самые 65 долларов в неделю, которые платил мне. После чего он сразу же начал хвалиться о том, что привозит из Европы фантастического маленького парня. Вот только у него была неважная память на имена, и он никак не мог запомнить фамилию Франко. «Угадайте, кого мы пригласили сейчас? – объявил он во время одного обеда. – Франсиско Франко!»

При этом присутствовал Арти Зеллер, фотограф, встретивший меня в аэропорту в прошлом году.

– Это же испанский диктатор, – поправил он Джо.

– Нет, я хотел сказать, его фамилия Колумб.

– Вы уверены? – удивился Арти. – Колумб открыл Америку.

– Нет, подождите, его зовут Франко Неро.

– Франко Неро – итальянский актер. Он снимается в вестернах.

– Арнольд! Черт возьми, кого мы пригласили? – наконец спросил Джо.

– Франко *Колумбу*.

– О господи! Ох уж эти итальянцы! Ну почему у них такие причудливые имена? Все они звучат одинаково.

Я приехал за Франко в аэропорт в своем белом «Фольксвагене-Жуке». К этому времени я поставил на него спортивный руль, и выглядел он великолепно. Чтобы отметить прибытие моего друга в Америку, я захватил булочки с марихуаной. Фрэнк Зейн, культурист, одержавший надо мной победу в Майами, с которым мы подружились, выпекал их сам и время от времени угощал меня. «Вот будет смешно, – рассуждал я. – Я встречаю Франко, он проголодался после долгого перелета, поэтому я угощаю его половиной булочки». Давать Франко целую булочку я не собирался, так как не знал, как его организм отреагирует на марихуану.

Поэтому, как только Франко сел в машину, я спросил:

– Есть хочешь?

– Ага, просто умираю от голода.

– Ну, к счастью, у меня есть булочка. Давай разделим ее на двоих.

Первым делом я повез Франко домой к Арти. Жена Арти Жози была родом из Швейцарии, и я подумал, что Франко будет уютнее в обществе тех, кто говорит по-немецки. По приезде домой к Арти Франко первые полчаса катался на ковре в гостиной, захлебываясь от смеха.

– Он всегда такой веселый? – спросил удивленный Арти.

– Наверное, выпил кружку пива или еще чего-нибудь, – сказал я. – Но вообще-то он веселый.

– Господи, да он просто хохма ходячая.

Арти и его жена тоже покатывались от хохота.

Через несколько дней я просил Франко:

– Знаешь, почему ты так смеялся?

И рассказал ему про булочку.

– Я понял, что тут что-то не так, – сказал он. – Ты должен угостить меня еще раз, потому что было так здорово!

Однако оказалось, что у Франко началась сильная реакция на прививку, которую он сделал перед самым отлетом из Мюнхена. Рука у него распухла, его лихорадило, он не мог ничего есть. Так продолжалось в течение двух недель. Каждые несколько часов я готовил ему белковые напитки. В конце концов, испугавшись, что Франко умрет, я вызвал на дом врача. Врач заверил, что тот вскоре поправится.

Я обеспечил Франко такую рекламу, что Джо Уайдеру не терпелось встретиться с ним и воочию увидеть его мускулатуру. Однако болезнь иссушила моего друга со ста семидесяти

фунтов до ста пятидесяти. Поэтому каждый раз, когда ко мне приходил Джо, я прятал Франко в туалете и говорил Джо: «О, Франко, он так занят, снова отправился в клуб Голда тренироваться». Или: «Да, да, он очень хочет с вами познакомиться, и он хочет выглядеть идеально, поэтому он на пляже, загорает».

С самого начала было обговорено, что Франко будет жить вместе со мной. Однако в моей квартире была только одна спальня, поэтому я оставил ее себе, а Франко спал на раскладной кушетке. Комната была такой маленькой, что на стенах даже не было места развесить плакаты. Однако в Мюнхене я жил в кладовке тренажерного зала, так что по сравнению с этим здесь я, можно сказать, упивался роскошью. Франко был того же мнения. У нас были гостиная и спальня, и еще можно было отгородиться занавесками. Пляж находился всего в трех кварталах от дома. В ванной имелись унитаз, раковина и ванна с душем – гораздо лучше того, к чему мы привыкли в Европе. Какой бы маленькой ни была квартира, нам казалось, что лучше нее ничего не бывает.

В Мюнхене я много раз заходил к Франко в гости. Он всегда содержал свою комнату в безукоризненной чистоте. Поэтому я надеялся, что нам вдвоем будет хорошо, и мои ожидания оправдались. У нас дома царил безупречный порядок. Мы регулярно пылесосили квартиру, посуда всегда была вымыта, в мойке не громоздились горы грязных тарелок, кровати были заправлены по-военному. У нас было твердое правило утром убирать квартиру, перед тем как выйти из дома. Чем больше этим занимаешься, тем более автоматическими становятся эти действия и тем меньше усилий это требует. Наша квартира всегда была гораздо чище, чем во всех остальных домах, где я бывал, и неважно, кто там жил, мужчины или женщины. Особенно большими неряхами были женщины. Они устраивали у себя дома самый настоящий свинарник.

Франко готовил, а я мыл посуду: мы с ним так договорились. Он очень быстро нашел поблизости итальянские заведения, где покупал спагетти, картошку и мясо. Что же касается супермаркетов, то от них Франко воротил нос. «Ох уж эти американцы, – ворчал он. – Ходите лучше в маленькие магазинчики, в итальянские магазинчики». Он всегда возвращался домой с сумкой, полной пакетов и банок с продуктами, и при этом говорил: «Вот это можно купить только в итальянском магазине».

Мы жили очень счастливо – до тех пор, пока нас не выставили из квартиры. Однажды хозяин постучал к нам в дверь и объявил, что мы должны немедленно покинуть квартиру, поскольку в ней только одна спальня. В те дни считалось крайне подозрительным, если двое парней жили в квартире с одной спальней. Я попытался объяснить хозяину, что Франко спит в гостиной на кушетке, но тот был неумолим. «Эта квартира предназначена для одного человека». Впрочем, нам в любом случае уже хотелось перебраться в более просторное жилье, так что мы особенно не расстраивались. Мы нашли неподалеку отличную квартиру с двумя спальнями и переехали туда.

В новой квартире было много свободного места на стенах, но украсить их нам было нечем. Определенно, купить картины мы точно не могли себе позволить. Затем как-то раз в Тихуане я увидел один классный черно-белый плакат с ковбоем, держащим в руках два револьвера. Стоил плакат всего пять долларов, поэтому я его купил. Вернувшись домой, я приклеил плакат к стене скотчем. Мне он очень понравился.

Потом к нам заглянул Арти. Увидев плакат, он тотчас же начал презрительно фыркать.

– Фу! – воскликнул он. – Какая гадость!

– В чем дело? – удивился я.

– О, Рейган... я хотел сказать, о господи.

– Плакат замечательный. Я нашел его в Тихуане.

– Ты хоть знаешь, кто это? – спросил Арти.

– Ну, тут же написано: Рональд Рейган.

– Он губернатор штата Калифорния.

– Вот как? – обрадовался я. – Поразительно! Так это же вдвойне здорово. Теперь у меня на стене висит губернатор штата Калифорния.

– Да, раньше он снимался в вестернах, – сказал Арти.

Заполучив в качестве напарника Франко, я смог сосредоточиться на подготовке к состязаниям. Я был полон решимости завоевать титул Мистер Вселенная по версии Международной федерации культуризма, ускользнувший от меня год назад в Майами. Поражение Фрэнку Зейну до сих пор причиняло такую жгучую боль, что я хотел не просто взять верх: мне нужна была такая оглушительная победа, чтобы все начисто забыли о предыдущей неудаче.

Затем я собирался отправиться в Лондон и в третий раз подряд завоевать титул Мистер Вселенная по версии Национальной ассоциации культуристов-любителей. Это дало бы мне в мои двадцать два года четыре титула Мистер Вселенная, завоеванных по обе стороны Атлантики, – больше, чем у кого бы то ни было в этом виде спорта. Я снова получил бы поступательный момент, казалось, утерянный, вернул бы ореол непобедимости, благодаря которому я оставался в центре внимания. И, что гораздо важнее, тем самым я бы громогласно заявил на весь мир, что есть только два чемпиона по культуризму – Серхио Олива и я. Вот в чем заключалась главная моя задача: совершить скачок от одного из шести или восьми лучших к одному из всего двух. Я был обязан это сделать; вот ради чего я приехал в Америку. Если я этого добьюсь, мое положение в мире культуризма упрочится, и дальше я уже буду неудержим. Остановить меня не сможет никто.

Затем следующей большой целью станет победа над Серхио Оливой и завоевание титула Мистер Олимпия. Я не собирался повторять ту же ошибку, которую совершил в Майами, где был уверен в своей безоговорочной победе. Я занимался так напряженно, как только это было в моих силах.

Эксперимент с проведением состязаний за титул Мистер Вселенная в 1968 году в Майами оказался для братьев Уайдеров неудачным, и в следующем году они снова вернулись в Нью-Йорк. Чтобы подогреть интерес, они также устроили расписание так, что состязания за титул Мистер Америка, Мистер Вселенная и Мистер Олимпия проходили в один и тот же день, бок о бок, в Бруклинской академии музыки, крупнейшем зале в Бруклине.

На протяжении всего года меня вместе с другими культуристами без устали хвалили и превозносили в принадлежащих Джо журналах, однако с прошлой осени первенство за титул Мистер Вселенная должно было стать первыми крупными состязаниями, в которых я принимал участие. Мне не терпелось посмотреть, как судьи и поклонники отнесутся к моему новому американизированному телу. Состязания прошли еще более успешно, чем я ожидал. В противостоянии с сильнейшими соперниками я буквально смял их. Тысячи упражнений на тренажерах Джо Голда помогли мне отточить мышцы до такого совершенства, что я больше не боялся ни рослых, ни невысоких противников. К тому же, у меня был калифорнийский загар!

Победа наполнила меня таким восторгом, что я снова начал подумывать об участии в состязаниях за титул Мистер Олимпия. А что, если я недооценил свой прогресс? Если я сейчас одержу победу над Серхио, то стану королем!

Утром в день состязаний Серхио появился в своей фирменной броской одежде: сшитый на заказ клетчатый костюм и жилет, темный галстук, черные лакированные штиблеты, модная шляпа, обилие золотых украшений. Перешучиваясь, мы наблюдали за ходом предварительных состязаний за титул Мистер Америка.

– Эй, монстр, ты в форме? – спросил я.

– Малыш, обещаю, сегодня вечером ты кое-что увидишь, – ответил Серхио. – Ты это увидишь, но ты в это не поверишь. И никто в это не поверит.

Наконец пришло время разминаться за сценой. Серхио славился своей длительной процедурой разминки, во время которой он неизменно оставался в длинном халате, чтобы сопер-

ники не могли увидеть его мышцы. Когда наступил наш черед выходить на сцену, Серхио скинул халат и встал передо мной. Разумеется, он понимал, что я его придирчиво разглядываю. Серхио небрежно поднял плечо, распрямляя самую большую латеральную мышцу из всех, какие я только видел. Она была размером со ската-манту. Затем Серхио проделал то же самое с другим плечом. Его спина была такой огромной, что, казалось, заслоняла весь свет в коридоре. Это был очень верный психологический ход. Я понял, что победы мне не видать.

Мы по очереди принимали позы, сначала я, затем Серхио, и зал каждый раз взрывался криками и топотом ног. Затем судьи, объявив, что не могут принять решение, снова вызвали нас на сцену принимать позы одновременно. Кто-то крикнул: «Поза!», однако целую минуту мы с Серхио стояли не шелохнувшись, словно приглашая друг друга начать первым. Наконец я улыбнулся и принял позу, демонстрируя сразу оба бицепса, одну из моих лучших. Толпа ответила восторженным ревом. Серхио ответил своей фирменной позой победы с двумя руками над головой. И снова толпа словно обезумела, принимаясь скандировать: «Серхио! Серхио!» Я выполнил позу, демонстрируя грудь, на что Серхио начал отвечать тем же, но передумал и перешел на «самую мускулистую» позу. Опять крики «Серхио!» Я выполнил свою лучшую фирменную позу – спина в три четверти – однако и этого оказалось недостаточно, чтобы склонить чашу весов. Серхио по-прежнему оставался на голову выше меня.

Я просто продолжал улыбаться и принимать позы. Я уже выполнил то, ради чего сюда приехал, и выступил гораздо лучше, чем год назад. Я растоптал всех соперников, кроме Серхио. Я мог бы сказать себе: «Арнольд, ты поработал великолепно, и дни Серхио сочтены». Однако пока что чемпионом, несомненно, оставался он, и когда судьи объявили его победителем, я прямо на сцене крепко обнял его. Я считал, что сейчас Серхио победил заслуженно. Но я был гораздо моложе его; совсем скоро я стану лучшим, и тогда уже настанет мой черед купаться в лучах славы. Ну, а пока что это право принадлежало Серхио. Он был лучше меня.

Осенью Джо Уайдер открыл передо мной двери во вторую фазу моей американской мечты: кино. Прознав о том, что какой-то продюсер ищет культуриста на главную роль в своем фильме, он порекомендовал меня.

То, что произошло со съемками «Геркулеса в Нью-Йорке», можно было назвать голливудской мечтой. Не успел человек сойти с корабля на берег, как к нему подбегает кто-то и кричит: «Вот то, что нам нужно! Это тот самый типаж!»

Кстати, первоначально роль предложили бывшему обладателю титула Мистер Америка Деннису Тинерино, которого я огорчил в 1967 году, завоевав свой первый титул Мистер Вселенная. Формально Деннис был чемпион: он вернул себе звание, завоевав в 1968 году титул Мистер Вселенная среди любителей. Однако Джо не хотел, чтобы роль досталась ему, поскольку Деннис в основном сотрудничал с другими федерациями. Поэтому он позвонил продюсерам и сказал, что в Вене я был шекспировским актером, поэтому они должны прогнать Денниса и пригласить меня. «Я знаю, что Тинерино завоевал титул Мистер Вселенная, но Шварценеггер завоевывал этот титул трижды, – сказал Джо. – Вы получите лучшего культуриста в мире. Шварценеггер – это именно тот, кто вам нужен. Он просто великолепен. Его позирование на сцене не имеет себе равных».

В Австрии нет такого понятия, как «шекспировский актер». Оно просто не существует. Не знаю, что, черт побери, имел в виду Джо. Он сказал продюсерам, что представляет мои интересы, и не позволил им общаться напрямую со мной. Его тревожило то, что я недостаточно хорошо владею английским, поэтому когда продюсеры захотели встретиться со мной, он ответил: «Нет, Арнольд еще не приехал. Он будет в ближайшее время». Все это выводило меня из себя. Наконец мы отправились на встречу с продюсерами, и Джо приказал мне молчать. Не успел я опомниться, как контракт был подписан. Я получил роль. Джо умел продавать свой товар.

После состязаний за титул Мистер Олимпия мы с Франко отправились в Лондон, где я снова одержал верх в состязаниях за титул Мистер Вселенная по версии НАКЛ, став первым культуристом, завоевавшим четыре короны Мистер Вселенная. Затем я вернулся в Нью-Йорк, чтобы стать новым Геркулесом.

«Геркулес в Нью-Йорке» был малобюджетной пародией на пышные псевдоисторические эпосы. По сюжету Геркулесу надоедает жить на горе Олимп, и он, вопреки запрету своего отца Зевса, на шальной молнии отправляется в современный Нью-Йорк. Там Геркулес знакомится с неким Претци, незадачливым парнем, торгующим свежими булочками в Центральном парке. Претци старается изо всех сил помочь Геркулесу освоиться в незнакомом мире, когда тот связывается с гангстерами, борется с гризли, разезжает на своей колеснице по Таймс-сквер, спускается в ад, ломает голову, как купить обед в торговом автомате, и знакомится с хорошенькой дочерью профессора мифологии. Но когда Геркулес уже начинает привыкать к жизни в Нью-Йорке, Зевс, потеряв терпение, присылает за ним других богов и возвращает его на Олимп.

Задумка была неплохая – поместить Геркулеса в современный Нью-Йорк, и фильм получился очень смешным, в первую очередь благодаря Арнольду Стэнгу, актеру комедийного плана, исполнившему роль Претци. Он был такой маленький, а я был такой большой. Должен признать, на съемочной площадке я постоянно испытывал трепет. Я полагал, что попаду в кино, когда мне будет уже лет тридцать. Но вот я в двадцать два года уже был в Америке и снимался в главной роли в фильме. Много ли людей могли похвастаться тем, что их заветная мечта осуществилась сполна? «Ты должен быть на седьмом небе от счастья!» – повторял я себе.

Однако в то же время я думал: «Но я еще не готов. Я даже не обучился актерскому мастерству!»

Если бы у меня был опыт, все прошло бы гораздо лучше. Продюсеры пригласили репетитора по сценическому искусству и репетитора по диалогам, однако двух недель занятий с ними не хватило, чтобы исправить мой ужасный английский и обучить меня актерскому мастерству. Я не дотягивал до необходимого уровня. Я понятия не имел, из каких компонентов состоит исполнительское искусство. Я даже не понимал многие реплики в сценарии.

Роль Зевса исполнял ветеран телевизионных мыльных опер Эрнст Грейвз. Помню, как я однажды прыснул прямо во время съемок сцены, в которой он произносит громогласным голосом настоящего бога гневную речь, поскольку этот голос был так не похож на голос актера, с которым я разговаривал в гримерной. Грейвз полностью вжился в образ, а мне это показалось смешным. Но, разумеется, на съемках смеяться нельзя. Наоборот, нужно помогать другим актерам, внимательно слушать их реплики. Вот в чем заключается взаимная поддержка. Даже когда ты не в кадре и камера у тебя за плечом, нужно оставаться в образе, играть свою роль, всеми силами помогая актеру, которого снимают. Это очень важно, однако в то время я об этом даже не подозревал. Если мне что-то казалось смешным, я просто смеялся.

В предпоследний день я наконец почувствовал, что такое актерское мастерство. Мы снимали трогательную сцену прощания Геркулеса и Претци. И я полностью вжился в образ, как об этом всегда говорят. После этой сцены режиссер подошел ко мне и сказал:

– Когда я смотрел на тебя, у меня мурашки по спине бегали.

– Да, странно, – согласился я, – но я действительно прочувствовал эту сцену.

– Из тебя получится хороший актер. Думаю, тебя ждет большое будущее в кино, потому что по мере того, как мы снимали этот фильм, ты все лучше понимал, как это делается.

Один из продюсеров предложил назвать меня в титрах Арнольдом Стронгом⁵, – он сказал, что никто не сможет выговорить фамилию Шварценеггер, она очень нелепая, к тому же, если на плакатах поставить рядом Арнольда Стронга и Арнольда Стэнга, это будет смешно. При редактировании фильма на мой голос наложили голос другого актера, поскольку я гово-

⁵ Strong – сильный (англ.).

рил по-английски с таким сильным акцентом, что меня никто не понимал. Возможно, лучшим было то, что в течение многих лет «Геркулес в Нью-Йорке» не демонстрировался в Соединенных Штатах: съемочная компания обанкротилась, и фильм отправился на полку, так и не успев выйти на экран.

И все же съемки в роли Геркулеса превзошли мои самые смелые мечты. И мне платили по тысяче долларов в неделю. Что самое главное, я отправил фотографии домой родителям и написал: «Видите? Говорил я вам, что у меня все получится. Я приехал в Америку, завоевал титул Мистер Вселенная, и вот я снимаюсь в кино!»

В Калифорнию я возвращался бесконечно счастливым. Джо Уайдер обещал, что я проведу в Америке год, и этот срок подходил к концу. Но не было никаких сомнений в том, что он хотел, чтобы я остался. По мере того как ко мне приходил успех, Джо продолжал искать все новые способы использовать меня в статьях и рекламе своих журналов. Он предложил мне взять магнитофон и брать интервью у других культуристов. Мне не нужно было ничего сочинять – просто записать ленту, а там уже авторы превратили бы все в серию материалов, раскрывающих читателю всю кухню культуризма. Я должен был лишь беседовать с другими спортсменами о методах их тренировок, об их диете, о том, какие витамины и пищевые добавки они принимают, и тому подобном. Ребята приходили к нам в гости, Франко угощал их великолепными блюдами итальянской кухни – разумеется, оплачивал все это Джо, как и галлоны вина, которое мы выпивали за беседой. Когда все расслаблялись, я приносил магнитофон. Однако почему-то разговор заходил не о тренировках и питании. Первым делом я спрашивал: «Мы хотим знать все о ваших девочках. А друзья-мальчики у вас есть? Чем вы занимаетесь с ними в постели?»

Когда мы на следующий день прокручивали записи Джо, у него глаза лезли на лоб. «Черт бы вас побрал! Черт бы вас побрал! – взрывался он. – Идиоты! Шуты! Здесь для меня нет ничего полезного!» Мы с Франко хохотали как сумасшедшие, но затем я обещал взять интервью еще раз.

Я начал беседовать с культуристами. У большинства из них не было ни новых подходов, ни новых методов тренировок. Но я заметил, что авторы Джо Уайдера могут сделать стоящий материал из чего угодно. Так что после первых нескольких раз я стал заканчивать интервью, как только мне становилось скучно, и записи, которые я передавал Джо, получались все короче и короче. Джо недовольно ворчал, однако эти интервью были ему нужны, а я невинно разводил руками: «Что я могу поделаться, если у этих ребят нет ни одной свежей мысли?» Последние два интервью получились продолжительностью пять и восемь минут, и Джо в конце концов сдался. «Проклятие! – пробормотал он. – Только верни магнитофон».

Глава 7

Эксперты по мрамору и камню

Тех денег, что платил мне Джо Уайдер, никогда не хватало. Я постоянно искал способы подработать. Как только я достаточно прилично овладел английским, я смог объяснить свои методы занятий. Я стал проводить семинары в клубе Голда и других клубах. Каждый такой семинар приносил мне пятьсот долларов.

Я также открыл службу заказов по почте. Все началось с писем поклонников, которые я получал. Люди хотели знать, как я разрабатываю руки, грудь. И они спрашивали, как им самим нарастить свои мышцы. Отвечать на все письма я не мог, так что вначале попросил авторов из журналов Джо помочь мне составить стандартный ответ. Это навело меня на мысль продавать серию брошюр.

В Америке, в отличие от Европы, перед тем, кто хочет открыть свой бизнес, не стоит миллион преград. Мне достаточно было просто сходить в мэрию и заплатить 3 доллара 75 центов за лицензию, а также арендовать почтовый ящик для приема заказов. Далее последовали визиты в регистрационное бюро штата Калифорния и в налоговую службу. Там меня спросили: «Сколько вы предположительно будете зарабатывать?»

– Надеюсь, тысячу долларов в месяц.

– Значит, вам нужно будет сделать первую фиксированную выплату в размере двести долларов.

Не было никаких придирчивых расспросов. Сотрудники налоговой службы встретили меня любезно, доброжелательно, отзывчиво. Когда мы с Франко основали фирму, выполняющую работы по кладке кирпича, все произошло в точности так же. Мы вышли из налоговой службы, качая головами, и Франко заметил: «Вот почему Америку называют страной открытых возможностей». Мы были счастливы.

По своей сути, мои брошюры были написаны на основе тех материалов, которые я готовил для Джо. Авторы и фотографы помогли «нарастить мясо», добавить более подробный текст и фотографии. Мы составили одну брошюру для разработки рук, одну – для груди, одну – для спины, одну – для икр и бедер; а еще – как добиться более симметричных пропорций тела, как набрать мышечную массу, как принимать позы и так далее, – всего десять различных курсов. Можно было заказать любую отдельную брошюру за один или два доллара или купить весь комплект за пятнадцать или двадцать долларов. Поклонники также спрашивали мои фотографии, и я заказал альбом со своими любимыми снимками. Разумеется, Джо Уайдер знал толк в заказах по почте, однако в своих культуристах он не видел конкурентов. Я уговорил его предоставить мне бесплатно рекламное место в своих журналах. «Конечно, вы могли бы платить мне за использование моих фотографий в вашей рекламе, – сказал я, – но мне бы хотелось, чтобы вы просто предоставили мне эту возможность». Я надеялся на то, что Джо согласится на мое предложение, так как он всегда неохотно расставался с деньгами. Уайдер меня поддержал: он сказал, что мы начнем с рекламы на целую страницу, а если дело у меня пойдет, можно будет давать рекламу на разворот.

Многие культуристы потерпели неудачу в деле рассылки заказов по почте, поскольку деньги они получали, а вот заказы не отправляли. По закону заказ необходимо исполнить в определенный срок. Как только в почтовое отделение начинают приходить жалобы на невыполненный заказ, ящик отбирается, и бизнесу приходит конец. Нерадивый бизнесмен может даже отправиться за решетку. Однако я подошел к делу очень ответственно. Сняв дверцы встроенного шкафа, я получил что-то вроде алькова, и один знакомый сделал для меня полки и небольшой складной столик. Каждая брошюра лежала на отдельной полке под своим

номером; были также ячейки для входящей корреспонденции, счетов, конвертов и готовых к отправке бандеролей.

Мои брошюры имели успех. Вскоре я добавил к ним пояс штангиста «Арнольд Шварценеггер» и другую продукцию, достаточно для того, чтобы рекламное объявление заняло уже две страницы. Это привело к расширению дела. Настал момент, когда я уже смог нанять секретаршу, которая приходила несколько раз в неделю и разбирала основную часть почты.

Перед тем как разместить объявление в журнале, я сначала всегда показывал его Джо, поскольку он обладал соответствующим складом ума. Джо разобрал мой текст буквально слово за словом. «Почему ты не написал «Поставка в течение нескольких дней»? – спрашивал он. – Добавь эту фразу в объявление. Пусть все знают, что на тебя можно положиться. И еще напиши: «Эта брошюра издана ограниченным тиражом». Люди любят ограниченные тиражи».

Мне нравилось быть американским предпринимателем. Со своей службой заказов по почте я делал для культуризма то, что в свое время делал Чарльз Атлас⁶.

Вскоре я основал еще одно дело, на этот раз вместе с Франко. Эта мысль пришла в голову ему: он решил, что мы должны заняться строительством, потому что он уже занимался этим в Италии и Германии и пришел к выводу, что люди охотно нанимают на работу двух силачей. Однако когда мы обратились в профсоюз, выяснилось, что нам потребуется несколько месяцев, прежде чем мы сможем в него вступить. Тогда я предложил Франко: «А почему бы нам не учредить свою собственную компанию?» Франко знал толк в работе каменщика, а я умел вести дела. Так мы и поступили. Поместили в газете объявление: «Каменщики из Европы. Эксперты по мрамору и камню». И тотчас же получили свой первый заказ: сложить стену для одного человека из Вениса, чей дом прежде принадлежал звезде немого кино Рудольфу Валентино.

Мы с Франко обратили внимание на то, что американцы любят все иностранное: шведский массаж, итальянский дизайн, китайские травы, немецкая точность. И мы решили подчеркнуть то, что мы европейцы. Особенно кстати пришлось то, что Франко был итальянец. Взгляните на Ватикан! Ничто не сравнится с итальянской архитектурой. Я также заметил, что американцы любят поторговаться и радуются, добившись небольшой скидки, – в отличие от немцев, всегда готовых заплатить названную цену. Поэтому мы с Франко разработали целый ритуал. Я приносил рулетку и делал измерения – обязательно в метрах и сантиметрах, чтобы добавить европейской загадочности. Затем я показывал результаты Франко, и мы в присутствии заказчика начинали бурно спорить по-немецки.

– В чем дело? – спрашивал заказчик.

– Ну, не мне говорить вам про итальянцев, – отвечал я, выразительно закатывая глаза. – Не понимаю, почему мой напарник утверждает, что этот внутренний дворик будет стоить восемь тысяч долларов. Он хочет заказать *x* кирпичей, что значительно больше, чем нам потребуется. Только между нами, я могу вам точно сказать, что вся работа обойдется в семь тысяч. Кирпич у нас останется, мы вернем его и получим тысячу долларов назад.

После таких слов заказчик сразу же проникался ко мне доверием.

– Я очень признателен вам за то, что вы предлагаете мне лучшую цену.

– Ну, у нас жесткая конкуренция. Не сомневаюсь, вы уже прикидывали стоимость работ?

– О, да, конечно.

– Вот видишь, Франко? – говорил я.

Затем мы еще немного спорили по-немецки, после чего заказчик с радостью соглашался на семь тысяч долларов.

Нам с Франко нравилось класть кирпич, и мы считали, что работаем очень плодотворно. При этом мы еще получали массу удовольствия. Как-то раз одна женщина объявила конкурс

⁶ Чарльз Атлас (наст. имя Анджело Сицилиано, 1892–1972) – родоначальник культуризма, создатель специального комплекса упражнений для развития мускулатуры.

на подряд стоимостью пять тысяч долларов на замену печной трубы. В эту стоимость входила также одна тысяча на разборку старой трубы. «Тысяча долларов! – воскликнул Франко. – Дайте-ка мне посмотреть, что к чему». Он забрался на крышу, уперся спиной в черепицу и с силой надавил ногами на трубу так, что та рухнула. Труба едва не свалилась на заказчицу, стоявшую внизу. Однако та, вместо того чтобы рассердиться, несказанно обрадовалась. «О, спасибо за то, что помогли нам! Это было очень опасно. Труба могла упасть кому-нибудь на голову». Она не только отдала нам подряд, но и разрешила забрать старый кирпич, который мы продали другому клиенту как «антикварный».

Другой заказчик хотел заменить стену вокруг своего дома. Мы прикинули, что демонтаж старой стены станет достаточно напряженной работой и можно будет считать его тренировкой. Мы взяли напрокат самые тяжелые кувалды, какие только смогли найти, и я предложил Франко устроить соревнование. «Ты начинаешь с этой стороны, а я с той, – сказал я, – и посмотрим, кто первым дойдет до середины». Мы колотили словно одержимые, и я бы победил, вот только один обломок стены отлетел и выбил в доме заказчика старинный витраж. Весь наш заработок ушел на покрытие ущерба.

Мы с Франко занимались строительством меньше года, когда 9 февраля 1971 года в долине Сан-Фернандо произошло мощное землетрясение. Дыбились мощные дворики. Трескались стены. Рушились трубы. Более благоприятной обстановки нельзя было и просить. Мы с Франко тотчас же поместили объявление в «Лос-Анджелес таймс», а затем работали не покладая рук. В качестве дополнительных рабочих рук мы завербовали культуристов с пляжа – был момент, когда пятнадцать человек месили нам раствор и подносили кирпичи. Зрелище было очень забавное, но на культуристов нельзя было положиться. Они не могли трудиться целый день. Как верно заметил Джо, многие из них были ленивыми бездельниками.

На заработанные деньги мы с Франко смогли купить машины получше и пойти на новые курсы в колледже. И еще мы сделали свою первую инвестицию. В те дни многие авиакомпании собирались обзавестись сверхзвуковыми лайнерами, и родилась идея построить специальный аэропорт для сверхзвуковых самолетов в Палмдейле, сразу же за горами, в пятидесяти или шестидесяти милях к северо-востоку от Лос-Анджелеса.

Я хотел разбогатеть как можно быстрее. Услышав об этом начинании, я сказал себе: «Это будет очень выгодным вложением денег». И действительно, месяца через два мы получили номер местной газеты «Антелоп-Велли пресс», и там прямо на первой странице приводился проект нового аэропорта: чудовищно огромного, футуристического, именно такого, каким в моем представлении должно было быть все американское. Мыслить с размахом! А у нас дома в Граце спорили о том, сколько самолетов должен принимать в день местный аэропорт, три или четыре. Я сказал себе: «Вот это большое дело!»

Я прикинул, что такой огромный аэропорт будет окружен складами, магазинами, ресторанами, гостиницами, административными зданиями – строительство, строительство, строительство. И сказал Франко: «Давай выясним, можно ли там что-нибудь купить». Долго ждать не пришлось: вскоре «Антелоп-Велли пресс» поместила на первой полосе материал о том, что компании скупают большие земельные участки, делят их и продают по частям.

Один господин, представляющий строительную компанию, свозил нас посмотреть участок под застройку. В те времена долина Антелоп-Велли представляла собой по большей части необработанную пустыню. Нам потребовалось два часа, чтобы добраться туда на автобусе, и всю дорогу господин воодушевленно рассказывал о своих планах. Он объяснил, что в Палмдейл проведут автомагистраль, а аэропорт будет принимать межконтинентальные рейсы. В перспективе он, возможно, будет использоваться для приема космолетов. Его слова произвели на нас впечатление. Когда мы приехали на место, господин показал нам, где будут проходить линия электропередач и водопровод, и его слова подкрепили мою уверенность в том, что перед нами открывается небывалая возможность. Я приобрел десять акров по тысяче долларов

за акр, а Франко купил пять, прямо рядом с тем местом, где должна была пройти автострада, неподалеку от запланированного комплекса небоскребов. Пятнадцать тысяч долларов у нас не было, поэтому мы договорились выплатить пять тысяч сразу и еще тринадцать тысяч в расщрокчу на несколько лет, с процентами.

Разумеется, никто не принимал в расчет акустический удар перехода через звуковой барьер и то, как это будет влиять на тех, кто живет под маршрутами полетов сверхзвуковых самолетов. Разгорелись жаркие споры, не только в Соединенных Штатах, но и по всему миру. В конце концов, правительства всех стран договорились, что авиалайнеры смогут преодолевать звуковой барьер только над океаном – а мы с Франко остались с пятнадцатью акрами никому не нужной пустыни. Однако строительная компания настаивала, что все это лишь временные трудности. «Ни в коем случае не продавайте эту землю, – твердили нам. – Вашим внукам она принесет богатство».

Я не лгал Джо Уайдеру, обещая, что мы с Франко оба станем чемпионами. Скорость, с которой Франко преобразился в культуриста мирового класса, была просто поразительной. Как партнеры по тренировкам мы имели одно большое преимущество. Мы начинали заниматься в Мюнхене, почти не имея представления о том, что делают американские культуристы, так что нам пришлось учиться с нуля. Мы находили десятки методик занятий и тщательно все записывали. Мы постоянно искали новые упражнения и их разновидности: это могло быть что-нибудь такое значительное, как жим икр с нагрузкой в тысячу фунтов, который я подсмотрел у Реджа Парка, или такая мелочь, как выполнение наклона с запястьем, развернутым в определенную сторону. Раз в неделю мы выбирали какое-нибудь незнакомое упражнение и выполняли его до тех пор, пока хватало сил. Затем на следующий день мы анализировали, какие мышцы и участки мышц болят, и тщательно все записывали. Работая так, мы в течение целого года составляли систематическое описание наших тел, накапливая сотни всевозможных упражнений и методик. (Впоследствии это стало основой для «Энциклопедии современного культуризма», которую я написал в 1985 году.)

Ключевым открытием, совершенном в том году, стало то, что мы поняли: нельзя слепо копировать чью-то чужую технику, поскольку каждое тело является уникальным. У каждого человека свои соотношения торса и конечностей и различные преимущества и недостатки, обусловленные наследственностью. Можно перенять какой-то прием у другого спортсмена, однако нужно понимать, что твое собственное тело откликнется на него совершенно иначе.

Подобные эксперименты помогли нам исправить наши слабости. Например, у Франко были кривые ноги, и мы придумали, как нарастить мышцы на внутренней стороне бедра, выполняя приседания со штангой, широко расставив ноги. Затем мы нашли способ нарастить мышцы на внутренней стороне лодыжек. Конечно, Франко нечего было надеяться на то, что ему удастся обмануть судей и убедить их в том, будто ноги у него идеально прямые. Однако на них произведет впечатление то, как он разобрался с этой проблемой.

Для противостояния с Серхио Оливой я решил поднять свои позы на новый уровень. Мы с Франко оттачивали упражнения на протяжении многих недель. Для победы необходимо удерживать каждую позу в течение нескольких минут. Так, например, большинство культуристов без труда выполняют позу «вакуум», при которой втягивается живот, чтобы привлечь внимание к разработке грудных мышц. Однако нередко они не могут удержать эту позу или потому, что они чересчур завелись, ожидая своего выхода, или потому, что не могут отдышаться после предыдущих поз. А еще они бывают вынуждены завершить позу, потому что мышцы сводит судорога или охватывает дрожь.

Поэтому один из нас удерживал какую-нибудь позу в течение нескольких минут, а второй давал указания, что и как нужно делать. Так, я принимал позу, демонстрируя бицепсы, а Франко говорил: «Я вижу, как у тебя трясется рука. Перестань трястись». И я следил за тем, чтобы рука не тряслась. Затем Франко говорил: «Так, улыбайся» или «Дай-ка мне чуток раз-

ворота талии», а затем: «Отлично, а теперь перейди к позе спина в три четверти. Ага, ты сделал лишний шаг. Плохо. Начинай сначала».

Приходилось оттачивать каждую позу и каждый переход, потому что этот лишний шаг мог стать тем самым, из-за чего судьи отдадут предпочтение сопернику. Они подумают: «Это непрофессионально. Он еще не готов к серьезным выступлениям. Эй, ты, долбаный идиот, прочь со сцены! Ты даже не можешь стоять неподвижно во время выполнения позы. Ты не отработал даже такие простейшие вещи».

На состязаниях уровня Мистер Олимпия самым важным необязательно является то, что происходит посреди выполнения позы. Судьи вправе ожидать, что спортсмен знает, как это делать. Решающее значение приобретает то, что происходит при смене поз. Как движутся руки? Какое выражение на лице? Какое положение ног? Это чем-то напоминает балет. Тут дело не в том, что спина распрямлена, а голова поднята. Никогда, ни в коем случае нельзя сделать ни одного лишнего шага. Перемещаясь из одной позы в другую, необходимо представлять себя тигром, неторопливым и плавным. Все движения плавные. И четкие, чтобы ни у кого даже мысли не возникло, как ты напряжен, потому что это также будет проявлением слабости. Нужно полностью владеть собственным лицом. Пусть ты выдохся и держишься из последних сил, но нужно дышать носом, а рот держать расслабленным. Одышка – это самое страшное. Переходя к следующей позе, необходимо выглядеть уверенным в себе, так, как этого от тебя ждут.

Моя подготовка к противостоянию с Серхио не заканчивалась тренажерным залом. Я купил кинопроектор. Я собрал целую коллекцию пленок с выступлениями Серхио на всевозможных соревнованиях, и дома я снова и снова просматривал их. Серхио воистину обладал потрясающими физическими данными, но я обнаружил, что вот уже на протяжении нескольких лет он использует одни и те же позы. Этим можно было воспользоваться во время окончательной схватки один на один за титул Мистер Олимпия. Я запоминал тот порядок, в котором Серхио принимал позы, и готовил на каждую по три своих. Оттачивая свои позы, я мысленно представлял: «Когда Серхио примет эту позу, я сделаю то, то и то». Моей целью было превзойти на голову каждое движение Серхио.

В конце лета в клубе Голда раздался телефонный звонок, и управляющий окликнул меня:

– Арнольд, с тобой хочет поговорить какой-то Джим Лоример.

– Что ему нужно?

– Он хочет переговорить с тобой о состязаниях на приз Мистер Мир.

– Скажи ему, пусть перезвонит попозже. Я сейчас занимаюсь.

Этот звонок оказался тем волшебством, на которое я даже не рассчитывал. Джим до сих пор смеется по этому поводу. Когда я перезвонил ему, он объяснил, что является организатором чемпионата мира по тяжелой атлетике, который в этом году пройдет в Соединенных Штатах, в городе Коламбус, штат Огайо. А после чемпионата состоятся состязания за титул Мистер Мир. Джим хотел, чтобы я принял в них участие.

До тех пор я ни разу не слышал о Джиме Лоримере, и я стал всех расспрашивать, кто это такой. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы выяснить: это большая шишка. Бывший сотрудник ФБР, лет на двадцать старше меня, Джим обладал большим влиянием в американском спорте. Одно время он даже возглавлял Национальный олимпийский комитет Соединенных Штатов. Джим первым начал готовить наши женские команды, чтобы они наравне соревновались с командами стран советского блока. В настоящее время он занимал высокий пост в компании «Нейшнуайд иншуранс», крупнейшей по числу рабочих мест в Коламбусе. При этом Джим также был мэром одного из пригородов Коламбуса и имел широкие связи в политике. Он уже много лет проводил в Коламбусе чемпионаты США по тяжелой атлетике и состязания за приз Мистер Мир по версии Американского атлетического союза, и все мои знакомые в один голос заявили, что эти соревнования организованы великолепно. Не в послед-

ную очередь именно благодаря этому Коламбус был выбран для проведения чемпионата мира по тяжелой атлетике 1970 года, и Джима попросили возглавить подготовку к нему.

Взглянув на календарь, я увидел, что первенство Мистер Мир назначено на 25 сентября, состязания Мистер Вселенная в Лондоне должны были состояться 24 сентября, а Мистер Олимпия проводился в Нью-Йорке 7 октября. «Ого, – подумал я, – теоретически я могу отправиться в Лондон и завоевать там титул Мистер Вселенная, затем приехать в Огайо и получить титул Мистер Мир, после чего взять титул Мистер Олимпия. Это было бы просто невероятно!» Всего за две недели я мог бы охватить три федерации, контролирующие все состязания по культуризму. Победа во всех трех первенствах была бы равносильна единоличному чемпионству в профессиональном боксе в тяжелом весе: я становился бы бесспорным чемпионом мира.

Однако от восторга не осталось и следа, после того как я изучил расписание авиарейсов. Тогда я позвонил Лоримеру. «Я хочу участвовать, – сказал я. – Однако мне ни за что не успеть с Мистера Вселенная на Мистер Мир. Самый первый самолет из Лондона после Мистера Вселенная прилетает в Нью-Йорк только в два часа дня. После чего придется ждать рейса из Нью-Йорка в Коламбус до пяти часов, когда ваши состязания уже начнутся. Если только вам не удастся сотворить чудо, я не смогу попасть на ваше первенство. Я говорил с другими ведущими культуристами, которые собираются участвовать в состязаниях за титул Мистер Вселенная, такими как Франко Колумбу, Бойер Гоу и Дейв Дрейпер, и все они с радостью присоединились бы ко мне. Но мы просто не представляем, как такое возможно. Я слышал, у вас талант организатора, и у вас есть связи. Вот и посмотрим, что вы сможете сделать».

Джиму потребовался всего один день. Он перезвонил мне и сказал: «Мы пришлем за вами самолет. – Речь шла о частном лайнере, принадлежащем «Фольксвагену», одному из спонсоров чемпионата. – Он заберет вас в Нью-Йорке».

Узнав, что Редж Парк подал заявку на участие в состязаниях за титул Мистер Вселенная в Лондоне, я долго не мог в это поверить. Я считал его своим союзником! Когда какой-то журналист спросил у меня, что я чувствую в ожидании противостояния с величайшим Мистером Вселенная всех времен, и я вышел из себя, что бывает со мной крайне редко. «Только со вторым, – поправил я. – Я завоевывал этот титул больше раз, чем он».

Чемпионы по культуризму прошлых лет постоянно возвращаются в большой спорт, чтобы продемонстрировать результаты своих тренировок, обновить свой образ или еще бог весть зачем. Редж завоевывал титулы Мистер Вселенная с большими промежутками, в 1951, 1958 и 1965 годах, и, по-видимому, он собирался поставить точку в своей карьере. А может быть, мне уделяли столько внимания, что Редж решил показать, что предыдущее поколение еще не сошло со сцены. Какие бы ни были его мотивы, это породило проблемы, которых я никак не ожидал.

Встретившись в разминочном зале, мы с Реджем лишь сухо поздоровались. Всем было неуютно: и судьям, и болельщикам. Обыкновенно перед началом состязаний культуристы подходят друг к другу и говорят: «У тебя великолепный вид. Ты обязательно победишь». Но сейчас те, кто хорошо относился к нам обоим, не знали, что сказать одному, в то время как второй стоит в противоположном конце зала.

Реальность заключается в том, что когда культуристу уже за сорок, он не может заниматься так же напряженно, как в двадцать три года. Я был в лучшей форме, чем Редж, – и необязательно за счет моих усилий, а просто благодаря тому, что я был гораздо моложе. Кожа Реджа была уже не такой свежей, его мышцы, миновав время расцвета, начинали увядать. Вероятно, несколько лет назад все было бы по-другому, однако сейчас пришло мое время стать королем. В тот день Редж оказался еще достаточно хорош, чтобы победить всех остальных соперников, в том числе и одного бывшего обладателя титула Мистер Вселенная, которому было только двадцать восемь лет. Однако победить меня он не смог.

Победа меня обрадовала, но в то же время и наполнила печалью. Моей целью была победа над Серхио Оливой, и по пути к своей мечте мне не нужно было побеждать Реджа Парка.

На следующий день обещанный Джимом Лоримером частный самолет компании «Фольксваген» ждал нас на бетонной полосе нью-йоркского аэропорта. В те дни частные самолеты еще оставались большой редкостью, и мы с остальными культуристами ощутили трепетный восторг; нам казалось, что мы впервые удостоились королевских почестей, подобно другим звездам спорта. Из аэропорта Коламбуса нас привезли напрямик в Мемориальный зал ветеранов. Мы вошли туда, когда остальные спортсмены уже заканчивали разминку.

Я был сражен наповал, увидев здесь Серхио Оливу. Его приглашение до самого конца оставалось в секрете. «Твою мать!» – мысленно выругался я. Серхио тоже был на пике формы. Я рассчитывал встретиться с ним только через две недели, а не сейчас.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы выпутаться из этих мрачных размышлений. Я понял, какая передо мной открывается возможность. Хотя я не знал о предстоящем участии Серхио в состязаниях, он несомненно знал обо мне. Это означало, что он приехал в Коламбус, чтобы застать меня врасплох и вывести из игры. В этом случае я оказался бы повержен еще до начала состязаний в Нью-Йорке, и титул Мистер Олимпия был бы у него в кармане.

Но, рассудил я, я смогу сыграть на том же, на чем собирался сыграть Серхио. «Если сегодня я одержу над ним победу, – подумал я, – в Нью-Йорке у него не будет никаких шансов».

Мне нужен был повышенный боевой настрой. Это все равно как сверхбыстрая спортивная машина с впрыском закиси азота в двигатель: в нужный момент нажимаешь кнопку и получаешь лишние сто лошадиных сил мощности. И вот сейчас мне требовалось нажать эту чудодейственную кнопку.

Я переоделся, намазался маслом и начал разминку. Объявили наш выход, и мы вышли на сцену.

Состязания за титул Мистер Мир оказались самыми крупными соревнованиями культуристов из всех, какие мне только доводилось видеть. Зал был набит битком – пять тысяч зрителей, вдвое больше того, что собирали первенства в Лондоне и Нью-Йорке. Больше того, здесь были телекамеры, софиты и комментаторы из программы «Безграничный мир спорта» телестудии Эй-би-си: впервые репортаж с состязаний культуристов транслировался по общенациональному телевидению.

Мне было неважно, сколько человек в зале – пятьсот или пять тысяч. Я понимал, что если мне удастся, используя свое обаяние и опыт продавца, завести толпу, это повлияет на судей и даст мне определенное преимущество. Серхио старался сыграть на том же самом: он расхаживал по сцене, приветственно махал рукой своим поклонникам и посылал им воздушные поцелуи. Он знал, что поклонников у него много, и сейчас в зале их присутствовало несколько десятков. Четырьмя ведущими участниками первенства были я, Серхио, Дейв Дрейпер и Деннис Тинерино. Все мы одновременно вышли на сцену и стали выполнять упражнения перед сидящей напротив международной бригадой из семерых судей. Публика встретила наше выступление аплодисментами и восторженными криками. От нее исходила колоссальная энергия.

В сравнении со всеми остальными культуристами, с которыми мне приходилось состязаться, Серхио выглядел на порядок лучше. Это откровение поразило меня, как только я вышел на сцену. Нелегко было выглядеть внушительным рядом с ним, с этими невероятными бедрами, невозможно крохотной талией, нереальными трицепсами. Я надеялся на то, что буду иметь в глазах судей небольшое преимущество, поскольку только что завоевал титул Мистер Вселенная. Впрочем, возможно, преимущество было, наоборот, на стороне Серхио, добившегося значительных результатов в тяжелой атлетике, потому что большинство судей вышли именно из этого мира.

Чтобы зарядиться психологически, я стал выискивать в своем сопернике малейшие изъяны. Теперь, в ярком свете телевизионных софитов, Серхио показался мне слишком мягким. Это меня обнадежило. Обнаружив, что я могу предугадать каждый его следующий шаг, я начал повторять все его позы. Зрителям это понравилось, и краем глаза я видел, как телевизионные камеры поочередно наводятся то на меня, то на Серхио. Уходя со сцены, я чувствовал, что первый раунд остался за мной.

А дальше было только еще лучше. Непосредственно перед выступлением Серхио слишком щедро обмазал себя маслом, отчего его мышцы стали выглядеть не точеными, а гладкими. К тому же, выполняя индивидуальные упражнения, он чересчур быстро менял позы, не давая зрителям хорошенько их рассмотреть. Когда настал моей черед, я позаботился о том, чтобы не торопиться и установить связь со зрителями, поэтому каждая моя поза вызывала чуть более громкие аплодисменты; публика не хотела отпускать меня после завершения выступления. Казалось, Серхио впервые участвует в подобных соревнованиях, я же оставался полностью собранным и чувствовал себя как рыба в воде.

В финальном раунде, когда мы с Серхио сошлись лицом к лицу, демонстрируя наши лучшие позы, я был на сто процентов лучше. Какую бы позу ни принимал Серхио, показывая свою силу, я принимал соответствующую позу, показывая свою силу. Что гораздо важнее, теперь уже я готов был продолжать борьбу. Я рвался в бой. Этот титул был нужен мне больше, чем Серхио.

Судьи единогласно отдали первое место мне. Для меня это не стало неожиданностью, однако Серхио так долго оставался чемпионом, что испытал настоящий шок. Целую минуту я стоял на сцене, мысленно повторяя: «Я не могу в это поверить, я не могу в это поверить, я только что одержал победу над Серхио». Наградой стали большой серебряный кубок, навороченные электронные часы и пятьсот долларов наличными – а также популярность и поступательный импульс, который должен был помочь мне победить в Нью-Йорке.

Спустившись со сцены с кубком в руках, я не забыл сделать две вещи. Во-первых, я поблагодарил Джима Лоримера. «Организация соревнований на высшем уровне, ничего подобного я больше нигде не видел, – сказал я. – Когда я уйду из культуризма, я свяжусь с вами, и мы станем партнерами. Мы будем стоять на этой же самой сцене, проводя состязания за титул Мистер Олимпия». Джим просто рассмеялся и сказал: «Хорошо, хорошо». Вероятно, это был самый странный комплимент из всех, какие он когда-либо слышал, особенно от молодых парней.

Затем я внес смятение в голову Серхио. Было бы глупо не использовать все шансы, когда предстояло свергнуть трехкратного действующего Мистера Олимпия. Я сказал себе, что если исход состязаний в Нью-Йорке будет ничейным, судьи отдадут предпочтение Серхио. На сцене я должен был разгромить его наголову, чтобы у них не осталось никаких сомнений. Поэтому я сказал Серхио, что, на мой взгляд, сегодня я одержал верх, поскольку существенно нарастил мышечную массу с тех пор, как в прошлом году он торжествовал победу в Нью-Йорке. А сейчас он оказался чересчур легким, и поэтому проиграл, и так далее в том же духе. Я хотел убедить Серхио в том, что для успеха 7 октября ему необходимо набрать несколько фунтов веса. Сегодня он был слишком мягким, и я хотел, чтобы в Нью-Йорке он стал еще мягче.

Состязания за титул Мистер Олимпия должны были состояться через две недели в шикарном зале на Манхэттене, и где-то в полдень все мы, участники, собрались в расположенном неподалеку спортивном клубе «Мид-сити джим». Едва увидев Серхио, я начал подначивать его подкрепиться, и меня поддержал Франко, спросив, почему он так похудел. Все рассмеялись, за исключением Серхио. На самом деле, как я вскоре убедился, он заглотив приманку. За две недели, прошедших после первенства в Коламбусе, Олива набрал десять фунтов, однако нельзя прибавить десять фунтов за две недели и по-прежнему выглядеть идеально точеным.

В зале «Таун-Холл» было полторы тысячи мест, и, вероятно, он никогда не видел такой буйной публики. Поклонники Оливы скандировали: «Серхио! Серхио! Серхио!», а мои старались их перекричать, скандируя: «Арнольд! Арнольд! Арнольд!» После долгих предварительных раундов судьи снова вызвали нас на сцену для очного противостояния. Серхио исполнил свой стандартный репертуар поз, а я, как и было рассчитано, включил форсаж, отвечая тремя позами на каждую его. Зрители пришли в неописуемый восторг.

Но судьи продолжали объявлять позы, и наконец у меня появились мысли, что мы выступаем слишком долго. Казалось, происходит это не потому, что судьи никак не могут определиться с решением; просто поскольку обезумевшая толпа вскочила на ноги, требуя продолжения, судьи сказали сами себе: «Что ж, пусть выступают дальше, зрителям это нравится».

Мы устали. И тут я решил нанести завершающий удар. Меня осенила одна мысль, и я сказал Серхио:

– С меня достаточно. По-моему, судьи уже приняли решение.

– Да, ты прав, – согласился Серхио.

Он направился к одному выходу со сцены, а я направился к другому – но сделал только два шага. Затем остановился и принял еще одну позу. После чего обернулся в сторону Серхио и недоуменно пожал плечами, словно спрашивая: «А он-то куда подевался?»

Серхио тотчас же вернулся на сцену. Он был смущен. Однако к этому времени зрители скандировали только одно имя: «Арнольд!», а кое-кто даже принялся осмеивать Серхио. Используя благоприятный момент, я выполнил свои лучшие профессиональные позы и движения. После чего все было кончено. Судьи недолго посоветовались за сценой, затем вышел ведущий и провозгласил меня новым Мистером Олимпия.

Мне Серхио не сказал ни слова насчет того, как я его обманул, однако другим он жаловался, что я одержал победу нечестно. Но я видел все иначе. Это было решающее мгновение. Повинуясь первобытному инстинкту, я добил противника, опьяненный жаром соперничества, в котором все равно одерживал верх.

Утром на следующий день меня ждало большое изумление. Серхио, Франко и я жили в гостинице в одном номере. Проснувшись, Серхио сразу же начал выполнять отжимания и другие упражнения. Вот каким одержимым он был. Даже на следующий день после соревнований он занимался в гостинице!

Должен признать, мне было жаль Серхио. Он был выдающимся спортсменом, кумиром многих. На протяжении нескольких лет я думал только о том, как его низвергнуть, уничтожить, сделать вторым, проигравшим. Однако когда я на следующий день после победы над ним увидел его рядом, мне стало его жаль. Плохо, что он должен был проиграть, чтобы уступить дорогу мне.

Глава 8

Осваивая американский образ жизни

В культуризме я стал «царем горы», однако в повседневной жизни Лос-Анджелеса оставался одним из многих иммигрантов, силящихся изучить английский и наладить жизнь. Мои мысли были настолько поглощены тем, чем я занимался в Америке, что я почти не вспоминал Австрию и Германию. Приезжая в Европу на соревнования, я обязательно заглядывал в гости домой, и я поддерживал связь с Фредди Герстлем в Граце и Альбертом Бусеком в Мюнхене. Наши пути с Альбертом и другими моими европейскими друзьями частенько пересекались на дорожках культуризма. Я регулярно посылал родителям письма и фотографии, рассказывая им о своих успехах. Каждый раз, завоевав новый кубок, я отправлял его домой, потому что в съемной квартире они были мне не нужны, и к тому же мне хотелось, чтобы родители мною гордились. Не могу сказать, что они с самого начала отнеслись к моим успехам с воодушевлением, однако через какое-то время они повесили дома на стену специальную полку, чтобы выставить напоказ мои награды.

Как правило, на письма отвечал отец, от лица обоих родителей. Он всегда прилагал оригинал моего письма, отметив красными чернилами мои грамматические ошибки. Отец говорил, что делает это, потому что я теряю связь с немецким языком; но так же в точности он поступал и с сочинениями, которые в детстве писали мы с Мейнхардом. Все это создавало ощущение, будто мои родители и Австрия застыли во времени. Я был рад тому, что теперь у меня своя жизнь.

Мы с Мейнхардом не поддерживали почти никаких отношений. В отличие от меня, брат окончил профессиональное училище и отслужил год в армии. Затем он устроился на работу в электротехническую компанию, сначала в Граце, а потом в Мюнхене, когда я еще жил там. Однако наши пути редко пересекались. Мейнхард одевался с иголки, любил бурные пирушки и по полной отрывался с девочками. Потом его снова перевели в Австрию, в Инсбрук, где он познакомился с Эрикой Кнапп, красивой молодой женщиной, у которой был трехгодовалый сын Патрик. Только тогда появились первые признаки того, что Мейнхард наконец остепенился.

Увы, этому не суждено было случиться. Весной 1971 года, в тот год, когда я завоевал титул Мистер Олимпия, как-то днем, когда меня не было дома, у нас в квартире зазвонил телефон. Это звонила моя мать с ужасным известием о том, что мой брат погиб в автомобильной катастрофе. Мейнхард, пьяный, разбился на горной дороге неподалеку от австрийского горнолыжного курорта Кицбюэль. Ему было всего двадцать пять лет.

Я в тот момент был в Нью-Йорке, и на звонок ответил Франко. По какой-то причине известие так его потрясло, что он не смог собраться с силами и перезвонить мне. И только три дня спустя, когда я вернулся в Лос-Анджелес, Франко сказал: «Я должен тебе кое-что сказать, но сделаю я это только после ужина».

Я быстро вытянул из него известие о гибели брата.

– Когда это случилось? – спросил я.

– Мне позвонили три дня назад.

– Почему же ты не сказал мне раньше?

– Я просто не знал, как это сделать. Ты был в Нью-Йорке, занимался делами. Я решил подождать, когда ты вернешься домой.

Если бы Франко позвонил мне в Нью-Йорк, я бы был уже на полпути в Австрию. Меня тронула забота друга, но в то же время я был огорчен и расстроен.

Я сразу же позвонил родителям. Мать всхлипывала и с трудом могла говорить по телефону. Она сказала:

– Нет, мы не будем везти Мейнхарда сюда, похороним его в Кицбюэле. Мы отправляемся туда завтра утром. Панихида будет очень скромной.

– Я только что узнал о случившемся, – сказал я.

– Ну, наверное, тебе не стоит прилетать, – сказала мать. – Даже если ты сядешь на первый же самолет, перелет очень долгий, разница во времени девять часов, так что ты все равно не успеешь.

Гибель Мейнхарда явилась для семьи страшным ударом. Я слышал в голосах родителей опустошение. Все мы плохо умели выражать свои чувства, и я не знал, что сказать. «Я сочувствую»? «Это ужасно»? Родители это и так знали. Ужасная новость оглушила меня. Мы с братом уже давно не были в близких отношениях – за те три года, что я провел в Америке, мы виделись с ним лишь однажды, – однако все равно мое сознание захлестнули воспоминания о том, как мы вместе играли в детстве, вместе ходили на свидания, когда стали постарше, вместе смеялись. Больше этого уже никогда не будет. Я больше никогда не увижу брата. Мне оставалось только задвинуть все эти мысли подальше, чтобы можно было сосредоточиться на своих целях.

Я полностью погрузился в жизнь в Лос-Анджелесе. Занятия в колледже, ежедневные тренировки по пять часов в тренажерном зале, строительные работы, служба заказов по почте, показательные выступления – все это происходило одновременно. У Франко также не оставалось ни одной свободной минуты. У нас обоих был невероятно плотный график, и случалось, что рабочий день растягивался с шести часов утра до полуночи.

Задача свободно овладеть английским по-прежнему значилась первым пунктом в моем списке неотложных дел. Я завидовал таким людям, как мой друг Арти Зеллер, который, съездив вместе с Франко на неделю в Италию, возвращался, довольно сносно говоря по-итальянски. Ко мне это не относилось. Я даже представить себе не мог, какая это сложная задача – изучение иностранного языка.

Вначале я пытался переводить все буквально: услышав или прочитав что-либо, я мысленно переводил все на немецкий, а затем недоумевал: «Ну почему английский язык такой сложный?» Некоторые вещи просто никак мне не давались, кто бы их ни объяснял. Например, сокращения. Ну почему надо говорить «треник» вместо того, чтобы сказать «тренажерный зал»?

Особенно большую опасность представляло произношение. Однажды Арти пригласил меня в еврейско-венгерский ресторан, где блюда были похожи на австрийские. Владелец подошел к нашему столику, чтобы принять заказ, и я сказал:

– Я увидел у вас в меню одно блюдо, которое мне нравится. Пожалуйста, принесите мне ваш мусор.

– Почему вы так называете мои блюда?

– Просто принесите мне ваш мусор.

Тут поспешно вмешался Арти.

– Мой друг приехал из Австрии, – объяснил он. – Он имеет в виду «капуста»⁷. В Австрии он привык есть капусту.

Однако постепенно я начал делать прогресс, в первую очередь благодаря занятиям в колледже Санта-Моники. Там во мне действительно пробудили интерес к учебе. В первый же день курса «Английский для иностранцев» мы расселись в классе, а наш преподаватель мистер Додж сказал:

– Ребята, не желаете выйти на улицу?

⁷ Английское слово garbage – «мусор» созвучно слову cabbage – «капуста».

Мы недоуменно переглянулись, пытаюсь понять, что он имел в виду. Указав в окно, мистер Додж объяснил:

– Видите вон то дерево? Так вот, если хотите, можно устроиться в тени под ним и провести урок там.

Мы вышли на улицу и уселись на траве под деревом, напротив здания колледжа. Я был поражен. По сравнению с европейской школой, такой строгой и официальной, это было просто невероятно! Я подумал: «Я буду заниматься, сидя на улице под деревом, как будто у меня каникулы! Как только закончится этот семестр, я запишусь на новый курс». Позвонив Арти, я попросил его на следующей неделе зайти в колледж и сфотографировать, как мы сидим под деревом.

На самом деле на следующий семестр я записался уже на два курса. Многие иностранцы стеснялись того, что им приходится учиться, однако к ученикам в колледже относились доброжелательно, преподаватели были замечательные, и занятия доставляли мне удовольствие.

Когда мистер Додж познакомился с нами поближе, я рассказал ему о своих целях, и он отвел меня к директору. Тот сказал:

– Мистер Додж говорит, что вы хотите заниматься другими предметами, помимо английского языка. Чем вы интересуетесь?

– Бизнесом.

– Что ж, в таком случае могу предложить вам хороший деловой курс для начинающих, язык там несложный – курс слушают многие иностранцы, – и у вас будет хороший преподаватель, знающий, как иметь дело с иностранцами.

Затем директор предложил мне маленькую брошюру.

– Вот еще восемь курсов, которые вам было бы неплохо прослушать помимо английского. Все они посвящены бизнесу. На вашем месте я также уделю время математике. Вам необходимо слушать математический язык, чтобы вы, услышав слово «деление», понимали, о чем идет речь⁸. Я уж не говорю про такие понятия, как «десятичная дробь». Вы слышите эти термины, но, возможно, не понимаете их.

– Вы абсолютно правы, – подтвердил я, – я их не понимаю.

Поэтому я добавил курс математики, где мы изучали дроби и начала алгебры.

Директор также посоветовал, как подстроить занятия под мой образ жизни.

– Мы понимаем, что вы спортсмен, так что в некоторых семестрах у вас не получится заниматься. Поскольку все главные соревнования у вас осенью, возможно, вам будет лучше прослушать какой-нибудь курс летом. Вы сможете заниматься вечером один раз в неделю, с семи до десяти, после тренировки. Уверен, у вас получится.

Я был поражен его внимательным подходом к моим проблемам. Мне было приятно добавить к списку своих целей образование. Никакого давления не было, никто не говорил мне: «Ты должен учиться, ты должен получить диплом».

Еще один преподаватель математики был у меня в клубе Голда. Фрэнк Зейн, перед тем как перебраться в Калифорнию, работал во Флориде школьным учителем, преподавая алгебру. Не знаю, чем это объясняется, но среди культуристов было немало школьных учителей. Фрэнк помогал мне с домашними заданиями и письменными переводами, терпеливо разбирая со мной то, что я не понимал. Переехав в Калифорнию, он увлекся восточной философией и искусством медитации. Это помогало ему полностью расслабляться, отдыхая от повседневных дел. Однако я открыл для себя все это лишь значительно позже.

Если бы я опасался какой-либо угрозы моему господству в мире культуризма, я полностью сосредоточился бы на тренировках. Однако на горизонте никого не было. Поэтому я уделил часть сил другим начинаниям. Я всегда записывал свои цели, к чему привык еще в тяже-

⁸ Английское слово division, помимо значения «деление», имеет также значение «дивизия».

лоатлетическом клубе в Граце. Причем мне было недостаточно просто сказать себе что-нибудь вроде: «К новому году я должен сбросить двадцать фунтов, лучше овладеть английским и прочитать больше». Нет. Это было только начало. Далее я должен был расписать конкретно все эти благие начинания, чтобы те не свелись к пустым словам. Я брал карточки и записывал все, что собирался сделать:

- пройти в колледже двенадцать дополнительных курсов;
- заработать достаточно денег, чтобы отложить 5000 долларов;
- тренироваться по пять часов в день;
- нарастить семь фунтов мышечной массы;
- купить квартиру и переехать в нее.

Может показаться, что я сковывал себя такими четко определенными целями, однако на самом деле все обстояло как раз наоборот: это меня освобождало. Определив для себя, чего именно я хочу, я чувствовал себя совершенно свободным искать любые пути для достижения поставленных целей. Возьмем, к примеру, двенадцать дополнительных курсов. Не имело значения, где я их пройду; это я решал отдельно. Я перебрал курсы, предлагавшиеся разными колледжами, оценил их стоимость, прикинул, как они уложатся в мой распорядок, не нарушу ли я ограничения своей визы. После чего мне уже можно было не беспокоиться о конкретных деталях, так как я уже знал, что пройду эти курсы.

Одним из главных препятствий, с которым мне приходилось иметь дело, занимаясь в колледже, был мой статус иммигранта. У меня была виза с правом работы, а не студенческая виза, поэтому я не мог учиться полный день. Я не мог посещать в одном колледже одновременно больше двух курсов, поэтому мне приходилось рассредоточивать свои усилия. Помимо колледжа Санта-Моники, я занимался в колледже Западного Лос-Анджелеса и посещал дополнительные занятия в Университете штата Калифорния. Внезапно до меня дошло, что это создаст проблему, если я захочу получить диплом, поскольку мне придется как-то объединять свидетельства об окончании всех курсов. Однако моей целью было не получение диплома; мне нужно было заниматься как можно больше, используя все доступное время, и изучать, как американцы ведут свои дела.

Поэтому в колледже Санта-Моники курсы английского языка расширились в курсы английского языка, математики, истории и делового управления. В Калифорнийском университете я прослушал на факультете бизнеса курсы по бухгалтерскому учету, маркетингу, экономике и управлению. Я уже изучал бухгалтерский учет в Австрии, разумеется, однако здесь это была целая новая наука. Только-только появились первые электронно-вычислительные машины; в университете была ЭВМ фирмы «Ай-би-эм», с перфокартами и накопителями на магнитной ленте. Мне нравилось работать на ЭВМ, она казалась мне чисто американским подходом к делу. Колледжи привлекали меня своей дисциплиной. Я получал наслаждение от учебы. Было что-то в необходимости штудировать учебники, чтобы писать контрольные и отвечать на занятиях. Также мне нравилось работать с другими учащимися, приглашать их к себе домой, чтобы выпить кофе и вместе выполнить домашнюю работу. Преподаватели также поддерживали то, когда успевающие учащиеся помогали отстающим. Это повышало эффективность занятий в классе.

На одном курсе от нас требовалось ежедневно читать деловые новости и пересказывать основные события в классе. Это стало первым занятием, за которое я принимался утром: раскрывать газету на странице деловых новостей. Преподаватель говорил: «Вот интересная статья о том, как японцы купили в Америке сталелитейный завод, разобрали его и снова собрали в Японии. Теперь они выплавляют более дешевую сталь, чем это делали мы, и продают ее нам, получая прибыль. Давайте это обсудим». Я никогда не мог предсказать, что произведет на меня впечатление. Так, приглашенный лектор, рассказывая в Калифорнийском университете о законах продаж, сказал, что чем крупнее физические габариты продавца, тем больше

товара он в среднем продает. Меня это просто очаровало, поскольку я человек немаленький. «Так, во мне двести пятьдесят фунтов, – рассуждал я, – так что если я возьмусь что-либо продавать, мой бизнес будет процветать».

Я также завел постоянную девушку, что несколько успокоило мою бурную жизнь. И дело не в том, что мне было трудно знакомиться с женщинами. Культуристов, как и рок-звезд, окружают свои поклонницы. Они всегда были рядом, на вечеринках, на показательных выступлениях, иногда на состязаниях за сценой, где предлагали помочь натереться маслом. Поклонницы приходили в тренажерный зал и на пляж, чтобы понаблюдать за нашими занятиями. С первого взгляда можно было определить, кто из них на что готов. Сходяв на пляж в Венеise, можно было за час получить десять номеров телефонов. Барбара Аутлэнд была другой, потому что я нравился ей как человек – она даже не знала, что такое культуризм. Мы познакомились в кафе Зуки в 1969 году. Барбара была на год младше меня, она училась в колледже, а на лето устроилась работать официанткой. Мы начали встречаться, вели долгие беседы. Вскоре приятели-культуристы начали подшучивать надо мной: «Арнольд влюбился». Когда Барбара снова вернулась к занятиям, я много думал о ней, и мы даже писали друг другу письма, – для меня это было впервые.

Мне нравилось иметь постоянную девушку, человека, с которым я встречался чаще, чем с остальными. Я с удовольствием слушал рассказы Барбары о своей жизни, об учебе в колледже, о ее планах, и сам делился с нею своими устремлениями, рассказывал о тренировках, об успехах и неудачах.

Барбара была самой обыкновенной девушкой, в ней не было ничего от роковой женщины – загорелой блондинки с пышными формами. Она собиралась стать учителем английского языка и, очевидно, думала не только о том, как бы приятно провести время. Ее подруги, встречавшиеся с ребятами с юридического и медицинского факультетов, находили меня странным, однако Барбаре не было до этого никакого дела. Ее восхищало то, как я записываю на карточках свои цели. Родители Барбары отнеслись ко мне чудесно. На Рождество каждый член семьи преподнес мне по подарку, а затем, когда я привел с собой Франко, подарки получил и он. Мы с Барбарой съездили вместе на Гавайские острова, в Лондон и в Нью-Йорк.

В 1971 году, когда Барбара окончила учебу и приехала работать в Лос-Анджелес, Франко как раз приготовился переехать от меня. Он тоже решил обустроить свою жизнь: он учился на массажиста и сделал предложение девушке по имени Анита, которая уже работала массажисткой. Когда Барбара предложила переехать ко мне, это было совершенно естественно, поскольку она и так много времени проводила у меня.

Барбара полностью разделяла мою привычку дорожить каждым центом. Вместо того чтобы ходить по всяким дорогим заведениям, мы готовили барбекю во дворе и гуляли на пляже. Я был не лучшим кандидатом для прочных отношений, поскольку очень много времени уделял своей карьере, но мне было приятно, что дома меня кто-то ждет.

То, что Барбара преподавала английский язык, было просто замечательно. Она мне очень помогала, проверяла мои домашние задания. Барбара также помогала мне с заказами по почте и с перепиской, но у меня уже была секретарша. С другой стороны, мы открыли для себя, что когда в любви приходится объясняться на иностранном языке, нужно быть особенно внимательным, чтобы избежать недопониманий. У нас нередко возникали нелепые споры. Так, однажды, после того как мы вместе посмотрели фильм «Смертельное желание», Барбара сказала:

– Мне очень понравился Чарльз Бронсон, потому что он такой крепкий, такой мужественный.

– А вот мне кажется, что Чарльза Бронсона никак не назовешь мужественным, – возразил я. – Я хочу сказать, он ведь такой тощий. Про него еще можно сказать, что у него атлетическое телосложение. Но он совсем не мужественный.

– Нет, – рассмеялась Барбара. – Ты решил, что я сказала «мускулистый», однако я имела в виду совсем другое. Я говорю, что он «мужественный»⁹. Мужественный – это совсем не то, что ты подумал.

– Мужественный, мускулистый – это одно и то же. Я думаю, что у него атлетическое телосложение.

– Но он очень мужественный.

– Нет, тут ты не права... – упрямо стоял на своем я.

Когда мы вернулись домой, я первым делом схватил словарь. Как и следовало ожидать, Барбара была права. Слова «мужественный» и «мускулистый» имели совершенно разные значения. И Бронсон действительно был крепким и мужественным. Я сказал себе: «Господи, мне еще учить и учить этот язык! Как глупо спорить по таким пустякам».

После того как я завоевал титул Мистер Олимпия, Джо Уайдер стал посылать меня в рекламные поездки по всему миру. Я появлялся в каком-нибудь торговом центре, где у Уайдера уже был розничный магазин или где он только собирался его открыть. Торговля была моим любимым занятием. Я стоял посреди торгового центра вместе с переводчицей – например, в Финляндии, в универмаге «Стокманн», – в окружении нескольких сотен человек, в основном клиентов окрестных спортивных залов, поскольку мой приезд был разрекламирован заранее. Я продавал, продавал и продавал. «Витамин Е дает фантастическую дополнительную энергию, и вы сможете ежедневно заниматься по несколько часов, чтобы получить такое тело, как у меня! И, разумеется, я даже не хочу говорить о том, какую энергию это даст в постели...» Я неизменно имел огромный успех. Люди покупали то, что я предлагал. Джо посылал меня, так как знал, что после моего выступления владельцы торгового центра обязательно скажут: «Объемы продаж многократно увеличились. Давайте заключим договор».

Я расхваливал товар, одетый в одни плавки, попутно то и дело принимая позы. «Сейчас я расскажу вам о белках. Можно съесть сколько угодно мяса, сколько угодно рыбы, однако человеческий организм способен усвоить всего семьдесят граммов белков за раз. Это правило: один грамм на каждый килограмм веса тела. И дыру в рационе питания вам помогут заполнить напитки для наращивания мышц. Они позволят в пять раз превысить предел в семьдесят граммов! Просто невозможно съесть столько белков, сколько содержится в этом порошке, потому что в нем они концентрированные». Далее я готовил смесь в хромированном шейкере, похожем на тот, в котором смешивают коктейли в баре, отпивал глоток и предлагал кому-нибудь из толпы: «А теперь попробуйте вы». Это было все равно что торговать пылесосами. Я так возбуждался, что не мог дождаться, когда переводчица закончит переводить мои слова.

Затем я переходил к торговле витамином Д, витамином А и специальным маслом. Когда я заканчивал, управляющий магазином, увидев выручку, срочно связывался с Уайдером и делал заказ на год вперед, не забывая также заказать наборы гантелей и гири Уайдера. Тот был на седьмом небе от счастья. А через месяц я отправлялся в другую страну, в другой торговый центр.

Я всегда ездил один. Джо никогда не оплачивал услуги сопровождающего, поскольку считал это пустой тратой денег. Впрочем, я ничего не имел против того, чтобы путешествовать в одиночку, поскольку куда бы я ни направлялся, меня обязательно встречали там как родного брата, и все благодаря туризму. Я получал удовольствие, разъезжая по всему миру и занимаясь в разных тренажерных залах.

Уайдер хотел довести дело до того, чтобы я мог уже самостоятельно вести переговоры с дирекцией торгового центра и заключать сделки, встречаться с издателями и продвигать выпуск его журналов на иностранных языках, чтобы со временем передать мне свой бизнес. Однако моей целью было не это. То же самое можно было сказать и про предложение, кото-

⁹ Английские слова masculine – «мужественный» и muscular – «мускулистый» звучат похоже.

рое я получил в начале семидесятых, – возглавить ведущую сеть тренажерных залов, с окладом 200 000 долларов в год. Деньги были большие, однако я отказался, потому что все это вело меня не туда, куда я собирался идти. Управлять сетью тренажерных залов – такая работа требовала по десять-двенадцать часов в день, однако она не могла сделать меня чемпионом по культуризму и открыть мне дорогу в кино. Ничто не должно было отвлекать меня от моей цели. Ни деловые предложения, ни партнерство, ничего.

А вот летать по миру на самолете и продавать полностью соответствовало моим замыслам. Я всегда считал себя гражданином мира. Мне хотелось путешествовать как можно больше, потому что сейчас местная пресса писала обо мне как о чемпионе по культуризму, а вскоре я должен был вернуться уже как кинозвезда.

Поэтому я отправлялся в путь по несколько раз в год. В одном только 1971 году я слетал в Японию, Бельгию, Австрию, Канаду, Великобританию и Францию. Нередко я добавлял в свое расписание платные показательные выступления, чтобы заработать лишние деньги. А еще я давал бесплатные показательные выступления и семинары в калифорнийских тюрьмах. Все это началось, когда я навестил одного знакомого по клубу Голда, который отбывал срок в федеральной тюрьме на острове Терминал-Айленд неподалеку от Лос-Анджелеса. Он получил два года за угон автомобиля, но собирался продолжать занятия. Я понаблюдал за тем, как он с друзьями занимается в тюремном дворе. Мой знакомый уже снискал себе славу самого сильного заключенного в Калифорнии, когда установил рекорд тюрьмы штата, выполнив приседание со штангой весом шестьсот фунтов. Самое большое впечатление на меня произвело то, что он и многие из тех, кто продолжал заниматься спортом в тюрьме, были на образцовом счету. Именно благодаря этому им шли навстречу, разрешив тренироваться, а также получать с воли питательные добавки, превращавшие их в могучих зверей. В противном случае тюремное начальство ответило бы: «Вы тренируетесь только для того, чтобы избивать остальных заключенных», и отобрало бы гантели и штанги. И я подумал, что чем популярнее станет культуризм в тюрьме, тем больше стимула будет у заключенных вести себя примерно.

Кроме того, занятие культуризмом оказывалось кстати и после того, как ребята выходили на свободу. Они приходили в клуб Голда или другие тренажерные залы и быстро заводили себе новых друзей. В то время как остальных заключенных бросали на автобусной остановке с двумястами долларами в кармане и они оказывались одни, без работы, никому не нужные, в клубе Голда кто-нибудь обязательно обращал внимание на человека, способного выжать лежа триста фунтов. Ему предлагали: «Слушай, не хочешь тренироваться вместе со мной?», и дальше устанавливались человеческие отношения. На доске объявлений в клубе Голда всегда висели карточки с предложением работать механиком, строителем, личным тренером, бухгалтером и так далее. Мы также помогали бывшим заключенным найти работу.

Вот так в начале семидесятых я объездил все мужские и женские тюрьмы штата, популяризируя силовые упражнения, – от Сан-Квентина до Фолсома и Атаскадеро, где содержатся душевнобольные преступники. Этого бы ни за что не случилось, если бы тюремное начальство нашло мою затею вредной. Однако на самом деле все меня поддержали, и слух обо мне переходил из одной тюрьмы в другую.

Осенью 1972 года мои родители приехали в Эссен, чтобы увидеть мое выступление на первенстве за титул Мистер Олимпия, которое впервые проводилось в Германии. Они еще никогда не видели меня на международных соревнованиях, и я был рад тому, что они в зале, хотя это было далеко не лучшее мое выступление. До этого момента родители лишь однажды видели меня на сцене – на состязаниях за титул Мистер Австрия, в далеком 1963 году, куда их пригласил Фреди Герстль. Тогда он помогал мне вести дела со спонсорами.

Я волновался, встречаясь с родителями в Эссене. Они очень гордились мной. Увидев, как меня в третий раз подряд венчают короной Мистер Олимпия, что позволило мне установить новый рекорд как спортсмену, завоевавшему самое большое количество титулов в куль-

туризме, родители наконец поняли: «Вот о чем он все время говорил – мы ему не верили, а его мечта сбылась». Моя мать сказала: «Не могу поверить, что ты там, на сцене. И ты даже несколько не стесняешься! Откуда у тебя все это?» Все поздравляли моих родителей, говорили: «Да, вы приучили этого мальчика к дисциплине!» Все эти похвалы были заслуженными. Я отдал матери приз, серебряное блюдо, чтобы она забрала его домой. Она была очень счастлива. Это был очень важный момент – особенно для моего отца, который всегда отзывался о моих занятиях с гирями приблизительно так: «Почему бы тебе не заняться чем-нибудь полезным? Иди, поколи дрова».

В то же время мои родители чувствовали себя не в своей тарелке. Они не знали, как относиться к зрелищу здоровенных мускулистых мужчин, одним из которых был их сын, расхаживающих по сцене перед тысячами ликующих поклонников. Вечером за ужином и на следующее утро за завтраком я и родители никак не могли найти общий язык. Мои мысли по-прежнему были заняты вчерашними состязаниями, в то время как им хотелось поговорить о чем-нибудь более приземленном. Родители все еще никак не могли свыкнуться с горечью гибели Мейнхарда; их внук остался без отца. Им приходилось очень нелегко, а я был далеко и ничем не мог им помочь. Я не находил, что им сказать, и после их отъезда ощутил в груди опустошение.

Мои родители не понимали, что я подошел к первенству за титул Мистер Олимпия далеко не в лучшей форме. Я слишком много времени тратил на занятия в колледже, и на тренировки почти ничего не оставалось. Мой бизнес, рекламные поездки и показательные выступления также отвлекали меня от занятий в тренажерном зале. И в довершение всего мы с Франко обленелись, повадились уваливать от тренировок или выполнять упражнения вполсилы. Для максимальной плодотворности занятий мне всегда требовалось поставить перед собой определенные цели, чтобы вызвать прилив адреналина. Я обнаружил, что оставаться на вершине значительно труднее, чем подниматься на нее.

Поэтому перед Эссеном у меня не было особых мотиваций, поскольку до сих пор мне не составляло никакого труда отстаивать свой титул. Второй раз подряд я стал Мистером Олимпия в 1971 году в Париже без каких-либо проблем. Единственным, кто мог бросить мне вызов, был Серхио Олива, – всем остальным до меня было как до звезд, – однако его не допустили до соревнований из-за каких-то разногласий между федерациями. Но в Эссен все ведущие культуристы приехали в лучшей форме – все, кроме меня. Серхио вернулся еще более впечатляющий, чем прежде. И еще был молодой культурист из Франции Серж Ньюбре, огромный, с четко прорисованными мышцами, ставший сенсацией первенства.

Для меня состязания проходили крайне трудно, и если бы мы выступали перед американскими судьями, подозреваю, я потерпел бы поражение. Однако немецкие судьи в первую очередь всегда смотрели на чистую мышечную массу, и я, к счастью, мог предложить им именно то, что они хотели увидеть. Однако победа с минимальным преимуществом не доставила мне радости. Я хотел громить своих соперников наголову.

После завершения состязаний я всегда обращался к судьям и спрашивал их мнение. «Я очень признателен, что вы присудили победу мне, но, пожалуйста, скажите, какие, на ваш взгляд, у меня были сильные и слабые стороны, – говорил я. – Мои чувства вы не заденете. Если вы будете устраивать показательные выступления, я могу принять в них участие». В Эссене один судья, врач из Германии, следивший за моей карьерой с тех пор, как мне исполнилось девятнадцать лет, откровенно сказал: «Ты был мягким. На мой взгляд, ты массивный, и ты по-прежнему лучше остальных, но ты оказался мягче, чем я хотел бы тебя видеть».

Из Германии я отправился на показательные выступления в Скандинавию, а оттуда – в Южную Африку, проводить семинары у Реджа Парка. Мы оба были рады встрече; остались в прошлом обиды по поводу того, что в прошлом году я одержал над ним победу в Лондоне. Однако поездка прошла не без приключений. Мне предстояло выступить с показательными

выступлениями в Дурбане, но, приехав туда, я обнаружил, что никто не позаботился соорудить помост. Но ведь я занимался строительством, разве не так? Поэтому, обругав всех последними словами, я сам возвел помост.

Посреди выступления все сооружение рухнуло со страшным треском. Я упал на спину, подогнув под себя ногу, и сильно повредил колено – связка была порвана, а коленная чашечка под кожей сдвинулась со своего места. Южноафриканские врачи кое-как залатали меня, и я завершал турне в бинтах. За исключением этого несчастья поездка прошла прекрасно. Я побывал на сафари, устраивал показательные выступления, проводил семинары, а на обратном пути мне пришлось запихнуть в высокие ковбойские сапоги несколько тысяч долларов, чтобы их не украли, пока я буду спать в самолете.

Возвращаясь домой через Лондон, я позвонил Дианне Беннет, чтобы передать ей привет. – Тебя пыталась разыскать твоя мать, – сказала она. – Позвони ей. Твой отец болен.

Позвонив матери, я сразу же поспешил в Австрию к родителям. Мой отец перенес инсульт.

Я навестил его в больнице. Отец меня узнал, но он был в ужасном состоянии. Он не мог говорить, а только кусал язык. Я долго сидел с ним, и ему, похоже, было приятно мое присутствие, но он плохо понимал, что делает. Отец курил, а затем пытался загасить сигарету о ладонь. Мне было больно и грустно видеть человека, который когда-то был таким умным и сильным – отец был чемпионом по керлингу, – но теперь потерял координацию движений и лишился способности думать.

Я пробыл в Австрии довольно долго, и когда я уезжал, состояние отца было стабильным. Вернувшись в Лос-Анджелес, я в районе Дня благодарения сделал операцию на колено. Я только что выписался из больницы, на костылях, с ногой в гипсе, и тут позвонила мать.

– Отец умер, – сказала она.

Это известие сразило меня, но я не заплакал, не впал в истерику. Барбара, бывшая тогда со мной, испугалась, не увидев у меня никакой реакции. Вместо этого я полностью сосредоточился на насущных заботах. Я позвонил хирургу, оперировавшему меня, и он категорически запретил мне лететь в гипсе, – так что я снова не смог присутствовать на похоронах близкого родственника. По крайней мере, я знал, что социальная система поможет матери организовать похороны и займется всеми мелочами. Жандармерия сомкнет ряды, провожая в последний путь одного из своих членов, и оркестр, который мой отец возглавлял на протяжении стольких лет, будет играть на его похоронах. Местные священники, с которыми мать была в близких отношениях, раздадут приглашения на панихиду. Друзья утешат мать; приедут родственники. Но меня все-таки не будет, единственного из живущих детей, и тут уже ничего нельзя было поделать. Я понимал, что матери будет очень меня не хватать.

Я находился в каком-то оцепенении. Однако, если честно, я был рад, что операция на колене помешала мне поехать в Австрию, поскольку мне по-прежнему хотелось полностью отделиться от всей этой стороны моей жизни. Я решал проблему, отказываясь ее признавать и двигаясь дальше.

Я не хотел, чтобы мать оставалась одна. Меньше чем за два года она потеряла сына и мужа, и я чувствовал, что наша семья быстро распадается. Мне трудно было представить то горе, которое должна была испытывать мать. Поэтому теперь я должен был взять на себя ответственность за нее. Мне было еще только двадцать пять лет, но настало время помочь матери и скрасить остаток ее дней. Пришло время отплатить ей за те бесконечные дни и часы, что она вскармливала меня, растила, ухаживала за мной.

Я не мог дать матери то, о чем она страстно мечтала: сына, живущего рядом, который стал бы полицейским, как его отец, женился бы на женщине по имени Гретель, завел бы пару детей и жил бы за два дома от нее. Так обстояло дело в большинстве австрийских семей. Мать и отец не возражали против моего переезда в Мюнхен, до которого было всего двести пятьде-

сят миль и куда можно было добраться на поезде. Но теперь я понимал, что когда в 1968 году без предупреждения уехал в Америку, мой отъезд явился для родителей болезненным потрясением. Разумеется, я не собирался возвращаться назад, но мне хотелось хоть как-то исправить положение.

Я стал каждый месяц отправлять матери деньги и постоянно звонил ей. Я попробовал уговорить ее переехать в Соединенные Штаты, однако она не хотела. Тогда я попытался убедить ее прилететь ко мне в гости. Этого мать тоже не хотела. Наконец в 1973 году, приблизительно через полгода после смерти отца, она наконец приехала к нам и несколько недель прожила у нас с Барбарой. На следующий год вернулась – и с тех пор приезжала уже каждый год. Я также сблизился со своим племянником Патриком. Когда он был маленьким, я, бывая в Европе, обязательно навещал его, Эрику и ее мужа, военного, ставшего ребенку хорошим отчимом. Затем, когда Патрику исполнилось десять лет, его увлекла идея дяди, живущего в Америке. Он стал собирать мои киноафиши. Эрика просила у меня сувениры; я прислал Патрику кинжал из «Конана», футболки из «Терминатора» и других фильмов, писал ему письма, которые он показывал своим школьным друзьям. Когда Патрик уже учился в старшей школе, он регулярно просил меня прислать двадцать-тридцать фотографий с автографами, которые он использовал бог знает для каких предприятий. Я помог ему поступить в международную школу в Португалии, а затем, получив согласие Эрики, пообещал, что если он будет хорошо учиться, то сможет продолжить обучение в Университете Лос-Анджелеса. Патрик стал моей отрадой и гордостью.

Несмотря на то, что проект аэропорта для сверхзвуковых лайнеров уже не выглядел таким многообещающим, мы с Франко продолжали выплачивать деньги за пятнадцать акров пустыни. Я верил, что вкладывать нужно в недвижимость. Нам часто приходилось ремонтировать старые дома, и это открыло мне глаза на многое. Скажем, владелец выплачивал нам 10 000 долларов за ремонт дома, который купил за 200 000 долларов. Затем он продавал этот дом уже за 300 000 долларов. Очевидно, здесь можно было заработать настоящие деньги.

Поэтому я старался откладывать как можно больше денег. Затем я начал искать возможности для инвестирования. Двое культуристов, которые бежали из Чехословакии и обосновались в Калифорнии незадолго до меня, сложили свои сбережения и купили маленький дом, чтобы в нем жить. Это было замечательно, но им нужно было выплачивать сумму по закладной. Я хотел вложить свой капитал так, чтобы он приносил прибыль, и тогда я смог бы выплачивать по закладной из денег, полученных за аренду, а не платить их сам. Большинство людей покупало дом для себя; мало кому приходило в голову покупать недвижимость, чтобы сдавать ее внаем.

Мне пришлось по душе мысль приобрести жилой дом. Я представлял себе, как начинаю с маленького здания, выбирая себе лучшую квартиру, а все расходы оплачиваю из средств, полученных за аренду остальных квартир. Это дало бы мне возможность освоить дело, а по мере того как инвестиции приносили бы доход, я бы расширял свой бизнес.

На протяжении следующих двух или трех лет я проводил тщательные исследования. Каждый день я просматривал в газете раздел недвижимости, сравнивая цены, прочитывая статьи, анализируя объявления. В конце концов я знал как свои пять пальцев каждый квартал Санта-Моники. Я знал, как выросла цена недвижимости в районах к югу от Олимпийского бульвара по сравнению с районами к северу от бульвара Уилшир и к северу от бульвара Сансет. Я разбирался в том, какое значение имеет близость школ, ресторанов и моря.

Меня взяла под свое крыло замечательная риэлтор Ольга Асат. Возможно, она была египтянкой; определенно она приехала откуда-то с Ближнего Востока. Ольга была старше меня, невысокая и плотная, с курчавыми волосами, и неизменно носила все черное, так как считала, что этот цвет делает ее стройнее. Глядя на такую женщину, можно было подумать: «И зачем я с ней связался?» Однако меня тянуло к ней как к человеку, за ее доброе сердце, материнскую

любовь: увидев во мне собрата-иностранца, Ольга решила помочь мне добиться успеха. Вот таким живчиком она была.

Мы с ней проработали вместе несколько лет. Со временем при помощи Ольги я знал все здания в городе. Я знал обо всех сделках: кто продавец, какая цена, насколько собственность подорожала с тех пор, как в последний раз меняла владельца, как выглядит лицевой счет, во что обходится годовое содержание, какова процентная ставка по кредиту. Я встречался с владельцами недвижимости и банкирами. Ольга обладала потрясающей работоспособностью. Не жалея сил, она ходила от одного здания к другому, до тех пор пока мы не находили то, что нам нужно.

Математика недвижимости была мне близка. Я обходил здание, спрашивая о том, какова его площадь, насколько оно заселено, какова стоимость обслуживания одного квадратного фута, и при этом мысленно прикидывал, какую общую сумму я могу предложить, сохранив возможность делать выплаты. Когда я приводил свои выкладки агенту, тот как-то странно смотрел на меня и спрашивал: «Когда вы успели все просчитать?»

Но это просто было у меня в крови. Я доставал карандаш и говорил: «Я не могу предложить больше чем десять процентов от общей стоимости, поскольку средняя стоимость обслуживания такого здания равна пяти процентам. Так что нужно всегда иметь под рукой эти пять процентов. А ставка по кредитам сейчас 6,1 процента годовых, поэтому кредит обойдется во столько-то и столько-то». Все это я записывал и показывал агенту.

Тогда он начинал возражать: «Ну, тут вы правы, но не забывайте, что стоимость недвижимости должна вырасти. Так что, возможно, вам придется выложить и кое-какие свои деньги. В конечном счете вы внакладе не останетесь».

«Я все понимаю, – отвечал я, – но я никогда не плачу больше десяти процентов от общей стоимости. Если в будущем цена пойдет вверх, это будет *моя* прибыль».

Интересные сделки начались после того, как в 1973 году арабы наложили эмбарго на поставки нефти, что привело к экономическому спаду. Ольга звонила и говорила: «У этого продавца серьезные финансовые затруднения» или «Они уже дошли до предела, нужно скорее делать им предложение». В начале 1974 года она нашла шестиквартирное здание на Девятнадцатой улице, чуть севернее бульвара Уилшир, – лучшее место в районе. Владельцы купили другое здание и хотели как можно быстрее продать этот дом. Что лучше всего, их новая сделка оказалась крайне выгодной, и они были готовы сбросить цену.

Здание обошлось мне в 215 000 долларов. На выплату первого взноса ушли все мои сбережения до цента, 27 000 долларов, плюс еще 10 000 долларов, одолженных у Джо Уайдера. Здание было – смотреть не на что: неказистое двухэтажное строение начала пятидесятых из дерева и кирпича. Но я был бесконечно счастлив. Мы с Барбарой тотчас же переехали в него. Район был прекрасный, а квартиры в здании – просторные и ухоженные. Я выбрал себе самую большую квартиру площадью две тысячи четыреста квадратных футов, с балконом по фасаду, гаражом на две машины внизу и маленьким двориком за домом. Были тут и другие преимущества: остальные квартиры я сдал в аренду работникам сферы развлечений. Актеры, которых я встречал в тренажерном зале, постоянно искали себе жилье, так что через какое-то время в моем доме жило уже четыре актера. Это был верный способ обзавестись связями в том мире, куда я хотел попасть. Что самое главное, я съехал со съемной квартиры, где мне приходилось платить 1300 долларов в месяц, в дом, который окупался сам с самого первого дня, на что я и рассчитывал.

Увидев, как я провернул сделку стоимостью 215 000 долларов, мой старый друг Арти Зеллер был потрясен. После этого он еще несколько дней спрашивал, как у меня хватило духа на такое. Арти никак не мог это понять, потому что сам в жизни никогда не рисковал.

– Как ты можешь выдерживать постоянное давление? Тебе же нужно думать о том, как сдать остальные пять квартир. Нужно собирать арендную плату. А что, если что-нибудь пойдет не так?

Арти мог видеть одни только проблемы. Все будет ужасно. Жильцы поднимут шум. А что если кто-нибудь придет домой пьяным? Что, если кто-нибудь поскользнется и упадет, а потом подаст на меня в суд? Знаю ли я, что такое судиться в Америке? И так далее, и в том же духе.

Я поймал себя на том, что слушаю его.

– Арти, ты едва не вселил в меня страх божий. – Я рассмеялся. – Больше ничего не говори. Я хочу и впредь бродить как шенок. Я впутываюсь в какую-либо проблему, а затем решаю, что она собой представляет в действительности. Не пугай меня раньше времени.

Часто бывает проще принять решение, не владея всей полнотой информации, так как в этом случае не приходится ломать голову над несущественными мелочами. Если же информации чересчур много, это может парализовать волю. Вся сделка будет казаться одним сплошным минным полем.

То же самое я заметил еще в колледже. Наш преподаватель экономики защитил две докторские диссертации, но он ездил на «Фольксвагене-Жуке». К тому времени у меня уже давно были автомобили лучше. И я сказал себе: «На самом деле знать все – это еще не ответ, потому что этот парень не зарабатывает себе столько денег, чтобы купить машину получше. Он должен был бы ездить на «Мерседесе»».

Глава 9

Величайшее в мире шоу мускулов

Как Мистер Олимпия, я был трехкратным победителем мирового первенства, о котором девяносто девять процентов американцев даже не слышали. Мало того, что представление о культуризме как виде спорта оставалось туманным; если среднего американца спрашивали, что ему известно о культуристах, в ответ можно было услышать только одни отрицательные суждения:

– Этим ребятам мышцы только мешают. У них начисто отсутствует координация движений, и они даже не могут завязать шнурки.

– Все это превратится в жир, и они умрут молодыми.

– Они все до одного страдают комплексом неполноценности.

– У них не все дома.

– Они влюблены в самих себя.

– Они поголовно гомосексуалисты.

Все аспекты этого образа были плохи. Один журналист сказал, что этот вид спорта продвигать так же трудно, как борьбу карликов.

Действительно, культуристы во время тренировок наблюдают за собой в зеркало. Для нас зеркало – это важный инструмент, такой же, как и для балерин. Нужно быть своим собственным тренером. Например, выполняя повороты с гирями, необходимо следить за тем, чтобы одна рука точно следовала за другой.

Культуризм как вид спорта был задвинут так далеко, что, можно сказать, вообще не существовал. Для меня культуризм был чем-то настолько американским, что я не переставал удивляться, когда у меня спрашивали, чем я занимаюсь. «Вы борец? – спрашивали меня. – Какое у вас тело! Нет, нет, знаю, вы футболист, правильно?» Люди называли все, кроме культуризма.

На самом деле больше всего зрителей наши выступления собирали в странах третьего мира. Посмотреть показательные выступления в Индии пришли двадцать пять тысяч зрителей, а в Южной Африке они собрали десять тысяч. Культуризм был одним из самых зрелищных видов спорта на Ближнем Востоке. Поворотный момент в карьере Джо Уайдера наступил в 1970 году, когда международное сообщество наконец официально признало культуризм как вид спорта. Отныне программы подготовки культуристов получили право на государственную поддержку в тех странах, где спортсмены спонсируются государством.

Но я провел в Соединенных Штатах уже четыре года, и по сути своей за все это время ничего не изменилось. Во всех крупных городах по-прежнему был один или два тренажерных зала, где занимались культуристы. Крупнейшие состязания не собирали больше четырех-пяти тысяч зрителей.

Мне это не давало покоя, поскольку я мечтал о процветании культуризма, хотел, чтобы не только импресарио, но и спортсмены зарабатывали хорошие деньги. Мне также казалось очень важным, чтобы те миллионы, которые когда-нибудь увидят фильмы с моим участием, знали, откуда у меня такие мышцы и что это значит – быть Мистером Вселенная, Мистером Олимпия и Мистером Земля. Так что предстояла большая просветительская работа. Чем более популярным становился этот вид спорта, тем больше у меня было шансов стать видной фигурой. Скажем, полузащитнику футбольной команды «Нью-Йорк джетс» Джо Намату не составляло труда попасть в кино и рекламу. В ведущих видах спорта, таких как американский футбол, бейсбол, баскетбол, теннис, звезды просто позируют перед фотокорреспондентом, получая за это большие деньги. Я понимал, что со мной такого никогда не будет. Мне нужно было

добиться большего. Я хотел развивать культуризм, чтобы как можно больше людей занимались этим видом спорта, но также и чтобы это благоприятно сказалось на моей карьере.

Однако Джо Уайдер во многих отношениях был упрямым. Он даже не собирался пробовать расширить свою аудиторию за рамки поклонников культуризма и пятнадцатилетних юнцов – какие бы доводы я ни приводил.

– Это же комиксы! – насмешливо говорил я про его журналы. – «Как Арнольд затерроризировал свои бедренные мышцы», «Вот говорят бицепсы Джо»... Откуда все эти глупые заголовки?

– Это увеличивает тираж, – отвечал Джо.

Его подход заключался в том, чтобы обеспечивать постоянный набор продукции и при любой возможности расширять рынок сбыта по всему миру. Возможно, это было правильно, потому что его бизнес разрастался. Но я понимал, что если начну продвигать культуризм новой аудитории, то найду свой собственный путь.

Осенью 1972 года, остановившись по дороге в Европу в Нью-Йорке, я встретил двух человек, которые помогли мне найти то, что я искал: Джорджа Батлера и Чарльза Гейнса. Батлер был фотограф, а Гейнс – журналист, и они работали на журнал «Лайф». Они должны были осветить состязания за титул Мистер Вселенная, которые Джо Уайдер устраивал в Ираке, и им посоветовали побеседовать со мной, чтобы узнать изнанку культуризма.

Я не мог поверить своему счастью. Впервые мне предстояло встретиться с журналистами, не связанными с миром культуризма. Они имели доступ к миллионной аудитории тех, кто никогда не слышал об этом виде спорта. И Батлер, и Гейнс были примерно одних лет со мною, и мы сразу же наладили отношения. Гейнс уже кое-что понимал в культуризме; как выяснилось, он только что написал роман под названием «Оставайся голодным», сюжет которого был завязан на тренажерном зале в Алабаме. Книга стала бестселлером. Летом этого года вдвоем с Батлером Гейнс подготовил материал для журнала «Спортс иллюстрейтед» о состязаниях за титул Мистер Восточное побережье, проводившихся в городке Маунт-Холиоук, штат Массачусетс. И они уже поговаривали о том, чтобы после статьи для «Лайфа» продолжить эту тему и написать книгу. Гейнс и Батлер понимали, что эта увлекательная тема остается неизвестной большинству американцев.

Я не собирался отправляться в Багдад, но предложил Гейнсу и Батлеру, что если у них возникнет желание поближе познакомиться с культуризмом в Калифорнии, я с удовольствием им помогу. Два месяца спустя они сидели в гостиной у меня дома в Санта-Монике и разговаривали с Джо Уайдером. Я представил их друг другу, и сперва встреча проходила в обстановке конфронтации. Гости произвели впечатление двух самоуверенных молодых парней, возомнивших, что они все знают, хотя Чарльз был связан с культуризмом всего года три-четыре, а Джордж – и того меньше. Они с ходу пристали к Джо с вопросами, почему он не продвигает спорт в том или ином направлении, почему не приглашает в качестве спонсоров крупные компании, и так далее. Почему Джо не договорился с телекомпанией Эй-би-си о том, чтобы та освещала состязания культуристов в своей передаче «Разноликий мир спорта»? Почему у него нет профессиональных специалистов по рекламе? Я видел, что Джо отнесся к ним как к полным невеждам. Они были в культуризме посторонними, не понимали особенностей этого спорта, не догадывались, как мучительно трудно заручиться поддержкой крупных компаний. Нельзя было просто щелкнуть пальцами и сказать: «А вот вам культуризм!», и сразу же уравнять этот вид спорта с теннисом, бейсболом или гольфом.

Однако постепенно разговор стал позитивным. Уайдер пригласил журналистов на следующий день посетить его штаб-квартиру в долине Сан-Фернандо, чтобы посмотреть на то, как он работает. Это явилось началом выхода культуризма из тени. Наверное, сперва Джо приходилось очень нелегко. Он старался привыкнуть к тому вниманию, которое теперь уделялось культуризму, избавиться от ощущения, будто у него пытаются отобрать дело всей его жизни

и украсть его спортсменов. Думаю, тут у него были определенные страхи. Но постепенно Джо оценил взгляд на культуризм со стороны. Вскоре фотографии Батлера и статьи Гейнса уже печатались в его журналах.

Я же находился точно посередине. Я видел все с обеих сторон и радовался такому развитию событий, поскольку понимал, что культуризму необходима свежая кровь. Я гадал, смогу ли, сотрудничая с Батлером и Гейнсом, приобрести необходимый поступательный момент, чтобы создать новый образ культуризма в глазах широкой публики.

В последующие месяцы книга, задуманная Гейнсом и Батлером, начала постепенно принимать очертания. Проводя исследования для работы над своей «Качая железо: культуризм как искусство и спорт», Джордж и Чарльз стали своими людьми в клубе Голда. Веселые и общительные, они привнесли совершенно новое измерение в застоявшуюся среду завсегда-таев тренажерных залов. Чарльз Гейнс, привлекательный, уверенный в себе парень, был выходцем из богатой семьи из Бирмингема, штат Алабама, где его отец, влиятельный бизнесмен, со своими друзьями был душой местного клуба. Чарльз провел бурную молодость, бросил колледж и какое-то время путешествовал автостопом по стране. Он не переставал повторять, что именно знакомство с культуризмом помогло ему угомониться. Чарльз завершил прерванную учебу и стал учителем. К моменту нашего знакомства он жил в Новой Англии вместе со своей женой-художницей.

Чарльз уже давно пришел к выводу, что существует множество увлекательных видов спорта, не получающих должного освещения: не только культуризм, но и скалолазание и катание на лыжах по ледникам. Он обладал неплохой физической подготовкой, поэтому все испробовал сам, а затем описывал свои ощущения. Так, Чарльз рассказал о том, что испытал, занимаясь тяжелой атлетикой, когда всего через месяц смог выжать лежа штангу на тридцать фунтов тяжелее, чем до начала тренировок.

Джордж Бенсон производил еще более экзотическое впечатление. Родившись в Великобритании, он рос на Ямайке, в Кении, Сомали и Уэльсе. Его отец, приверженец старых английских традиций, придерживался самых строгих правил. Джордж рассказывал нам жуткие истории про свое детство, прошедшее в обстановке железной дисциплины. Правда, однажды, когда он еще был совсем маленьким, они с матерью какое-то время жили на Карибском море, а отец был где-то в отъезде. Когда Джордж стал постарше, его отдали в частный пансион. Затем он переехал в Гротон, где учился в Университете штата Северная Каролина и колледже Холлинса. Джордж окончил учебу, имея миллион связей в нью-йоркском свете.

Возможно, благодаря своему воспитанию Бенсон производил впечатление человека холодного и даже высокомерного. Он почти никогда ни на что не жаловался. За плечом у него всегда висела сумка с фотоаппаратом и дневником, в который он делал записи двадцать четыре часа в сутки. Мне это казалось напускным, словно Джордж подражал Эрнсту Хемингуэю или какому-то знаменитому исследователю.

Однако на самом деле Бенсон был именно тем, что требовалось культуризму, чтобы выковать свой новый образ. Он умел фотографировать так, что люди, увидев его снимки, восклицали: «Ого, это же просто потрясно, смотрите!» Джордж не фотографировал профессиональные позы, которые мало интересовали рядового читателя; вместо этого он делал снимок, на котором культурист выглядел маленьким человечком на фоне огромного американского флага. Или же он запечатлевал восторженные лица девушек из Маунт-Холиоука, наблюдающих за соревнованиями культуристов. Братья Уайдеры ни до чего подобного не додумались.

Джордж умел делать из ничего конфетку. Или, возможно, это казалось ничем мне, потому что я видел все это каждый день и был его частью, в то время как для Джорджа это действительно было что-то. Однажды, проработав с фотоаппаратом целый день в клубе Голда, Джордж спросил у меня:

– Как тебе удается так быстро проходить по залу и никого не задевать?

Для меня ответ был очевиден: если кто-то оказывается на пути, его нужно обойти! Зачем толкаться? Однако Джордж увидел тут нечто большее. Несколько недель спустя я услышал, как он за ужином рассказывал об этом своим друзьям-интеллектуалам: «Когда мы с Чарльзом пришли в тренажерный зал, то принялись очень внимательно наблюдать за тем, как движутся эти люди. И, поверите ли вы, за четыре часа, проведенных там, мы ни разу не увидели, чтобы один из этих огромных культуристов столкнулся с другим! Даже несмотря на то, что там было многолюдно, снаряжения много, свободного места не хватает, никто не сталкивался между собой. Они просто обходили друг друга, грациозно, словно львы в клетке».

Друзья заворожено слушали его.

– Ого, они не натыкались друг на друга?

– Ни разу. А вот вам еще один потрясающий момент. У Арнольда во время тренировок на лице абсолютно никогда не бывает злого выражения. Он постоянно улыбается. Я хочу сказать, задумайтесь над этим. Какие мысли должны быть у него в голове? Что такое ему известно о будущем, если он постоянно улыбается?

И я подумал: «Это же просто блестяще! Сам я ни за что не смог бы это так сформулировать. Я только сказал бы, что мне доставляет удовольствие заниматься в тренажерном зале, поскольку каждое упражнение приближает меня к моей цели». Но Джордж выразил все так, он создал такой образ, подвел такую психологию, что я в очередной раз отметил, как же мастерски он умеет показывать товар лицом.

Обратив внимание на то, что я человек веселый и люблю встречаться с новыми людьми, Джордж стал таскать меня с собой по всему Нью-Йорку. Я знакомился с модельерами, наследницами огромных состояний и теми, кто снимает фильмы про искусство. Он просто обожал сталкивать разные миры. Как-то раз он познакомился с человеком, издававшим журнал для пожарных. «Вот где будущее журналистики, – рассказывал он после этого всем, – в специальных изданиях, предназначенных для пожарных, сотрудников правоохранительных органов, водопроводчиков или военных». Джордж правильно предвосхитил пути развития журналистики.

Помимо увлечения фотографией, Бенсон также лелеял мечту проявить себя в кино и с готовностью ухватился за мысль показать меня на экране. Он отснял несколько короткометражных лент о том, как я тренируюсь, занимаюсь в колледже и просто общаюсь с другими людьми, а затем показывал их своим знакомым и говорил: «По-моему, было бы весьма интересно снять этого парня в кино». Джордж даже попытался найти деньги на документальный фильм о культуризме, который должен был бы развить успех книги.

Тем временем Чарльз Гейнс обзаводился друзьями в Голливуде. Он познакомил меня с Бобом Рейфелсоном, режиссером, снявшим «Пять легких пьес», который купил права на экранизацию его книги «Оставайся голодным». Работая с Джорджем над их совместным проектом «Качая железо», Чарльз параллельно начал вместе с Рейфелсоном писать сценарий. Я познакомился с последним, когда Чарльз привел его на Винес-Бич, посмотреть, как я занимаюсь. Боб захватил с собой свою жену Тоби, и та пришла в восторг и сделала кучу фотографий, как мы с Франко упражняемся.

Знакомство с Бобом Рейфелсоном резко подняло меня на совершенно новую орбиту. За Бобом последовали другие представители «нового Голливуда»: актер Джек Николсон, режиссер Роман Полански, который работал в то время над «Китайским кварталом», а также актеры Деннис Хоппер и Питер Фонда, только что снявшиеся в фильме «Беспечный ездки», продюсером которого был Берт Шнайдер, работавший вместе с Бобом Рейфелсоном.

Гейнс и Батлер давили на Рейфелсона, чтобы он пригласил в «Оставайся голодным» меня на главную роль культуриста по имени Джо Санто. Рейфелсон еще не определился с выбором, но я прекрасно помню, как однажды вечером в начале 1974 года я сидел у него дома, заворожено слушая его слова о том, что будет значить для меня этот фильм. «Я хочу, чтобы ты

понял, что если мы снимем этот фильм, твоя жизнь кардинально переменится. Вспомни, что произошло с Джеком, после того как он снялся в «Пяти легких пьесах». Вспомни, что произошло с Деннисом Хоппером и Питером Фондой, после того как они снялись в «Беспечном езде». Они в одночасье стали суперзвездами! У меня чутье подбирать людей, так что когда мы снимем этот фильм, твоя жизнь изменится. Отныне всюду, куда бы ты ни пошел, тебя будут узнавать на улицах».

Разумеется, я был оглушен его словами. Один из самых блистательных голливудских режиссеров собирался сделать из меня кинозвезду! А тем временем Барбара сидела рядом со мной, уставившись в пустоту. Я буквально чувствовал ход ее мыслей. Как будущий успех отразится на мне и на наших отношениях? Карьера увлекала меня прочь от Барбары, которая хотела, чтобы я отошел от бурной жизни, женился на ней и открыл магазин товаров для здорового образа жизни. Она видела надвигающуюся бурю.

Конечно, предчувствие ее не подвело. Все мои мысли были только о том, как тренироваться и сниматься в кино и как добиться того, чтобы Рейфелсон пригласил меня на роль, а вовсе не о том, как жениться и завести семью. Однако после ухода Боба я постарался, как мог, успокоить Барбару и попросил ее не обращать внимания на его слова: это подавала свой голос марихуана.

Я был в восторге от того, что оказался окружен облаком знаменитостей. Дом Николсона на Малхолланд-драйв был расположен по соседству с особняками Полански, Уоррена Битти и Марлона Брандо. Они приглашали к себе на вечеринки меня и других культуристов, а иногда сами заглядывали ко мне, когда я готовил барбекю в маленьком внутреннем дворике. Мы шумно веселились, а соседи, проходя мимо по улице, не могли поверить своим глазам, встречая всех этих звезд. Но в то же время я постоянно напоминал себе, что ни в коем случае нельзя терять голову. Я лишь прикоснулся к самому краешку этого мира. Пока что я оставался не более чем поклонником этих людей.

Я столкнулся с совершенно незнакомым миром. Мне было интересно общаться со знаменитостями, наблюдать за ними, смотреть, как они ведут дела и принимают решения, слушать их рассказы про съемки новых фильмов или строительство новых особняков, про девочек. Я много спрашивал про актерское мастерство, про то, какой нужно знать секрет, чтобы добиться успеха на сцене. Разумеется, Николсон и Битти выступали яркими сторонниками методического подхода к актерскому ремеслу. Они рассказывали о том, как готовились к съемкам, как долго репетировали свою роль и как им удавалось вживаться в образ и импровизировать. Джек как раз снимался в «Пролетая над гнездом кукушки» и описывал, какая это сложная задача – играть роль пациента психиатрической больницы. В то же время Полански, снявший «Китайский квартал» с Николсоном в главной роли, объяснял различия между съемками фильма в Голливуде и съемками в Европе: Америка предоставляла неизмеримо больше возможностей, но здесь кино было более формальным и менее артистичным. Все эти люди были страстно влюблены в свою профессию.

Я мечтал, что когда-нибудь мне представится шанс сняться вместе с ними, в эпизодической роли. Но в первую очередь я думал: «Как это здорово для продвижения культуризма, что теперь все эти люди признают этот спорт».

Моей карьере в Голливуде так и не суждено было осуществиться, если бы не цепочка событий, которая началась с того, что мы с Франко в то лето устраивали состязания по культуризму в Лос-Анджелесе. Я по-прежнему был сосредоточен на том, чтобы сделать культуризм популярным видом спорта. Меня бесконечно огорчало то, что широкая публика до сих пор почти ничего не знала о культуризме. Такое положение дел казалось мне совершенно неправильным: посудите сами, ну что нам было скрывать? Люди жаловались, что журналисты пишут о культуризме исключительно в негативном тоне, публикуя самые нелепые вещи. Что ж, это действительно было так, но кто из нас общался с прессой? Кто-нибудь хоть раз сел и подробно

объяснил, чем мы занимаемся? Поэтому мы с Франко решили, что если культуризму в Лос-Анджелесе и суждено вырваться из своей тесной раковины, мы должны взять это дело в свои руки. Мы взяли в аренду большой зал в центре города и договорились о правах проведения первенства за титул Мистер Интернэшнл 1974 года.

Определенные признаки указывали на то, что момент выбран подходящий. Многие актеры начали заниматься в клубе Голда. Гэри Бьюзи приходил регулярно. Айзек Хейс, получивший премию «Оскар» за музыку к фильму «Шахта», каждый вечер приезжал на тренировки в своем «Роллс-Ройсе». До тех пор на людях занимались только те актеры, которые лишь укрепляли представление о культуризме как о спорте для гомосексуалистов. Такие актеры, как Клинт Иствуд и Чарльз Бронсон, обладали впечатляющей мускулатурой и потрясающе смотрелись на экране. Разумеется, они тоже работали над своим телом, но только приватно. А когда кто-нибудь хвалил их мышцы, они скромно отвечали: «Я таким родился». Однако такое положение дел начинало меняться, и силовые упражнения приобретали все большую популярность.

Другим позитивным сдвигом явилось то, что в клуб Голда стало приходиться все больше женщин – и не просто поглазеть на парней, но и спросить о занятиях. Вначале женщины до тренировок не допускались. Для Джо Голда было бы очень непросто осуществить это с практической стороны, поскольку в зале были лишь одна туалетная комната и одна душевая. Однако главная проблема заключалась в том, что ребята еще не были к этому готовы. Культуризм оставался сугубо мужским миром. Меньше всего спортсмену во время тренировок хотелось следить за тем, как бы чего-нибудь не сказать вслух. В тренажерном зале постоянно звучали отборные ругательства и другие крепкие мужские выражения. Я посоветовал Джо разрешить женщинам заниматься в клубе. Преимущества этого я видел еще в Мюнхене: присутствие женщин заставляло ребят заниматься более напряженно, хоть при этом и приходилось следить за своим языком.

Среди женщин, просивших разрешить им заниматься, было много сестер и подруг культуристов. Также в клуб обращались девушки, которые уже занимались силовыми упражнениями на пляже. Если какой-нибудь женщине требовалось сдать нормативы по физической подготовке – скажем, чтобы устроиться на работу в полицию или в пожарную службу, – Джо всегда в виде исключения давал ей разрешение. Он говорил: «Приходите в семь утра, когда народу здесь совсем мало, и тогда вы сможете позаниматься. Будьте моей гостьей, платы я с вас не возьму».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.